

Алексей Яшин

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ,
ИЛИ КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ**

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года. Автор 25 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член ред-

коллегий ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова. Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министерства культуры РФ. Кавалер ордена «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования». Почетный изобретатель Европы (Гамбург).

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008) и статью в «Википедии».

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ВОСТОРГ, ИЛИ КАРТИНКИ
С ВЫСТАВКИ**

Москва
«Московский Парнас»
2014

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новеллино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978.5.73301.06.703

«Московский Парнас» представляет читателям в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» двадцать пятую по счету книгу известного современного русского писателя Алексея Яшина, главного редактора дружественного «Московскому Парнасу» ордена Г. Р. Державина всероссийского журнала «Приокские зори». Она же, эта книга (первая — «Квадратная пустота», 2012, М.: «Московский Парнас»), является вторым опытом автора в возрождении античного и средневекового жанра романа-новеллино. Надо полагать, что подоспело в наших пенатах время новелл во всех отраслях бытия... Новая книга Алексея Яшина о современной бюрократии, преимущественно вузовской, впервые в тысячелетней истории России ставшей «руководящей и направляющей» всего уклада современной жизни. Правда, все ужасно-чающаяся вертикаль власти грозитя значительно поумерить распоясавшийся «административный восторг», но улита едет — когда-то будет?

Отдельные главы-новеллы публиковались в «Приокских зорях» в 2013—2014 гг. Книга иллюстрирована в «изобретенном автором стиле» (Леонид Ханбеков «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина», М.: «Московский Парнас», 2008): иллюстрации из старозданных книг М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. В. Гоголя с оригинальными авторскими подписями-эссе. Несомненно, Алексей Яшин и сам знаток (чуждого ему) бюрократического мира, но надо помнить, что живет он в Туле с ее традициями литературного бытописательства. Достаточно вспомнить «Город Глупов» Салтыкова-Щедрина, служившего в Туле в чине председателя Казенной палаты, и «Нравы Растеряевой улицы» Глеба Успенского... Есть на кого равняться!

На обложке: советский плакат конца 40-х годов.

© Яшин А. А., 2014
© Яшин А. А.,
художественное оформление, 2014
© Яшин А. А.,
подписи к иллюстрациям, 2014

**ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:
А. П. ЧЕХОВ
«ХАМЕЛЕОН»**

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянный? — слышит вдруг Очумелов.— Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой накрахмаленной рубахе и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!..— говорит городской.

Очумелов делает полуборот налево и шагает

к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу.— Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал!

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю...— начинает Хрюкин, кашляя в кулак.— Насчет дров с Митрий Митричем,— и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пуцай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелищу... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо...— говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафую его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин,— обращается надзиратель к городовому,— узнай, чья это собака, и составляй протокол! А

собаку истребить надо. Не медля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину.— Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пуцай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская...— глубокомысленно замечает городской.— У генерала таких нет. У него все больше лягавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то

знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская...— думает вслух городской.— На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видели.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Энобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего,— говорит Очумелов.— Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и все.

— Это не наша,— продолжал Прохор.— Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

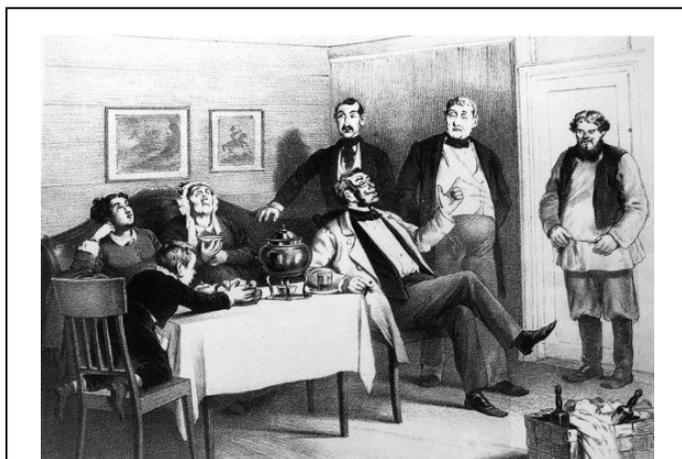
— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления.— Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Заседание совета факультета. Профессор Бек-булат Ордынович обличает провинившегося Игоря Васильевича, двойного профессора

*В городской районной управе. Выход префекта (от лат. *perfectum mobile...*) к электротату*

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ: ЛИЦЕНЗИЯ НА ОТЛОВ МЫШЕЙ

◆ Прокофьич проживал со своей старухой в собственном доме в пригороде, бывшем шахтерском поселке, но обе шахты, на одной из которых — семьдесят второй — он когда-то работал, выработались, когда Леонид Ильич только-только получил вторую геройскую звезду. Так что для пенсии Прокофьич трудился по своей электромеханической части в заготовительном цехе крупного военного завода. Сам завод располагался еще с царских времен в центре города, а цех вынесли в пригород, чтобы разгрузить территорию основного производства, а главное — занять работой бывших шахтеров.

Он бы и по выходу на пенсию еще пяток с лишним лет проработал бы в заготцехе, мужик крепкий, шахтерской потомственной постройки, но здесь как раз начались новые времена. Завод в городе остановился — не до заготцеха, с которого в считанные дни веселые мускулистые ребята в спортивных костюмах и в кедах, которые теперь назывались кроссовками, на большегрузных «Камазах» и «КрАЗах» вывезли весь металл в листах, прутах, слябах и других формах, запасенных на целую пятилетку вперед. После чего в цех прибыли люди постарше, в основном сварщики, крановщики и такелажники, которые в неполные две недели газорезчиками превратили в металлолом все цеховые конструкции и громоздкое кузнечно-прессовое оборудование заготовительного производства. Несколько сотен тонн металла погрузили в открытые полувагоны, подогнанные по железнодорожной ветке, по которой в шахтерские времена поселка вывозили местный бурый уголь — на Рязанскую ГРЭС, а затем подвозили с Урала, из

Сибири и из местных двух металлургических заводов сырье для заготцеха. Эшелоны с рукотворным вторсырьем ушли, как поговаривал народ, в эстонские порты, и больше в поселке-пригороде вагонов и тепловозов не видели. Все же энергичные люди еще раз появились: сняли, распилили и вывезли на грузовиках рельсы бывшей железнодорожной ветки. А здания бывшего цеха, в свое время переделанные из наружных шахтных построек, пугающе зияли при полой луне проемами на местах окон и крыш и очень быстро разрушались.

Поселковый народ перешел на подножный корм, благо в шестидесятые-семидесятые годы вместо дедовских халуп все построили добротные, просторные дома, литые из дармового шлака с ближнего металлзавода в соседнем поселке-пригороде. А на положенных шести сотках при домах всюю плодоносили яблони, груши, сливы и вишни. Меж ними — ягодные кустарники и огородные грядки. Весь поселок давно уже газифицирован. У кого не было — спешно строили хозяйственные сараи, заводили свиней, коз, не говоря уже о курах и гусях — кто жил рядом с большим поселковым прудом. Любители и наиболее предприимчивые разводили кролей и ондатр — для мяса и шкур на шапки и воротники. На продажу.

В голодные девяностые годы жители подгороднего поселка вступили подготовленными: не только сами в тепле и с мясом, яблоками и картохой выжили, но и детей своих, что в восьмидесятых годах массово двинули в город — и остались в большинстве на бобах, поддерживали натурпродуктом. Да и самым надежным в те времена заработком — пенсией — делились.

И, как сейчас принято суконно-официально говорить с экранов телевизоров, демографическая обста-

новка в поселке сложилась к перемене века следующей: всем живущим за «полтинник», слегка разбавленным поздними детьми, заканчивающими местную школу или ездящими по утрам на рейсовом автобусе в город на учебу в институтах и техникумах, спешно переименованными в университеты и колледжи. Все же промежуточные возраста либо в городе живут, или вахтовиками в недалекую столицу версты полосаты мотают.

Такой вот расклад в новодемократические времена. Как говорится, Гайдар-внук не всех выдаст, свинья не съест. Про свиней, впрочем, чуть попозже.

◆ У Прокофьяча с Тихоновной все как у людей в поселке: только-только разменяли восьмой десяток, но оба крепкие, слава богу, без старческих хворей, особенно хозяин с потомственной шахтерской закваской, из тех, кому на роду и в девяносто тянет молодку за мягкое место ущипнуть. Впрочем, бабником особым и в молодые годы не был. Водовку с самогонкой собственной выделки — чужой не доверял — конечно, мимо рта не проносил, но только для веселья и сурьезного разговора. На пару с Тихоновной, моложе его на год, в полном порядке содержали четырехкомнатный дом с приусадебным участком, хозяйственными постройками: сараем с верстаком для мастерства и банной половиной, утепленный хлев, в котором воспитывались Га..., то есть свинья, иногда и пара их, куры с петухом, гуси, даже пяток уток — дом рядом с поселковым прудом. Когда снег сходил — все, исключая свиней, на вольном выпасе. Еще пару коз завели в начале двухтысячных — с намеком на возможное появление правнуков: Тихоновна длинными зимними вечерами до одури насмотрелась телевизора, где много говорили о пользе козьего молока. Прокофьяч ее поддер-

жал, но по другой причине: давний его друг, с кем вместе срочную служили во флоте на крейсере «Киров», всю жизнь и по сей час работающий главным технологом на городском молокозаводе, рассказывал, что после ликвидации колхозов и совхозов своего молока в области вовсе нет. Вся же, с позволения сказать, молокопродукция творится из китайского или новозеландского сушняка.

Новозеландское — вроде как из настоящего молока, но его завозят редко. А китайское? — Кто знает, из чего его делают. «Поставщики, то есть московские перекупщики, — пояснял флотский дружок под стопку-другую самогоновки, настоящей на яблоневых листьях, — смеются: мол, порошок этот хунвейбины производят на Сычуанском химзаводе. Так что, Прокофьич, вы со своей всякие там кефиры и «чудо-творожки» нашей фабрики и в рот не берите, а пуще всего внукам не давайте!»

На другой день он дал флотское «добро» супружнице: «Давай-ка, мать, заводи своих коз. Только пухновитых бери, прясть-вязать умеешь, очки сроду не носила; чем пялиться на проституток и полудурков в телевизоре, будешь на все семейство носки и рукавицы заготовливать. А то нынешние магазинные, наверное, все китайские из пластмассы — и воняют каким-то гудроном!»

Когда дети окончательно переселились в город, поначалу пустота большого дома настораживала стариков, особенно бывшие комнаты сына и дочери, но Прокофьич мигом смекнул и пустоту заполнил. Самую маленькую комнатку приспособил под зимнюю и осенне-слякотную мастерскую, где занимался любимым столярничьем — все столы, стулья и полки в доме собственной фабрикации.

В другой опустевшей комнате на барский манер

устроил себе «диванную» с искусно выделанными настенными полками, уставленными книгами о морской жизни, что покупал издавна в поселковом «когизе» и по несколько раз перечитывал. Очки стал надевать — но только для книг — лишь с недавних пор.

Большой, настоящий кожаный диван довоенной работы, некогда купленный за три литра самогоновки и домашний вяленый свиной окорок у школьного завхоза «под списание» устаревшей мебели, Прокофьич делил с котом Мичманом. Здесь же Прокофьич курил — от супруги, не любившей табачный дым; не по причине дыхательного нездоровья, но выросшей в некурящей семье.

Любовной выделки самогонный аппарат, сверкавший никелем и нержавеющей со сложной, профессиональной работы электромеханикой ускоренного приготовления бражки держал на просторной кухне, замаскированным — от дурного глаза — под тумбу, исполнявшую роль разделочно-засолочного стола. Все коммуникации аппарата — электрический кабель и подводяще-отводящие воду трубы — встроены в стену.

Под полом дома — обширный прохладный подвал для хранения солений-варений, картошки и яблок: от урожая до урожая.

...К козьему молоку Прокофьич так и не привык, потому, кроме самогоновки, с утра до ночи пил чай. Кстати, что такое диабет — супруги не ведали. Кот Мичман уважал холодную курятину.

◆ Дети для нынешних времен у Прокофьича с Тихоновной получились удачными. Сын Андрей, которому недавно исполнилось сорок четыре года, в самый канун беспредела девяностых окончил — по созвучию с профессией отца-работяги — электромеханический факультет местного политеха, полтора

года проработал в военном конструкторском бюро. Но когда там перестали платить зарплату, переориентировался на более доходное ремесло: на паях с бывшим однокурсником, тож соседом по поселковой улице, организовал маленькую артель «Что хотите, барин?». Слегка окрепнув и отмотавшись от братвы-вымогателей, приятели зарегистрировали артель как ОАО «Мультимонтаж Плюс» со специализацией на установке наружной и фасадной рекламы и торговых вывесок.

На рубеже девяностых и двухтысячных годов, когда все что было в стране, стабилизировалось, а властями был взят курс на всемерное усиление среднего класса, дела рекламного-монтажного ОАО пошли в гору. Тем более, что дорогих и пьющих местных работяг заменили на бесправных трезвенников-таджиков.

Деньги серьезные, в разумных пределах, конечно, пошли. А где деньги — там и устремление выпихнуть компаньона из берлоги. Дважды у дружков-приятелей до рукоприкладства доходило. Уже о беспределе, об автокатастрофе каждый начал подумывать... Но поселковые соседи-отцы забили стрелку с сыновьями в «диванной» Прокофьяча. Без баб и со свежевыгнанной самогоновкой. Принесенные детьми виски и текилу старики брезгливо отставили в сторону.

До ночи втолковывали сыновьям: каждый из вас в одиночку не выдюжит, даже если миром разбежитесь. А потом власть — существо себе на уме. Сегодня ваш «средний класс» в почете, а завтра окончательно окрепшей власти ваши дорогостоящие услуги не нужны.

...Долго умудренные жизненным опытом старики разъясняли сыновьям. Даже в угоду им, морщась, пригубили виску с текилой. Правда, поперхнувшись и запив самогоновкой.

То ли дети удачливые — в отцов пошли, то ли вспомнив курс политэкономии, что оба изучали в политехе, но проняло их. Раскаялись, все, конечно, свалив на алчных жен, выпили на мировую и дали с целованием новомодных нательных крестов страшную клятву.

Прокофьич ушел проводить соседа, а сыновья-компаньоны грохнули еще по стакану, улеглись спать по-братски на просторном диване. В комнату вошла сонная уже Тихоновна, укрыла их шерстяным пледом, выключила свет. На том конфликт и закончился.

Дочь Вера, моложе брата на пять лет, особым умом не блистала, потому на исходе советской власти пошла в тот же политех на самый ущербный в то время факультет — экономико-промышленный. Но в новое время счетоводы с «вышкой» мигом вошли в цену. Так что уже десять лет Вера трудилась главбухом в устойчивой частной аптечной сети «Килограмм здоровья», что умеренно балуется просрочкой из Европы и китайским самопалом.

Оба, Андрей и Вера, соответственно, женат и замужем, давно живут в городе. На две их семьи — трое внуков: две девочки и мальчик. Андреев сын уже на юриста учится все в том же политехе, переименованном в классический университет, а Верины девочки еще школьницы. На все лето и зимние каникулы девочки, а раньше и сын Андрея, передаются для сохранения и довоспитания Тихоновне с Прокофьичем.

Андрей, как-то, еще в девяностые, попав в легкую аварию на взлете на аэродромном поле, теперь ни ногой в сторону аэропланов, потому отдыхать ездит сам-один с рыбалкой на Волгу в один и тот же частный пансион семейного типа. То есть с постоян-

ной приятельницей, хотя и супругу свою уважает, и только «чугункой».

Вера же, но только с мужем, ибо фигурой не очень вышла, уже облетала в отпускное время все курорты Европы и Северной Африки. И в Патайях была.

По бабскому недомыслию порой даже сожалеет, что родители не хворают: ведь аптека в «своих руках», — ей-то просрочку или китайчину не подсунут. И по оптовой цене, конечно, отпустят с централизованного склада городской сети.

Бабы-бабы... очень вы жалостливы, где надо и не надо.

◆ Так бы деду с бабкой жить-поживать, а детям их добра наживать в эпоху стабилизации! «Вот оно, тихое мелкобуржуазное довольство», — порой ворчит политически подкованный Прокофьич. — Это когда в канун очередных выборов или по случаю очередного же Нового года в теленовостях касаются болезненной для него морской темы; очень Прокофьич переживает неполадки с флотом, особенно с родным Краснознаменным Северным.

Например, когда уже двадцатый год подряд все обещают и обещают спустить со стапелей Северодвинска одну и ту же атомно-ракетную подлодку. Из газет же, называющих себя независимыми, читающий их в охотку Прокофьич доподлинно знает: пока на Севмашпредприятии уже два десятка лет достраивают одну единственную лодку, заложенную еще в советское время, американцы ввели в строй тридцать штук новейших проектов! А родной Северный флот за эти годы сократился в четыре раза...

Да-а, конечно, временно-постоянные трудности в экономике страны, сам с собой соглашается уныло Прокофьич, и не поймешь, серьезно или с усмешкой,

добавляет вслух — для насторожившегося Мичмана: «Да и абрамовские с березовичами тоже люди, приварок и им нужен!»

И совсем уж заплелся, когда в посленовогодних новостях сверхсчастливая дикторша в полном восторге сообщает о крупнейшем достижении отечественного судостроения: спущен на воду современный ледокол! Правда, все как-то не складывается: оказывается (здесь дикторша скороговоркой), судно построено на финской верфи, хотя теледама что-то лепечет о Выборге, где комплектующие для ледокола выделаны. Но дело даже не в нестыковке. Сплюнул же к неудовольствию чистоплотной Тихоновны по той причине, что рассмотрел на экране: вовсе это никакой это не ледокол, а обычный ледокольный буксир, что должен тащить за собой баржи и тому подобное на шельфе замерзших морей, то есть идти по воде, где плавают отколовшиеся от замерзшего поля отдельные льдины.

Таких буксиров Прокофьич посмотрелся на Севере, а клепали их раньше на верфях Ленинграда десятками... Конечно, для СССР гражданские суда тоже строили — и в немалом числе: все верфи Финляндии, Дании, ГДР и Польши советские заказы выполняли. И это было разумным, поскольку наши верфи, в Ленинграде и Северодвинске, Николаеве и Комсомольске-на-Амуре, в волжском Сормово, что называется — без минуты простоя строили могучий, океанский флот. Атомные ледоколы впридачу.

...А теперь вот тихое мелкобуржуазное довольство — взамен океанского флота, военной и гражданской авиации, космической станции «Мир». Долго ли оно будет длиться? — Из тех же официально независимых газет вычитал Прокофьич: американцы вот-вот поставят на широкую промышленную ногу

производство нефти и газа из горючих сланцев, которых в Штатах завались! Тогда-то мировая цена на нефть упадет в три раза, а в сидящей на углеводородной «игле» России исчезнет возможность содержать за счет населения пресловутый средний класс. И пенсии пострадавшей стороне урежут до сухой корки. С апломбом газеты пишут, трудно не верить дотошным журналистам.

Слишком долго жил в вечно меняющейся стране Прокофьевич, не лишенный наблюдательности и склонный к размышлениям на досуге, чтобы сомневаться в дальновидности верхов, в их умении загодя все предвидеть и все предусматривать. Вот как по написанному сценарию все делалось в горбачевщину и в девяностые годы. Не зря все министерства и учреждения Москвы тогда были переполнены американскими советниками, сменявшими друг друга по графику. Сейчас свои появились, обучившись в гарвардах и оксфордах буржуйским хитростям.

А ведь все уже началось? — На опережение сланцевого дефолта. Хотя и не уважал Прокофьевич чужеземных слов. И как все мигом-то? И словно дуэтом сразу по двум зайцам: по среднеклассцам и тягловому народу. Вот и Андрей с Верой, будучи в гостях, выглядели порой задумчивыми, а главное, в прессе и в телевизоре как-то дружно замолчали насчет среднего класса, перестали привычные песни петь: дескать, предприниматель — России спасатель!

Одновременно освеженная недавними выборами дума один за другим проголосовала за табачно-алкогольные законы, предрешив скорое самозакрытие сотен тысяч ларьков и магазинчиков в России: без водки, сигарет и пива кому эти «сникерсные» нужны!? Но, как понимал Прокофьевич, ликвидация мелочной торговли — только начало. До аптек пока не

добрались, а вот Андрюха уже в легкой панике: в Москве хана наружной рекламе, теперь и у нас в городе всякие ограничения вводятся. «Глядишь, отец, скоро с Веркой снова начнем к вам за картохой и салом ездить», — невесело шуткует он.

Оно, конечно, народ разбаловался, к порядку возвращать его надо, но разве так быстро и одними запретами? — Та же водка, которая самого Прокофьяча не интересуется, сигареты, изобилие всевозможных сотысячных и миллионных штрафов-угроз?.. Да еще по телящику издеваются над народом. По несколько раз на день появляется на экране мужик с напряженным выражением лица, сообщает, что с Нового года водка подорожала на треть; дескать, это же не предел? И, по его убеждению, бутылка водяры должна стоить рублей пятьсот-шестьсот.

Все мы это проходили, думает сидя на диване Прокофьяч, рассеянно поглаживая растархтевшегося Мичмана, на демонстрации-митинги не ходим, самогонку свою справляем, живность в сарае и сад-огород помереть с голода не дадут... Надо только в эту весну грядку табака посадить. И пенсион им со старухой пока что платят. Так что хрен возьмешь с тарелки деньги у дьячка, как говаривал его отец, шахтер и бывший красноармеец-буденовец.

◆ Напрасно Прокофьяч про ныне уважаемых властью священнослужителей вспомнил. Сам он верующим отродясь не был и сейчас в эту новую, особенно в среде бывших парторгов и намного более крупных деятелей, моду играть не собирался. Как-то раз в конфуз впал по этой части.

Проходя своей улицей, заметил: соседка за два от него дома подвязывает помидоры, да не обычные, а уже очень кустистые, здоровенные — в пять-шесть долей, багровые...

— Захаровна! Откель таких красавцев отхватила-то?

— А еще в прошлом годе дочка из города семена привезла, сорт называется «Русский...», как его? А-а, «Русский премиум». Сразу эти басурманские слова и не выговоришь. Че, тоже такие хочется завести?

— Да желательно, а то у меня против этого «премиума» вдвое меньше. Где там, в городе, продают?

— Дочка говорила, что в двух шагах от площади Восстания. Доедешь на нашем рейсовом до автовокзала, а там пересядешь на любой троллейбус, что вниз по проспекту идет — и выйдешь на остановке, народ подскажет, где выходить.

Прокофьич поблагодарил, приложив два пальца к козырьку кепки, и повернул к своему дому. Захаровна же вслед:

— Прокофьич! Только ты в троллейбусе не про Восстанию спрашивай — не поймут; теперича ее в Крестовоздвиженскую переименовали!

На следующей неделе Прокофьич собрался в город: Вера просила купить у поселкового пчеловода Ерофеева трехлитровую банку меда — на зиму для девочек — и привезти. «Самой, как сейчас недосуг приехать, срочно бухгалтерскую отчетность шеф затребовал, домой в восемь-девять прихожу. И еще неделя работы впереди».

Дочь жила на другом конце города, так что сначала решил он за «премиумом» заехать.

Зная, как и все в городе и пригородах — кроме полиции, бывшей милиции, — что в троллейбусах, идущих от автовокзала вниз по проспекту, первые три-четыре остановки орудуют сменяющие друг друга шайки карманников, Прокофьич все эти опасные

остановки-пролеты зорко осматривался. Настолько бдильно вокруг себя, что когда троллейбус добежал под горку до конца проспекта, он забыл новое название площади. Что-то религиозное в голове вертелось и довертелось:

— Скажите, гражданка, — обратился он к почтенной, седоватой, но хорошо ухоженной женщине, — где мне выйти на площадь... этих, как их? — хриstopродавцев?

Что здесь началось? Как его только не позорили и не обзывали! Один солидный мужик в галстукe, наверное, бывший парторг, требовал за издевательство над святой церковью «передать старого хулигана в руки правоохранительных органов». Весь красный, запотевший Прокофьич, слыша вослед проклятия, выскочил из троллейбуса.

Семена «премиума» он все же купил и, избегая троллейбусов, на автолайне поехал к дочери, точнее к зятю, который, заранее предупрежденный по телефону, прибыл из своего офиса, как он с легкой гордостью говорил, встретить тестя.

Выпив для встречи по паре стопок казенной, то есть теперь частной, Прокофьич с зятем с часок поговорили, пообедали. Зять хохотал над злостью тестя, но порой опасно косился на свой крест в ворота по-домашнему расстегнутой рубашки: недавно, следуя уговорам супруги и установившемуся порядку, окрестился.

— Чего это ты, отец, ха-ха, про хриstopродавцев-то прикол отмочил?

— Да понимаешь, Вить, новое название забыл, следя за шпаной, никак не могу вспомнить. Стал по логике, как сейчас говорят, рассуждать. Смотришь телевизор от нечего делать, а там все над советской властью изгаляются. Все прежнее переименовывают.

Вот и думаю: новое название что-то церковное, а площадь раньше называлась в память восставших, то есть революционеров и безбожников. Вот и съязвили переименователи: никакие они не восставшие, а хриstopродавцы! Ну, я и спросил, опозорил себя на старости лет.

— М-мда. Оно по логике так и получается. Возьми вот деньги за мед — вдвойне. Верка просила еще свежака банку купить. Я на днях заеду, заберу, чтобы тебя не гонять. А то ты в следующий раз и проспект именем адмирала Колчака назовешь, ха-ха! Впрочем, нет, за Колчака-то не обидятся. Даже бывшие парторги, как ты говоришь, похвалят тебя за политическую дальновидность.

◆ Дал после того случая себе зарок: про церковь и все церковное ничего не говорить и даже в мыслях не поминать. И не ворчать, когда Тихоновна перед Рождеством, Пасхой и Троицей, начапурив белый платок, направляется в свежестроенную поселковую церковь.

Но вот все-таки вспомнил, да еще в столь грубой народной присказке.

Понимал Прокофьяч, как стихийный материалист, не кончавший институтов и университетов марксизма-ленинизма, что не мог господь бог из-за хулительных на священнослужителей слов Прокофьяча обидеться на весь русский православный мир, но так сошлось, что именно после дурацкой присказки началось твориться что-то непонятное.

Допустим, все эти игры с водкой и табаком совсем недавно уже проходили. Понятно для чего: отвлечь народ от реальных трудностей жизни и малопривлекательных перспектив. И средний класс пора пришла поуменьшить. Слишком расплодился «спасатели России». На простых работах трудиться не-

кому: всех таджиков в страну не переселишь, а китайцев опасно много впускать. Мигом все города в чайна-тауны превратят.

Новое — только миллионные штрафы для острастки слишком буйных голов да и вообще для всего народа. Мера вынужденная, хотя и слишком крутая. Как говорится, иногда и показательную глупость можно использовать. Еще первый генерал ордена иезуитов Игнатий Лойола сказал: «Цель оправдывает средства».

Но цель-то Прокофьичу неведома. И в телевизор хоть все глаза прогляди, но и там о ней ничего не говорят.

До поры до времени Прокофьич не замечал никаких резких перемен в окружающей жизни: в городе почти не бывал, а в поселке мало что изменилось с советских времен, то есть люди все те же, отношения между ними тож. Прокорм же с собственного натурального хозяйства и получение пенсии от почтальонши-соседки и вовсе защитили его с Тихоновной от общения с разными чиновными людьми и молодыми поколениями «от пепси». Сын, дочь и внуки воспринимались им как личные дети, временно-постоянно проживающие в чуждом ему мире.

И телевизор он смотрел вполглаза, совершенно не вникая в суть происходящего на экране — если, конечно, это не были старые советские фильмы.

Мобильник в доме, конечно, имелся — для связи со «своими» городскими. Квитанции налоговые, за свет и газ Тихоновна оплачивала на местной почте, совмещенной со сберкассой. Там уже установили аппараты для оплаты, но Тихоновна брезговала или не доверяла им, предпочитая с четверть-половину часа постоять в очереди к окошку, заодно обсудив с товарками все местные новости и сплетни.

К регулярному увеличению в последние годы цифр в квитанциях на газ и свет Прокофьич относился спокойно: против лома нет приема! И не такого за длинную жизнь повидал: от сталинского ежегодного снижения цен до гайдаровского бардака в девяностых. И вообще полагал, что все люди так и остались нормальными. Но всего лишь исполняют свои обязанности в нелегкое время.

Сомневаться в этом он начал, только когда вынул из своего почтового ящика квитанцию за газ, а при ней некий листок с пояснениями*, где предлагалось оплачивать газ, якобы затрачиваемый на содержание домашнего скота. Птицы тож.

◆ Поначалу Прокофьич решил: это очередные шутки освоивших компьютерную грамотность поселковых хулиганов, но Тихоновна, сходявшая на почту оплатить полученную газовую квитанцию, принесла достоверную весть: такие же листовки получили все поселковые. Кой-кто из товарок по почтовой очереди, обеспокоившись, звонил родичам в город — и там про газообложение поросят и курей все извещены. Лошадей и коров в многоквартирных домах тоже.

* Вот это как раз не выдумка автора или досужие размышления Прокофьича. По поздней осени жители нашего города вместе с газовыми квитанциями получили информлисток с приказом министерства строительства и ЖКХ № 67 от 29 октября 2012 г. Утверждены нормативы потребления (то есть и оплаты) газа для граждан, проживающих в многоквартирных домах и жилых домах на территории области, при отсутствии приборов учета. В пункте 5 для приготовления корма и подогрева воды для питья и санитарных целей для домашнего скота (это в многоквартирных домах-то?) нормативы в кубометрах газа на одно животное в месяц обозначены следующими: лошадь — 5,2; корова — 11,4; свинья — 21,8; коза и овца — 1,1; птица — от 0,2 до 0,4: для кур и уток с гусями, соответственно.

Чуток подумав, Прокофьич махнул рукой: мол, с жиру коммуникальщики с газовиками бесятся. Авось перебесятся и забудут к осеннему единому выборному дню. Главное, что ему запомнилось из листовки: обогрев свиньи вдвое дороже коровьего и в четыре раза — лошадиного!

За свой скот и птицу он не волновался: газ поступал только в дом, а сарай он по-хозяйски изначально строил утепленным, с двойными стенами, засыпанными нажигой, держащей нужный градус в сарае при любых морозах. А чердак плотно забит запасенным с лета сеном — оно же корм для коз. Даже поило для свиней и теплая вода для питья скота и птиц зимой готовилась Тихоновной в сарае: в углу сарая установил буржуйку с запасом угля, натасканным из старых шахтных отвалов. Там его набирали все жители поселка для своих сараев и бань. И почти все имели буржуйки для приготовления поила.

На том он и забыл о газовой листовке.

Но коммунхозовцы и газовики и не думали забывать. Даже в преддверии единого выборного дня. Как раз за пару недель до него по улицам поселка с частными домами прошла городская комиссия: пара мужиков в галстуках под плащами — без шарфов, молодежь и в одинаковых чиновных усах, и тоже молодая бабенка с амбарной книгой для записей. Сопровождал их по службе один из двух поселковых участковых: Колька Шустов.

Представились Прокофьичу от лица отдела городской, то бишь районной, куда приписан поселок, администрации. Отдел назывался мудрено, так что он точного названия не запомнил. Старший по должности усатый зачитал содержание давешней листовки с приказом № 67 от такого-то октября

прошлого года и двинулся к сараю, где бабенка пересчитала по головам скот и птицу, все записала в амбарную книгу. Не отвечая на озабоченные вопросы хозяев, вся четверка, не прощаясь, пошла к следующему дому, оставив Прокофьяча с Тихоновной в недоумении.

Все еще успокаивая себя и супругу, Прокофьяч выразился в том смысле, что это районная администрация к выборам готовится и скотину пересчитывает для радостной отчетности перед избирателями о росте благосостояния бывших трудящихся, а ныне пенсионеров и торгашей.

...Совок он и есть совок; все ему мерещится общественное мнение, заискивание перед выборами и прочая чушь давно минувших времен. Когда в следующий табельный день почтальонша разнесла по частным домам газовые квитки с перечислением пунктов оплаты за свиней, коз, овец, птицы, а оседлому цыгану Урупкину и за лошадь, то весь законопослушный поселок забурлил, ибо никто сараи газом не отапливал, а поило готовили на сарайных буржуйках.

◆ Дело дошло даже до стихийного митинга; как сейчас говорят: не санкционированного властями. Еще спозаранку в день митинга оба участковых, то есть собственно Колька Шустов и его помощник, дабы не вступать в конфликт с поселковыми, где оба родились и выросли до полицейских чинов, сославшись на совещание в райотделе, уехали в соседний подгородный поселок пить водку на именинах общего — по милицейской еще школе — приятеля.

На митинге приняли резолюцию протеста против поборов газовиков и выборщиков-ходовков в районную администрацию. Голос народа не всегда голос

божий, вопреки известной латинской пословице*. Главное, на митинг, в основном, прибежали бабы и запьянцовские мужичонки. Прокофьич и некоторые другие поселковые светлые головы не пошли, понимая, что такие дела на толковище не решаются.

Словом, выборщиков на другой день отправили за народный копеечный счет в районную управу с требованием, в котором было упомянуто о печках в скотных сараях. Поэтому не успели выборщики, не солоно хлебавши, вернуться домой, как на поселок налетела кампания пожарных чинов во главе с полуполковником, только что откупившимся от судейских за обвинение в крупной взятке от армянских купцов, соорудивших в городе очередной супермаркет. Поэтому беспредельно злым от тягостных переживаний во время следствия и потерянных денег, причем двойных: взятки от купцов и отданных судейским.

Мигом, по-стахановки, пожарные выписали штрафы на всех владельцев сараев с печками и предписания участковым — проследить за уничтожением буржуек и таганков в течение трех суток.

Кары избежал, да и то с трудом, Прокофьич и еще с пяток хозяев, у которых, как людей мастеровых и нехалявных, все было сделано по самым придирчивым пожарным правилам: сам сарай — шлакоблочный, межстенная засыпка — нажигой, труба выведена через стенку, а снаружи и внутри в месте ее вывода прилажены квадраты 50×50 асбеста. Пол под печкой и на полметра от нее во все стороны выслан толстым, едва не бронебойным стальным листом. Его Прокофьич в свое время отыскал на развалинах заготцеха; был он засыпан мусором, потому и не попался на глаза металлломщикам...

* *Vox populi — vox dei* (лат.).— Голос народа — голос бога.— Прим. авт.

Подполковник с багровой от утренней коньячной дозы рожей, поболее чем у мирно хрюкавшего рядом в закутке кабана, самолично с полчаса вертелся у печки, даже с усилием нагибаясь через живот девятимесячной беременной тройней бабы, наизусть цитировал грозные куплеты пожарных законов, но Прокофьич, тоже их знавший еще с шахтерской работы, ладно отвечал, указывая на печку и ее окрестности в нужных местах. Утомившись, главнопожарник, погрозив неуступчивому хозяину сарделечным пальцем, вышел из сарая, бормоча: «Грамотный очень, прощельяга; смотри, доиграешься у меня!»

После неудачной петиции выборщиков и сломанных печек половина хозяев поселка ликвидировала крупную скотину, оставив только для видимости живности по паре петухов при трех-четыре курах. Оседлый цыган Урупкин неделю пил горькую, осыпая весь подлунный мир национальной бранью: «Сота кекемел!» Но тут же переходя на великорусский мат. Проспавшись, надел на шею своего коня то, что положено надевать, и увел его ранним утром в сторону дальнего поселка пригородных, тоже оседлых цыган — табор местного барона Филимона. Там он и продал своего верного Росинанта. Благо здешние оседлые снабжали наркотой весь город и половину области, потому проживали в трехэтажных виллах, а в сам поселок никакая власть для учета домашнего скота не совалась. Тем более что Филимон недавно побывал на исторической родине — Индии* на всемирном съезде цыган, где был избран в постоянный

* Напомним из истории (Лев Гумилев и др.): нынешний цыганский народ — потомки тех плясунов, певцов и златокузнецов, что в большом числе жили при дворах магарадж. Во время страшного голода XV века великие моголы — правители Индии изгнали всех дармоедов из страны в мировое рассеяние.— Прим. авт.

руководящий орган для признания цыганского народа ООН. То есть стал государственным деятелем международного ранга.

◆ Сын Андрей, бывая у родителей, все посмеивался над отцом после пары стопок самогонки на яблоневых листьях:

— Вот, отец, докуку на пенсии нашел? Власть нынче конкретная пошла, с братковским закалом девиантных. Так что не мытьем, так катаньем возьмет свое.

— Какое-такое свое? Что им, мой кабанчик и козы с птицами жить мешают на повышенной зарплате?

— А черт их знает, что они хотят. Вот и к нам, «спасителям России», начинает приматываться. Может, установка такая сверху, а скорее — собственная дурь, видимость работы. При свиньях же своих еще навоюешься с чиновниками. Вон в магазинах этих самых окороков полно. Пенсии на них не хватает — так мы с Веркой всегда готовы подкинуть. Я-то хоть сейчас, а Верка, как всякая баба, сначала плешь тебе выест и даст со слезами на глазах... Хотя, конечно, твой вяленый в сенцах окорок не чета магазинным.

Прокофьич задумался, а поскольку Андрей приехал под воскресенье на машине и уже хлопнул «отцовской», то есть собирался с ночевкой до завтра остаться, то, попросив сына поскучать четверть часа, оделся и вышел из дома.

В продмаге наискосок улицы спросил хозяйку:

— Лен! Какой у тебя напиток, что молодежь на опохмелку пьет, самый химический в смысле ядрености?

— Ты что, Прокофьич, решил Тихоновне рога наставить, молодку завел и под молодого косишь, ха-ха! Ладно, бери «коку-колу» — ей и желудок с

непривычки можно прожечь. Двух- или трехлитровую?

— Да не-е, это для опытов. Химией стал увлекаться, раз на девок не стоит. Дай самую маленькую. И граммов двести вот этого окорока отчебучь.

— Тоже для опыта, а?

— Да. На, без сдачи. Здесь еще на буханку белого.

Совсем Андрей заинтересовался, когда возвратившийся отец молча взял с полки две фарфоровые тарелки, наполнил обе на две трети «кока-колой» местного, городского завода. Затем в одну опустил принесенный из магазина плоский кусочек окорока, а в другую — отрезал от своего, домашнего, которым они с сыном только что закусывали. После чего поставил обе тарелки вновь на полку, велел сыну разливать. Дескать, завтра все сам увидишь.

Наутро, когда Андрей насухо — за руль ведь садиться — завтракал яишенкой с салом, все из домашнего продукта, Прокофьевич осторожно снял с полки две тарелки и поставил их перед сыном:

— Смотри сюда!

Андрей сначала взглянул на тарелку с куском домашнего окорока, подцепил его вилкой, брезгливо стряхнул с него капли лимонада и положил в свою тарелку с яишницей. Мол, не пропадать же продукту высшего качества. Вот в магазинах высшего класса такой деревенский окорок по тыщу-двести рублей за килограмм продается!

Нагнувшись же над тарелкой с покупным, Андрей поперхнулся непрожеванной яишницей:

— Отец! Что это за гадость ты забухтил?

— А это то, из чего на фабриках пищевой химии так называемые окорока для супермаркетов варганят.

...В ядовито побуревшей жидкости плавали какие-то бледные паутинистые волокна под слоем сизого комбижира.

— Да-а, отец, видно имеет смысл до конца за своих свиней биться!

◆ И бился Прокофьич, все более и более втягиваясь в увлекательную игру-войну с районной управой, что угнездилась в нижней части города в типовом здании бывшего совмещенного райкома-райисполкома. Не без пользы для общего развития играл-воевал. Это в полусельском пригороде еще сильна была отрыжка прежнего устройства, а сама жизнь изменялась уже двадцать лет ровно и постепенно, то есть малозаметно. С этой постепенностью Прокофьич и прозевал самое главное: человек за эти годы стал совершенно другим — с форштевня до кормовой банки, как говорят флотские. Тож и Прокофьич, бывший старшина второй статьи на крейсере «Киров», Краснознаменный Северный флот.

...Другое дело — город, особенно, если раньше Прокофьич ездил туда раз в месяц-два и ограничивался хозяйственно-строительными магазинами: рубанок новый прикупить, фунт-другой гвоздей и тому подобную хурду-бурду. Если поблизости случался книжный магазин, то прикупал в нем что-нибудь по флотской тематике. Впрочем, год назад в городе закрылся (бизнес!) последний «когиз», так что интерес Прокофьича теперь ограничивался исключительно хозмагами.

Теперь же, толкаясь в чиновных кабинетах, он хорошо рассмотрел этого нового человека. Так сказать, гегемона наших дней. Внешне тот походил на человека обычного, прежнего: голова, две руки, две ноги, тулово. Совершенно иным стало содержание головы, а значит, и связанные с мозгом обоих полушарий слова и слух.

Новый человек вроде как слушает собеседника, даже вертит головой в знак согласия или отрицания, но что именно слушает? — Как стал понимать Прокофьич, слушает только отдельные слова. Как в кроссворде. В какой-то умной передаче по телеканалу «Культура» он внимательно прослушал пояснения и вовсе умного профессора: современный человек — не творец и созидатель, а высококвалифицированный потребитель, преимущественно китайского ширпотреба. Потому ему нужны только кроссвордные слова-одиночки; он просто уже не способен понимать и воспринимать связную речь. «Функциональная безграмотность», — торжествуя, явно от большого ума, подытожил профессор.

Именно поэтому, как понял Прокофьич, новому человеку бессмысленно что-то связно объяснять — у того слуховой нерв блокируется в мозге. Для успеха же дела требуется подобрать нужные слова-одиночки. Лучше в простом именительном падеже. — Прокофьич вспомнил далекие школьные уроки. Желательно, чтобы эти знаковые слова укладывались в должностные инструкции, входящие-исходящие циркуляры и законоуложения.

Соответственно и слова, вытекающие изо рта нового человека, слегка связанные служебными предложениями и междометиями, укладываются в те же незамысловатые рамки. То есть разговор слепого с глухим. Теперь уже резюмировал не умный профессор из «Культуры», а много повидавший в вечно переменчивой жизни Прокофьич: вроде человек, но и не человек; как будто слышит-видит, но может, и наоборот; мозги имеет в черепной коробке, но для чего они ему папой-мамой, школой и платной «вышкой» даны?

И уже сам, без щеголеватого профессора, сообразил-таки: современный человек есть живой робот, что-

бы создать которого даже не потребовалась японская техника. Китайская для тиражирования — тем более.

Его Андрей и Верка по возрасту тоже как бы относятся к новым... но нет, они выросли в поселке, где традиционно было два пути: в тюрьму или в институт. Без этих самых «компов» выросли, не на кроссвордах учились, а в школе, где половина учителей еще послевоенных образований. Да и нынешние их профессии, несмотря на всякие дурацкие названия ООО, ОАО... мало чем, по сути, отличаются от советских: бригадир-счетовод. Вот и все их нынешние пышные пустышки-титулы: гендиректор и главбух. Назови хоть горшком, только в печь не ставь.

◆ Отбоярившись от пожарной инспекции и — с большим трудом и тратой времени в управе и газовой конторе — от платы за живность по приказу № 67, Прокофьич недолго предавался сладострастным размышлениям о новом человеке. Перед бывшим Октябрьским праздником почтальонша, жалуясь всем встречным на лому в пояснице и низкую зарплату от почты России, разнесла по поселку очередные газовые квитанции с приложением листовки, содержащей текст доработанного приказа. Теперь сноровистые в делах инструкций и циркуляров новые люди предлагали владельцам сараев с живностью со следующего месяца платить газовикам не за малоодказуемую варку в домах пошла и питья для парнокопытных и пернатых, а *подушно* за каждую голову в сарае.

При этом доходчиво пояснялось: газовая плата будет взиматься не за конкретный факт подводки от дома к сараю газовой трубы, от которой в последнем пылают воздухосогревающие факелы и кипят чаны с развариваемой на корм картохой, а за *потенциальную возможность* реализации такого факта.

Поняв всю безнадежность добиться правды, в поселке прирезали к празднику бывшего Октября последних свиней. Цыган Урупкин с русско-санскритским матом продал дом и ушел в единственный в области кочующий табор барона Евстигнея. — Они от дружественного оседлого барона Филимона торговали наркотой вразнос.

Теперь один Прокофьич, все памятуя о лохмотьях магазинного окорока в «кока-коле», поднялся в последний и решительный. Две недели, как на работу, ездил на весь трудовень в управу, пока чудом не попал — пятница, уикэнд на носу, мелкие служители бдительность потеряли — на прием к нужному чиновнику. Тот, хотя и имел на своих годовых кольцах — на крепкий дуб смахивал — несколько за полтинник, но уже мыслил, слушал и отверзал рот по-новому.

С полчаса Прокофьич пытался добиться матки-правды, но — бесполезно. Дубиноголовый отвечал строго по инструкциям и циркулярам. Совсем заволновавшись, Прокофьич резко мотнул головой, от чего на побагровевшей шее лопнула и отлетела верхняя пуговица рубашки, открыв треугольник тельняшки — Прокофьич других фасонов маек не признавал.

И... чудо, глаза чиновного на миг засветились чисто человеческим любопытством, прозвучали разумные же слова:

— А... вы во флоте служили?

В течение неполной минуты выяснилось, что оба они служили на Северном флоте на одном и том же крейсере «Киров»: только Прокофьич на свежепущенном со стапелей Николаева, а чиновник — уже перед продажей его на металлолом под видом консервации.

Приобретший на какое-то время человеческий

облик чиновный и подсказал земеле-однополчанину хотя и нелепый на первый взгляд, но единственно возможный способ сохранить живность и не платить за нее дармоедам-газовикам. Даже от доброты душевной написал на бумажке текст письма, которое он подпишет по выполнению просителем потребных работ на своем участке.

◆ Сразу по выходу из районной управы Прокофьич, предварительно созвонившись по мобиле, отправился к Андрею в его контору, что сам сын с усмешкой именовал «хофисом», занимавшем полуподвал в двухэтажном доме постройки времен «поздней» Екатерины-царицы.

Прочитав «рыбу» чиновничьего письма, Андрей расхохотался:

— Ну-у, батя, в веселый ты час к этому чинуше попал! Тот, видно, на закате рабочей недели уже врезал коньячку и секретутку свою трахнул, вот и над тобой посмеяться решил! Особый сорт ихнего юмора...

Но когда Прокофьич поведал о тельняшке, крейсере «Киров» и, главное, о возрасте чиновника, Андрей посерьезнел:

— Да-а, в хорошие времена вы жили при совке: послужил на одном крейсере, даже с разницей в двадцать лет — и годки-земели на всю жизнь и при любых строях-режимах. Ладно, субботу-воскресенье вычтем, а в понедельник я тебе пригоню пяток своих таджиков и военно-саперную роторную копалку для кабельных траншей-щелей. Есть у меня такая, лет восемь назад подешевке купил на распродаже хозяйства ликвидируемой части. Поехали ко мне: поужинаем, выпьем чуток, а?

Но Прокофьич с благодарностью отказался. Торопился домой — не терпелось засветло побродить

по развалинам заготцеха: присмотреться к опавшим со стен и потолков бетонным плитам потоньше и по-сохраннее.

— Грузовик у меня, батя, только в ремонте, совсем развалился. На чем плиты-то повезем?

— Не табань*, Андрюха, у Генки-соседа возьмем за литровку домашней. Все одно он у него без дела стоит.

На том и разошлись.

В понедельник накормленные до отвала Тихоновой таджики по указке хозяина дома сделали известкой отсыпку линии траншеи и оттащили в сторону секцию досчатого забора — для выезда на участок с улицы саперной землекопалки. Вскоре и роторное чудище неспешно подкатило. Андрей, настрого запретив отцу поить гастробайтеров самогоном в обед и ужин, уехал по своим делам в городской свой «хофис».

Показав роторному шоферу линию отметки («рой на глубину метр-двадцать отсель и досель точно по известке»), Прокофьич уселся в кабину генкиной машины рядом с хозяином; таджики запрыгнули в кузов. — Тронулись в сторону развалин бывшего заготцеха.

Пока Прокофьич отыскивал в строительном хламе подходящие обломки облицовочных бетонных плит — шириной не более метра-двадцати и толщиной полтора-два дюйма, а таджики с национальной перебранкой грузили их в кузов, саперный шофер прорыл кабельную канаву-щель нужной глубины и шириной ротора в пятнадцать сантиметров. Щель длиной десять метров полукругом окаймила сарай со стороны дома. После чего водила, получив от хозяи-

* В смысле: не придумывай поводов для затяжки дела (флотск. жаргон). — Прим. авт.

на в презент пару поллитровок самогоновки и двухкилограммовый кус окорока, распрощался и отбыл на «базу», как он сказал.

Подъехала ведомая Генкой машина. Таджики аккуратно разгрузили ее, сортируя по командам Прокофьича — по степени кондиционности ломаные плиты в три стопы. Вернув секцию забора на свое место, таджики вместе с хозяином и Генкой, отогнавшим машину в свой двор, пошли на кухню к изобильному столу. Самогон Тихоновна подавала только Генке. Прокофьич же отмахнулся: «Не до него, мать!»

После трапезы Генка заснул на хозяйском диване и проспал до темноты — к неудовольствию Мичмана. Таджики же вздремнули полтора часа на матрацах, постеленных хозяйкой на веранде и до ужина пошабали с работой: впритык искусно уложив в щель плиты, оставив их незасыпанными землей.

К ужину, когда таджики уже пили чай со сладкими пирожками, приехал на своем «ровере», но на этот раз с шофером... Андрей. Отправив гастарбайтеров на машине в город, сын осмотрел фронт работ, одобрил и отправился с отцом основательно ужинать. — С ночевкой в родительском доме.

◆ Еще пару недель, накрыв щель с плитами полиэтиленовой пленкой — от дождей и возможного снегопада — Прокофьич толкался в управе, встраиваясь в очередь для вызова «на объект» актовой комиссии. Наконец, день приезда назначили. С утра Андрей прислал тройку таджиков с лопатами-шахтерками.

...Только в четвертом часу пополудни прибыла комиссия: молодцеватый инженер из землеустроительного подотдела с делопроизводительницей — двадцатилетней девицей, одетой по позднеосенней моде проституток. С очень длинными ногами, прикрытыми сверху меховой курткой до середины бедер.

Инженер прошелся вдоль щели, попрошенной у хозяев палкой простукивая наклоненные в одну сторону плиты на предмет отсутствия в них отверстий и несостыковок, заодно проверяя глубину щели. Не обнаружив таковых, с сожалением махнул рукой таджикам: засыпайте, мол, любезные. Сам же прошел в дом с делопроизводительницей: писать акт приемки.

Гастарбайтеры же, памятуя давешний хлебосольный ужин, скоренько засыпали щель с плитами, заровняли землю сверху. Комиссионеры вышли из дома, инженер осмотрел свежий след земли и велел Прокофьичу посыпать его известкой и в дальнейшем поддерживать: «Периодически наш сотрудник будет наезжать и указывать место для контрольного откопа плит!»

Вручив хозяину копию акта, сделанную под копирку и скрепленную печатью, инженер сухо отклонил предложение Тихоновны поужинать чем бог послал и, приложив указательный палец к козырьку фуражки в знак прощания, проследовал со своей подчиненной к машине. Наблюдательный Прокофьич краем глаза непроизвольно отметил: лакированный автомобиль двинулся не в сторону города, откуда прибыл, но в противоположную, к лесу, где несколько лет назад депутат облдумы, бывший секретарь комсомола заготцеха Воробчиков отстроил ресторан «Ностальжи» — с номерами для отдыха...

— Дело молодое, — запела, подобрев лицом, Тихоновна, проследив взгляд супруга. — Зажиточно теперь народ в городу-то живет...

— Зажиточно, — хмуро ответил Прокофьич, обсыпая известкой полуокружье бывшей щели, — от слова «зажились»... на этом свете. Иди-ка чингисхановцев кормить.

На следующее утро он сходил с неизменной фирменной «яблонево́й» и куском вяленого окорока к

Кольке Шустову и взял у него бумагу о том, что его двор поставлен участковым на особый учет, и не реже раза в месяц тот, то есть Колька или его помощник, будет делать проверку на предмет: не появилась ли наружная труба от дома к сараю, внешне похожая на газовую.

Кстати говоря, впоследствии ни участковый, ни управский откапыватель бетонных плит ни разу не появились. Народ малочинный за дураков не в ответе.

Приложив к письму, загодя отпечатанному Веркой на компьютере по управской «рыбе», акт о закрытии плит и писульку Кольки Шустова, Прокофьевич через пару дней двинул в город, напомнил о себе сослуживцу на «Кирове», получил его подпись... И до самого Нового года, матерясь втихомолку матросским десятиэтажным, метался в треугольнике: районная управа — газовая контора — социальный, то есть условно бесплатный юрист-консультант. Все же охранную грамоту на роскошном бланке с эмблемой-голограммой он получил и перестал платить газовую подушную на свинью, коз и птицу.

До конца весны жили старики спокойно, но перед самой Троицей около пруда поставили будку со сторожем — от районной управы: брать деньги с поселковых за водные процедуры гусей и уток. Пришлось оставить из птиц только кур, вообще опасующихся воды. Особенно Тихоновна горевала по уткам: с их яйцами творится лучшее тесто для куличей и домашней сдобы...

◆ Впрочем, с налогом и сборами за водоплавающую домашнюю птицу у не знающей народной жизни в пригороде управы вышел конфуз. Совсем скоро случился Петров день, который исстари в этом губернском городе праздновался широко молодежью

ночью. Самый хулиганистый день, то есть ночь, в году. Проходил он под частушкой-девизом, она же речевка: «По деревне мы пройдем и делов наделаем; у кого забор сопрем, кому ребенка сделаем!»

При новых порядках разбойный праздник в самом городе полностью затих: не до того, Федя, не до того, — надо «капусту» рубить, бананами торговать.

Но в пригороде он еще держался. И вот в Петрову ночь ребята, дождавшись, пока прудовый сторож уйдет домой почивать, деревенскую будку облили бензином. Сгорела дотла. Понятно, что никто из обозленных налогами на гусей и давешними штрафами за сарайные печурки поселковых даже не подумал позвонить в районную пожарку. Безбудочный же сторож, тоже из поселковых, с неделю с песнями погулял по-бобыльски, а затем перебрался в соседнее село под бочок крепкой бобылки же: вместе жить веселее, опять же щи с пылу-жару.

В управе в это время попался по дури — забыл, что делиться надо — на взятке районный начальник. В возникшей панике и рассылке взаимных доносов про пруд забыли начисто и навсегда. Тем более, следки обнаружили в документации, что содержание прудового сторожа обходилось городу в двести тысяч ежемесячно. Это при зарплате бывшего сторожа в шесть тысяч...

В то же самое село хлынули из поселка бабы за выводками гусей и уток. И Тихоновна вернулась с лукошком, усланном травкой, с пищащими утятами, которых тотчас взяли под опеку дворовые куры, а красно-коричневый (под цвет стягов столичных бритоголовых) петух горделиво заорал, приписав малолетних гусей и уток своей мужской силе...

С водоплавающей птицей статус-кво в поселке полностью восстановилось.

Управа же районная, к своему несчастью, попала по разнарядке в список образцово-показательной порки. Разбирательства длились до осени. Впрочем, как это принято во властных верхах и структурах, все отделались легкими выговорами и копеечными штрафами. Сам взяточник-начальник получил восемь лет каторги условно, но уже через месяц, к годовщине изгнания из Кремля интервентов*, то есть смоленских дворян с челядью, донских казаков и подмосковных разбойников-шишей, которых историк Карамзин поименовал на будущее поляками, был амнистирован и избран председателем совета директоров маленького районного банка ОАО «Народная инициатива». Начальником управы назначили бывшего зама по финансовой деятельности.

Управцы, оправдывая высокое доверие, яростно принялись наверстывать упущенное.

◆ Как и все поселковые, Прокофьич все лето и половину осени блаженствовал: почтальонша, тоже повеселевшая, как некогда ее бабка, тож письмоносица в военные годы, когда выдавался день без «похоронок», приносила в дома только квитанции на газ и электричество — без пугающих листовок-извещений. Участковый Колька Шустов от нечего делать решил вопрос с женьбой на местной красавице Вале, по поселковому прозвищу Кудряшка. Новое поколение подрастающих гусей и уток с утра до ночи покрывали пруд бело-серой мозаикой.

Потревоженная образцовой поркой райуправа снизила в полтора раза душевое потребление газа свиньями — народ снова потянулся в соседнее село

* Почитайте роман старинного исторического писателя Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году». — Прим. авт.

за хрюкающими сосунками. Жизнь в поселке налаживалась, как некогда в начале сорок второго после недолгой оккупации.

Одно Прокофьяча огорчало: за исчезновением в городе всех книжных магазинов негде стало покупать новые книги военно-морского содержания. Начал было перечитывать старые, но... нет худа без добра, — почтальонша принесла, как сорока на хвосте, весть: за нерентабельностью и аварийностью здания, от которого управа отказалась, ссылаясь на режим строгой экономии, закрывается поселковая библиотека, основанная земством уезда в год вступления на престол царя Александра Александровича*. По этой причине бывшая библиотека распродает за смешотворную цену книги.

...Прокофьяч, приструнив огорчившуюся было Тихоновну, ухнул треть своей пенсии, но в два захода на домашней ручной тележке привез две с половиной сотни любовно отобранных томов, в том числе редкостных довоенных и даже дореволюционных изданий. Пришлось пилить-строгать новые полки-стеллажи для диванной комнаты. — К неудовольствию Мичмана: серьезные полосатые домашние коты не уважают перестановок и вообще каких-либо изменений, особенно, в своей комнате.

Теперь, когда ноябрьская слякоть сменилась декабрьской зимой, что по нынешним парниковым временам редкость, Прокофьячу было чем заняться долгими темными вечерами: читал запоем неизвестные раньше морские книги, выходя только в двадцать-ноль-ноль на сорок минут в гостиную, где Тихоновна вязала внукам носки из козьего пуха и увлеченно

* То есть Александра III — март 1881-го года. — Прим. авт.

смотрела народные передачи Малахова и Закошанского. Кстати, родом из их города.

К неудовольствию супруги, увлеченно смотрящей передачу об однополю любви, Прокофьич переключал «ящик» на вечерние новости. Особо его интересовали свежие веяния от законодательной власти.

◆ Как-то все быстро стало меняться в жизни. Сначала Прокофьич обнаружил, что люди совершенно изменились, объявились в совершенно новом качестве: новые люди и все тут! И почти одновременно он сообразил: какие-то странные дела начали твориться в законах и распоряжениях властей всех рангов — от районных до самых что ни на есть высших. Все это случилось буквально за последний год.

Но этот-то год Прокофьич занимался обороной своего сарая с живностью, поэтому мало, в четверть уха, прислушивался к телевизору и досужим рассуждениям поселковых знакомых и своих городских детей.

Дела же воистину странные творились. Прислушиваться начал в отдохновенные для всех поселковых «каникулы» подсудной районной управы. Прислушивался к словам Андрея и Веры, когда они наезжали к родителям. Понятно, что Тихоновна первым делом начинала спрашивать о внуках. Им, в свою очередь, Андреев сын-студент и Верины девочки-школьницы рассказывали совершенно странные вещи, связываемые с недавними обновлениями образовательного министерства.

Главное, как понял Прокофьич, и для школьников, и для студентов главным предметом становились физкультура и спорт. Все остальные предметы куда-то отодвигались, урезались или просто отменялись. Стал Прокофьич внимательнее прислушиваться и к теленовостям. И там все про то же: оздоровление

нации, борьба с пьянством, курением и произношением матерных слов.

Других вопросов не обсуждалось, как будто если народ стопроцентно перестанет пить, курить и матерно — даже в укромном уголке — выражаться, так сразу все в стране исправится кардинально: со ступеней начнут сходить авианосцы и атомные подводные лодки, восстанут из пепла десятки тысяч заводов и фабрик, все люди из квалифицированных, как сейчас говорят, потребителей мигом превратятся в творцов, как было четверть века тому назад и так далее.

И как-то «сбоку», исподволь по всероссийскому и губернскому радио и телевидению начали подсовывать разные проверочные нелепости: о введении налога на домашних животных, обязательной страховки на «хрущобы» и все в этом же смысле.

— Это каких домашних животных? И котов тоже?

Вопрос был адресован вязавшей младшей внучке носки Тихоновне, но отреагировал громким мявом Мичман, доселе очень интересовавшийся клубком пряженной из козьей шерсти нити.

— Что, салага, думаешь, на тебя покушаются налог ввести? Дескать, жрешь от пуза и наносишь вред продовольственной программе... или как там она сейчас называется? Ну-у, думаю, до этого все же не дойдет. Все же на котовскую еду госказна ни полушки не платит, все из хозяйского кармана, и производители едова и торгаши на свою прибыль работают. Даже на сверхприбыль. Плюс налог тому же государству и взятки чиновному люду. Так что твой общепит, Мичман, и так приносит пользу отечеству и его верным слугам из «среднего» класса!

◆ Оставив после вечерних новостей телевизор на попечение супруги, Прокофьич сходил на кухню, налил себе стакан еще не остывшего от позднего

ужина чая, вернулся к себе. Прилег на диван: почитать на сон грядущий морской роман. Тотчас явился и Мичман, занявший свое законное место на спинке дивана в ногах хозяина...

Через полчаса Прокофьич задремал и вовсе уснул. Как ни мало он разбирался в тонкостях психологии сновидений, но сон на котовскую тему ожидал, что и случилось.

А снилось, что Прокофьич, ворочаясь в беспокойном — по изменчивой с ночи погоде — сне проспал, что обычно не случалось с ним, до десяти утра, когда поселковая почтарка разносит по частным домам их улицы квитанции об оплате и листовки-приложения к ним. Спросонья Прокофьич не сообразил: отчего это Тихоновна причитает, часто упоминаемая имя ни в чем не повинного Мичмана.

И только прочитав очередную листовку-приложение, сообразил, в чем дело, в чем суть криков супруги. Предписывалось в срок до конца текущего месяца оформить индивидуальную лицензию на отлов мышей для проживающего по адресу такому-то домашнего кота по имени (кличке) Мичман согласно проведенной некоторое время назад паспортизации несельскохозяйственных домашних животных. И так далее; сообщались номера и даты приказов и распоряжений различных районных административных органов, суммы стоимости ежегодной лицензии в зависимости от породы (при наличии соответствующего документа), возраста, веса — на текущий момент лицензирования и почему-то от окраса: классический полосатый, агути, одноцветный, а также от длины хвоста.

Отдельно от предписания на пяти страницах мельчайшим шрифтом каждый пункт подробно разъяснялся со ссылкой на общегосударственные, региональные и городские указы и постановления.

Первый мыслью Прокофьича было послать всех и вся... но здесь он вспомнил: недавно изданный указ о десятилетнем каторжном сроке (для крупных чиновников и депутатов — условно) за произнесение одного и более нецензурного слова. Потому перешел ко второй мысли: памятуя сарайную историю со свиньей, попробовать найти бюрократическую зацепку и получить охранную грамоту на Мичмана.

Вариантов он насчитал несколько. Кот не выходит из дома — хозяева не выпускают, опасаясь, что того украдут цыгане или разорвут бродячие собаки. Мичман не ловит мышей из брезгливости. У него аллергия на мышиную шерсть. Мыши в доме, сарае и вообще на территории участка не водятся, ибо кот, линия два раза в год, как смесовый потомок сибирской и персидской кошки, что сбрасывают свои шубы в разное время года, устилает своей шерстью весь дом, сарай и шестисоточный участок, чем отпугивает мышей. Еще что-то подсказала Тихоновна, в основном, по части хитростей, до которых бабы большие мастаки.

Но к кому со всем этим идти? — Конечно, в районную управу к своему краснознаменному — по названию флота — однополчанину по крейсеру «Киров». Благо тот в минувшую порку не то что уцелел, но и вырос по должности; правда, всего на одну крохотную ступеньку. Все же возраст явно не тянет «на вырост».

Краснофлотский чиновник Прокофьича узнал, посадил на стул для просителей, внимательно выслушал, даже заинтересовался — от обыденной скуки канцелярской жизни. И охотно включился в игру. А Прокофьич подумал, уже выходя от столоначальника: да, все же люди в возрасте от «полтинника», невзирая на должность (если она небольшая),

уже не могут стать новыми людьми.— Слишком велика тяжесть, груз советского прошлого с его человеколюбием, отзывчивостью и даже разумной терпимостью к доброй стопке ГОСТ'овской водки, душистой четырнадцатикопеечной «приме» Елецкой фабрики и добродушному матерку по поводу...

◆ Чиновник с крейсера «Киров» порекомендовал вариант с аллергией кота к запаху мышей. Для этого Прокофьичу следовало достать две бумаги на бланках, с полуответственными подписями и печатями. Первая из них, желательна от научного или учебного заведения, должна содержать солидное обоснование склонности смешанных сибирско-персидских котов к аллергии на мышей. Вторая же — из серьезной ветеринарной лечебницы — иметь клиническое доказательство наличия у конкретного кота Мичмана аллергии ко всему мышинному.

Прокофьич, понятное дело, к таким сферам никакого отношения не имел, потому собрал в своем доме семейный совет, то есть в воскресенье вызвал сына с дочерью. Благо повод имелся: годовщина, хотя и не круглая, но приближающаяся к ней, их с Тихоновной бракосочетания.

После положенных тостов Прокофьич, как бы в шутку, рассказал о лицензии для Мичмана и возможном выходе из щекотливой ситуации. К его удивлению, оба восприняли все всерьез: они же давно проживали в городе, уже ничему не удивлялись, но всюду искали подвох со стороны властей.

Тем более, вызвались помочь: Андреевой «конторе» как раз объединение всех четырех крупных областных ветлечебниц заказали унифицированные рекламные щиты. Вера пообещала поискать в документации своей аптечной сети оптовых заказчиков со стороны научных и учебных заведений по нужному

профилю. В итоге через пару недель Прокофьич заимел обе официальные бумаги. Еще два с половиной месяца он потратил на хождение по инстанциям, обрастая все новыми бумагами. В конце концов, Андрей презентовал отцу пластиковую папку-скоросшиватель. Поселковые, увидев Прокофьича с ярко-красной бюрократической папкой, торопящегося, как на свадьбу, в восемь утра, решили, что тот назначен районной управой чем-то вроде внештатного смотрящего по их пригороду. И начали его сторониться. Известно, добрый наш народ опасается людей с разными портфелями и — особенно — с папками подмышкой, с которыми ходят участковые и другие милиционерско-полицейские чины.

Для обмена всей папки собранных бумаг на искомое разрешение на содержание кота без оплаты лицензии на отлов мышей — с водяными знаками, аж с четырьмя голограммами по углам хрусткой грамоты — Прокофьич записался на прием к такому важному чиновнику, что тот по рангу своему сидел в областном административном здании, которое, с подачи газет и телевидения, именовали Белым домом.

Кстати, когда новый диктор областного радио, человек с юмором, в официальном репортаже о визите губернатора в приют для бездомных собак, упомянув Белый дом, схохмил: дескать, не тот, что в городе Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, — его тотчас выгнали с работы. Оно и понятно даже полному инвалиду головы с детства: каждая губерния, город, уезд и сельсовет, или как он сейчас называется... должны иметь свой Белый дом. Даже те поселения за городом, где уже издавна действует дом желтый. Одно другому не мешает.

...Когда записывался на прием, делопроизводительница, что принимала от граждан всякие заявле-

ния через окошко в двенадцатом подъезде огромного здания администрации, предупредила: «Ваша очередь подойдет где-то через полгода. Так что навешивайтесь».

Прокофьич и навешивался, к счастью, не полгода, а всего-то пять месяцев и полторы недели. Известно, что русский мужик всегда радуется и тому, что недвес в магазине на двадцать граммов меньше обычного...

Получив жалованную грамоту, Прокофьич застеклил ее в самолично выструганную рамку и повесил в своей комнате над диваном в месте, где имел обещанное место Мичман.

...На этом приятном моменте Прокофьич проснулся — от громкого причитания Тихоновны:

— Все дрыхнешь! Чего это тебя разобрало; вроде как вчера на ночь самогоновку не пил? Почтарка уже приходила, смотри, что принесла-то?

Прокофьич, мало что понимая со спутанного, явно по изменяющейся ночной погоде, сна, взял из рук супруги бланочный листок и прочитал: согласно указу такому-то, со следующего месяца вводится налог на домашних, несельскохозяйственных животных, как-то: собак, кошек, черепах, ежей, белок, горностаев, крокодилов... перечисление занимало и всю обратную сторону листа. Мичман, чувствуя за собой какую-то вину, жался в уголке дивана. Прокофьич по привычке взглянул на настенный календарь. Значилась пятница, 13-го числа.

Слуга народа послал на встречу с опекаемыми им свой мундир

На кафедре. Обсуждение учебного процесса

**НОВЕЛЛА ВТОРАЯ:
УЖ ТЕМ ТЫ ВИНОВАТ...
ИЛИ В ЗМЕИНОМ ГНЕЗДЕ**

◆ Когда ввели налог на содержание домашних котов, Прокофьич махнул рукой: баста, больше он бороться со все новыми инициативами власти не станет. Себе дорожке обходится. Зато кот Мичман сейчас вроде как полноправный член общества, раз налоги платит. Хотя и не сам, а опосредованно через хозяина, точнее — хозяйку Тихоновну, что (вог ведь женская натура!) уже с гордостью, отстояв в очереди поселковых товарок на почте, протягивает в окошко три квитанции и громко произносит: «За газ, электричество и кота Мичмана!»

...Тут другая добука случилась: неприятности. На сей раз человеческие. У Веркиного мужа, то есть зятя Прокофьича, Витьки имелся старший брат. Витек был из многодетной семьи: сам он, ровесник Веры, готовился отпраздновать свое сорокалетие и являлся младшим в семье Скородумовых. А вот Игорь Васильевича — самый старший, тоже только встретил шестидесятилетие. Витек так и говорил на семейных праздниках в поселковом доме родителей: «Игорь у нас самый ранний, мать его родила в восемнадцать лет. А такие дети, особенно из мужского пола, самые умные!»

Действительно, если Витек и промежуточные две сестры и брат ограничилиь «вышкой» и пошли в новые времена по офисно-торговой части, то Игорь Васильевич еще в закатные советские годы стал доктором наук и профессором, причем не институтским, где обычно дорожка от аспиранта до «дока» длиной лет в пятнадцать-двадцать уже накатана, а в научном заведении, знаменитом во всем мире оружейном

конструкторском НПО «Меткость», возглавляемом академиком Гусаковым.

Мало кто достигал докторских степеней в «оборонке» Советского Союза, да еще в сорок лет! А Игорь Васильевич стал-таки, да еще и не будучи никаким начальником; работал он ведущим инженером-конструктором, а последние два года в «Меткости» руководил сектором.— Это для огромного НИИ-КБ того времени вовсе не начальники, а что-то вроде старших подчиненных...

Понятно, что на него диковато посматривали начальники по всей восходящей иерархии, не только не имевших ученых степеней, но и в самых радужных снах о таковых не помышлявших. Но времена еще советские, старинные, потому кто имел зависть к молодому доктору наук, тот их до поры-времени прятал в себе.

Наступила веселая поначалу горбачевщина, завершившаяся беспощадной к народу гайдариномикой. Вот здесь-то под маркой демократических «выборных» директоров и сокращения излишнего персонала вновь объявившиеся новые люди — все из старых кадров — начали святое дело мести посредственности людям умным и творческим.

К Игорю Васильевичу давно равнодушно дышал начальник его отдела Святослав Моисеевич Танкерев, в основном, за одесские анекдоты и полное нежелание включать в планы отдела какую-нибудь новомодную коммерцию, а главное — за диковинную в «оборонке» у подчиненных людей докторскую степень.

Увольняя Игоря Васильевича по сокращению штатов, Святослав Моисеевич ничем не рисковал: всех по иерархии верхних начальников раздражала все та же докторская степень молодого Скородумо-

ва. Опять же и фамилией характерной как черт попугал... А Гусаков не только имел такую же степень, но с недавних пор стал академиком Академии наук линяющего СССР, два десятка лет носил на пиджаке звезду Героя социалистического труда, являлся одним из четырнадцати Генеральных конструкторов огромной еще страны, единолично, по-сталински, хозяйски командовал шеститысячным коллективом, да еще в состав НПО входил аж московский филиал почти такой же численности... Словом, до бога высоко, до начальства далеко. Тем более, по своему невысокому чину Скородумов не имел входа к Гусакову. А тому о скороспелом докторе наук никто не говорил, не напоминал.

Впрочем, уволив остепененного в солидном Московском авиационном институте им. Серго Орджоникидзе подчиненного, Святослав Моисеевич особой радости не испытал. Во-первых, Игорь и сам собирался уходить из «Меткости»: его звала любимая наука, а здесь, как он прекрасно понимал, ему развернуться не дадут. Правда, хотел он это сделать через полгода, но... нет худа без добра: увольнение по сокращению давало трехмесячное выходное пособие, что в самое волчье время начала девяностых годов очень даже многое значило. Это — во-вторых. Наконец, как-то само собой нашлось временное пристанище у давно знакомого, почти друга, хотя тот и был одно время его начальником — впрочем, в небольшом чине. Тогда, еще до «Меткости», работали они тоже в военном Центральном конструкторском бюро агрегатостроения. Туда Игорь пришел молодым специалистом после местного политеха.

◆ Все же сам факт увольнения насторожил Игоря. Отец его, опытный в практической жизни человек, прошедший через две войны, конечно, и

Отечественную от звонка до звонка, ненавязчиво настраивал на сложности жизни: «Это тебе, Игореха, знак судьбы. Как в своей басне сказал Крылов: «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать». А попросту говоря: не высовывайся...»

Кому-кому, но в своей сорокалетней жизни Игорь более всего доверял отцу. Не только потому, что тот, появившийся на свет через пару дней после трусливого отречения от престола самого глупого русского царя Николашки Кровавого, прошел все огни, воды и медные трубы, но был человеком начитанным. Не схоластиком и фарисейским книжником, но бравшим от книг всю их философско-житейскую мудрость.

Меж тем отец продолжал: «...Народ наш по натуре добр, но в командиры всех рангов из-за этой доброты непременно вылезает самая сволочь. Потому и создается впечатление, что весь народ сволочь. И вот эта-то начальствующая сволочь, особенно из мелких, тщательно следит: не дай, бог, чтобы кто-либо высунулся! Нет, не в том смысле, что на его место покуситься — таких просто в порошок сотрут. Нет, речь идет о вроде бы безобидном «высовывании», навроде твоего. А ты, если разобраться, чем и перед кем провинился? А тем, что бог дал тебе хорошую голову; ты же ее используешь по назначению, а сволочь завистливая целью жизни положила умным казаться, а не нет! Ничего не выходит.

Конечно, «Моцарта и Сальери» Пушкина читал? Вот Пушкин, который в полной мере испытал месть бездарных завистников, и дал в этой пьесе объяснение зависти и ненависти обделенных умом к тем, кто его получил от рождения. И иначе жить не может, не творя этим умом. Даже не задумываясь: а кому это вредит? Получается так, что ему самому, в конечном

итоге, и вредит. Так что, сын, свикнись с этим и контролируй себя в том смысле, что наказание за всякое «высовывание» будет и дальше поджидать тебя, что называется, за каждым углом или изгибом жизни.

Опять же у тебя семья — на ней все это отражается. Характер твой ровный, но иногда и вспылишь, а это — конфета «Мишка на Севере» для завистника...»

— Так что, отец, советуешь в угол мышкой забиться и не пикнуть чтобы?

— Вот ты и вспылал, а напрасно. Никаких углов и серых мышек. Талант, как учит евангелие, в землю зарывать неразумно, если и вовсе не грешно. Используй его на всю полноту. Я же только советую быть бдительным. Не подозрительным, но именно бдительным! Береги себя и дела твоей головы и рук. Хотя и высокопарно сказано, но ведь сказано еще одним древнегреческим философом: человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства — продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах. Что-то в этом смысле сказал.

Тем более ты — только в начале самого расцвета своих сил; тебе отпущено еще столько же лет физического здоровья и умственной работы. Это все немаловажно. Да и что с тобой такого произошло-то? Может, тот же бог, судьба или кто там всеми нами управляет, подсказал: баста, пора тебе, Игорь Васильевич, переходить на новый виток твоей жизни и деятельности. Застоялся ты на прежнем месте. Тем более, а все к тому идет, — скоро всю эту вашу «оборонку» к чертовой матери прихлопнут. Я не прав?

— Прав, отец, стопроцентно прав. Я ведь и сам собирался уходить.

— Вот видишь? Все к одному складывается. Знай, что эти завистники-начальнички обладают звериным чутьем. Ты и слова неосторожного не произнес, а они уже по выражению твоего лица все поняли. Это накрепко в память занеси. Так что твой Моисеич, выходит, и помог тебе решиться. А статья по сокращению в трудовой книжке в наше время вовсе необходимая и отдел кадров в дальнейшем не будет настораживать. Решил, мол, человек уволиться, а тут ему и предложили: ты — молодой, с перспективой, а вот пенсионный Иван Иванович боится потерять место, на котором просидел сорок лет. Так ты по человеколюбию его выручишь и еще выходной тройной оклад получишь, что сейчас нелишне.

Так что, Игореха, плюнь да разотри, забудь навсегда и дальше планируй свою жизнь!

◆ Игорь Васильевич действительно успокоился и уже через неделю работал у своего друга-начальника, организовавшего в это смутное время при одном из областных департаментов информационно-аналитический центр. Пока он входил в курс дела, дабы оправдывать свою должность ведущего конструктора, его заметил располагавшийся в том же здании директор департамента, также защитивший недавно докторскую диссертацию и вовсе не собиравшийся долго задерживаться на чисто административной работе. Пользуясь расположением первого демократического губернатора, в постановке которого «в должность» принял активное участие, не мелочился и сходу добился открытия научно-исследовательского института и факультета в бывшем политехе, переименованном в классический университет — оба заведения по ставшему модному в постсоветской России биофизическому профилю. Тон здесь задавала Москва: дескать, в последние пятнадцать-двад-

цать лет по этому направлению человек тридцать стали нобелевскими лауреатами. К сожалению, все с Запада-Востока. Наши, пользуясь дарованием демократии, решили догонять семимильными шагами, забыв, что в нобелисты чужаков не берут, а по доброй сложившейся традиции из России лауреатами делают только диссидентов — неважно из какой России: коммунистической или демократической.

Так Игорь Васильевич стал заместителем директора по науке во вновь открытом *НИИ* экспериментальной и прикладной биофизикохимии, где и проработал десять лет до славной кончины института на рубеже столетий и одновременно тысячелетий по понятной причине: лишили всех видов финансирования, а хозяйственная тематика в современной России никому не нужна. Переиначивая слова знаменитого советского ученого Тимофеева-Ресовского («Зачем тратить время и писать то, что все равно напишут немцы»), Игорь Васильевич любил повторять: «Зачем России своя наука, если она есть в Америке и Европе». Директор молча соглашался, но вынужден был под давлением сверху институт ликвидировать.

...В очередном повороте научной жизни Игоря Васильевича конкретных завистников не было; имелась всеразрушающая система. Так что он перешел на другой виток спирали без каких-либо обид, но зато с превосходным набором научных же регалий: двойной доктор наук, обладатель двух профессорских аттестатов, Заслуженный деятель науки *РФ*, обладатель нескольких иностранных и российских почетных званий, академик почти десятка престижных отечественных, зарубежных и международных академий, автор почти тысячи научных же публикаций, в том числе многих патентов и полусотни монографий. Еще Игорь Васильевич являлся председателем двух

диссертационных советов при университете: докторского и кандидатского. И, как говорится, прочая, прочая, прочая...

Его несколько раз приглашали в обе книги рекордов Гиннеса: в английскую, настоящую, и российскую — самопальную, издаваемую веселыми ребятами из Одессы. Но обе требовали денег: английская — поменьше, отечественная — намного больше. Но Игорь Васильевич за все научные отличия денег не платил. Не по жадности, а из принципа.

◆ Поскольку у его давнишнего опекуна «под седлом» оставался только факультет, то Игорь Васильевич, понятное дело, оказался там профессором кафедры теоретической биологии, благо, загодя предчувствуя кончину *НИИ*, защитил вторую докторскую диссертацию по этой части.

Лекции он читать не любил, вполне справедливо полагая: профессор — не училка, что в том же вузе изо дня в день всю трудовую жизнь талдычит и талдычит один и тот же предмет, затверженный наизусть. Игорь Васильевич здесь следовал столь нелюбимым им американцам и более уважаемым европейцам. У тех и других профессора и преподаватели в университетах строго различались. Последние, еще не достигшие профессорских высот или не стремящиеся ими становиться, являлись теми самыми квалифицированными училками.

Профессора же — не зря это звание так сложно и трудно получить на Западе — это исключительно мозговая сила университетов. Они же готовят свою смену и «училок». Игорь Васильевич не без основания себя таковым полагал: собственная научная школа, признанная не только в России, но и за рубежом; сорок монографий по актуальнейшим вопросам современной биологии (не той, где тычинки и пести-

ки...), десять подготовленных докторов и двадцать кандидатов физико-математических, технических, биологических и даже медицинских наук.

Забугорный профессор тоже мастак по части научных изысканий и подготовке кадров, но, в отличие от нашей профессуры, он лекциями себя не утруждает. Слишком дорогими оказались бы эти лекции для университетов и студентов, учитывая тамошние оклады содержания ихних профессоров... Для этого есть более скромно оплачиваемые училки — обоих полов. Впрочем, в год две-три обзорно-установочные лекции в огромных актовых залах они читают; в основном, хвалят себя и свою научную школу.

Игорь Васильевич, конечно, понимал: пришел он в высшую школу не в лучшие ее времена. Во-первых, никому она, кроме косящих от армии студентов, не нужна; во-вторых, никому опять же не требуется вузовская наука, впрочем, и любая другая. Наконец, пользуясь всеобщей неразберихой, в одночасье число диссертационных советов в девяностые годы возросло и уравнилось с их общим количеством во всем остальном мире. Потому и образовалась огромная масса скороспелых докторов наук, автоматически становящихся профессорами.

Если во времена учебы Игоря в политехе, твердо входившем в десятку солиднейших вузов страны СССР, там имелось всего двенадцать профессоров, в том числе несколько «холодных», то есть без докторской степени, то теперь при тех же размерах, только без какого-либо зримого престижа, их численность под триста (!) штук.

Как использовать такую орду, мягко говоря, с сомнительными научными данными? — А просто отдать им должности завкафедрами и деканатские; прочим же «опустить» до ранга училок.

...Поэтому для проформы Игорю Васильевичу пришлось взять «часы», за которые ему собственно и платили зарплату — чуть поменьше, чем их домовому дворнику Халебу (Олегу — по-русски) — из узбекских гастарбайтеров. Чтобы самому на своих лекциях не скучать, отбывая поденщину, выбрал он пару предметов общефилософских, как их именовали студюозусы — главное, без экзаменов, с одними только зачетами. Благо еще во время работы в ЦКБ агрегатостроения и в «Меткости» окончил Игорь Васильевич заочно еще два вуза, все в советское время, что и позволяло ему формально вести курсы по любым устраивающим его дисциплинам.

При минимуме лекционной дозуки начал он разворачивать свой очередной виток диалектической спирали — по Гегелю Георгу Вильгельму Фридриху.

Разумеется, при минимуме усилий Игорь Васильевич смог бы возглавить кафедру, особенно при предыдущем ректоре, благоволившем к нему. Но он, как черт от ладана, отгонял даже самую подобную мысль, хорошо понимая, что в современном вузе завкафедрой — старшая училка и завхоз по совместительству.

◆ К сожалению, начал Игорь Васильевич этот виток с того, что запомнил слова отца о бдительности, цитату из басни Крылова: «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать». И про Моцарта с Сальери легкомысленно забыл. Все это ему и аукнулось через десять лет. А все ведь от самонадеянности: решил, что тылы ему на этом диковинном факультете надежно прикрыты не только его «гиннесовскими» степенями, званиями и наградами, но и тем, что почти все завкафедрой и деканатские начальники аккордно защитили свои докторские диссертации в совете под председательством Игоря Васильевича.

...Все же если наивным человек родился-воспитался, то таким и останется на всю жизнь, даже будь он семи пядей во лбу. Не обратил внимания Игорь Васильевич внимания: когда на принятых после защит диссертаций банкетах или на факультетских собраниях-посиделках без всякого умысла добродушно говорил, что-де вот почти все защитились под моим председательством, а то и вовсе под моим руководством, то новоиспеченные члены диссовета и завкафедрами делают вид, что не слышат. Задумчиво начинают смотреть в потолок, переводят общий разговор на иные темы — преимущественно о сложностях их кафедральных дел и их личном вкладе... и так далее.

А надо было обратить внимание. Ведь люди уже остепенились-оперились, потому им неприятно напоминание о том, что когда-то Игорь Васильевич поздравлял их с защитой «докторской». И уже кажется им: все было почти что наоборот. Что ж, натура человеческая — штука тонкая. Потому народная мудрость говорит: кажется — креститься надо. Но как раз креститься-то новые доктора наук желания не имели, а из мусульманского сословия, заметно разбавившего факультет, и вовсе не умели...

Нет, не то что Игорь Васильевич не чувствовал, не понимал такой странной реакции, даже про себя усмехался: пройдет, мол, это попервоначалу, пока они и сами до конца не привыкли к своим высоким степеням. Ничто, дескать, человеческое не чуждо... Правда, смущало тогда одно несоответствие: очень уж невысокий научный, да и иной, уровень докторских диссертаций девяностых годов и, наоборот, слишком стремительное возрастание самомнения остепененных.

Сам он по причине нужного воспитания самомне-

нием не страдал, всегда применяя к себе слова кого-то очень умного: мне не важно, что думают обо мне, главное — что я думаю о себе сам. А насчет своих диссертаций докторских и вовсе был спокоен: первую защитил еще в советское время в престижном московском институте, на которую в «Бюлетене ВАК*», что вообще чрезвычайная редкость, напечатали пространную похвальбу, где диссертацию Игоря Васильевича официально поименовали выдающейся.

Вторую хотя и защитил в нынешнее время, но ее столь высоко оценили в научном мире, что даже ее и замолчали... в том же научном мире.

Опять он не то что не сообразил, а внимания не придал: такого, вообще говоря, младшие нынешние коллеги не прощают...

◆ Вторым, непрощаемым ныне более слабыми умом коллегами в университете, огрехом абсолютно распоясавшегося в своих творчествах Игоря Васильевича стало основание и издание им философско-научного и социально-публицистического журнала «Феномены разума: XXI век». Разрешил издавать журнал еще прежний ректор, которому Игорь Васильевич стал импонировать, правда, в последний, «дембельский» год своего ректорства. Разрешил — то есть дал «добро» на печатание его тиража за счет университета. В университетском же издательстве-типографии. И новый ректор продолжил издание журнала, хорошо понимая, как это работает на репутации университета... Всю же работу по издательской подготовке — от формирования авторского коллектива до изготовления типографского оригинал-макета Игорь Васильевич вел сам, правда, с посильной тех-

* Высшая аттестационная комиссия: тогда — при Совмине СССР, которая утверждает ученые степени. — Прим. авт.

нической помощью своих внеуниверситетских друзей с научно-изыскательской жилкой. Естественно, на общественных началах.

Эта общественная работа требовала не только затраты умственной энергии главного редактора, но и ощутимых денежных затрат из нищенской зарплаты профессора: покупка дорогостоящей оргтехники и оплата верстки профессионалом.

Поначалу коллеги — узкие, так сказать, специалисты в не менее узких областях — отнеслись к де-тищу Игоря Васильевича со снисходительной иронией: дескать, с жиру бесится *простой* профессор, тем более что тот покинул посты председателя диссертационных советов. Из докторского ушел, чтобы самому в нем вторую диссертацию защитить, а в кандидатском, действовавшем на чужом факультете, его «подсидели», ибо не имел он никакой должности — деканской или кафедральной. А он и рад был освободиться от двойной дозуки: с серьезным лицом председателя поздравлять новоиспеченных докторов и кандидатов, содержание диссертаций которых несколько напоминало ему дипломные и курсовые, соответственно, студенческие работы советских времен.

Но лица этих самых факультетских докторов-профессоров вскоре приобрели явственный цинково-суконный оттенок, когда речь заходила о журнале. Здесь опять Игорь Васильевич «прокололся». Используя свои немалые знакомства в научном мире страны, в ближнем и дальнем Зарубежье, он выстроил четкую линию издания, и за неполные два года сделал журнал не то что всероссийским, но фактически международным с госрегистрацией, солидной редколлекцией. А имена отечественных и зарубежных авторов — нобелевских лауреатов, лидеров фракций Госдумы, депутатов Европарламента,

писателей с «именами» — заставляли факультетских, да и вообще всех умеющих читать университетских администраторов и самопальных профессоров, задумываться: а так ли прост этот рядовой профессор с диковинного факультета? Не стоит ли кто за ним? На всякий случай до поры до времени сохраняли настороженный нейтралитет. Как СССР с Японией во Вторую мировую войну.— Тоже до поры до времени.

Совсем уж осатанел главный редактор, когда впервые в постсоветское время добился награждения журнала академическим орденом «Владимир Вернадский» и двумя научными же золотыми медалями.

...Многомудрый в практической жизни Прокофьевич, когда раз-два в год в пригородный поселок с Витьком приезжал его знаменитый ученый брат Игорь Васильевич, ненавязчиво советовал двойному профессору не хуже, увы, ушедшего из жизни отца:

— Народ сейчас, Игорь свет Васильевич, жестокий пошел, бессердечный, люто всем и вся завидующий и очень мстительный. Жить тебе и работать никто спокойно не даст. Держи это постоянно в голове. Хотя, конечно, это ведь и не жизнь, да? Тем не менее, другой жизни у тебя не будет. Как и у всех нас, само собой разумеется.

И еще, дорогой Игорь Васильевич, все твои дела научные, как я понимаю, не приносят лично тебе ни копейки, а на журнал свой ты тратишь кровные, без того малые. Людишки же нынешние этого понять просто не в состоянии: сами-то они и копейку в пасхальный день нищему не подадут. А значит, думают они, твои труды и траты — это новомодные инвестиции во что-то им пока неведомое, но явно высокодолларовое, высокочувственное — лично для себя, конечно.

— Да-да, Григорий Прокофьевич, правда ваша. Сам все понимаю, но остановиться не могу: слишком большой разгон взял, жалко останавливаться. Понимаю прекрасно: рано или поздно далеко не красиво все это закончится. Увы, так будет. Жаль.

◆ Третье и завершающее прегрешение Игоря Васильевича вовсе ни в какие провинциальные ворота не лезло. Как раз к концу года, предвещенного древними мексиканскими майя как конец света, завершил он главный труд пятилетних исследований, по результатам которых написал и издал в солидном столичном научном издательстве десяти томную монографию «Эволюция мышления в планетарном масштабе». Самое существенное, что это был не повсеместно принятый нынче профессорский самиздат: что-то настроил, щедро разбавляя материалами учебников, за полгода, утаивая от супруги заначку зарплаты, собирая тыщенок шесть-семь и в самой дешевой типографии «Бланк-Издат» тиснул тиражом пятьдесят экземпляров (поставив в выходных данных 100—200 экз.) тоненькую брошюру, пышно назвав ее монографией... Раздал ее по университетскому начальству, которому и в голову дикая мысль не придет хоть раз раскрыть ее, а кафедра отчиталась в конце календарного года в рейтинговом списке: мол, издан актуальный и обстоятельный труд профессора *Н.*, впервые в мировой практике обобщивший вопросы партеногенеза дождевых червей... И славненько! Все довольны, а о монографии уважаемого профессора и сам проректор по науке что-то одобрительное произнес на общеуниверситетской конференции.

Нет, Игорь Васильевич, как человек в научном мире «с именем», сумел заинтересовать очень солидное московское издательство, по рангу соответствующее бывшей советской «Науке». Гонораров, правда,

оно не платило (а кто их сейчас платит?), но и с серьезных авторов денег не брало. Главное, издательство само распространяет тираж по стране и за рубежом. Это для настоящего ученого самое важное.

В своем университете и вообще в городе Игорь Васильевич насчет десяти томника благоразумно по-малкивал. Не потому что стал слишком бдительным, как советовал покойный отец и братьевников тесть Прокофьевич, а по самой простой причине: современной профессуре-доцентуре никакие философии эволюции мышления не интересны, более того, вызывают органическое отвращение — в силу отсутствия все того же логического мышления. Их интересует размер заработной платы, побочные доходы и реализация принципа тусовки: быть не хуже, чем профессор *N.* или завкафедрой *M.*, то есть иметь машину не хуже и хоть раз в год ездить в Патайю или в Хургады. Даже если климат этих мест им вреден.

И дико было Игорю Васильевичу даже представить, что *N.* или *M.*, не говоря уже о женщинах-доцентах, а тем более об остепененной администрации, хоть раз для интереса раскроет один из десяти трехсот-четырехсот-страничных томов, заполненный десятками, а то и сотнями теорем и лемм, их доказательствами с привлечением современной абстрактной алгебры, новейших квантовых теорий астрофизических космогоний и многозначной комплексной логики А. А. Зиновьева.

Не для них Игорь Васильевич пять лет подряд мудрствовал без выходных и ранее привычных летних отпусков в недалеком от города среднерусском курорте. Не для них, конечно. Ибо не в коня овес. Но чрезвычайно обрадовало его и скорое появление «коней». В минуты «печальных раздумий» Игорь Васильевич полагал, что мыслящие головы в стране и

вовсе перевелись, а оставшиеся «собственные платоны и быстрые разумом ньютоны» махнули на заработки в Европу и Америку или на заслуженный отдых в Израиль.

По мере выхода в свет томов монографии (одно за другим через короткий промежуток времени — стиль работы современных издательств) Игорю Васильевичу начали поступать электронные письма, телефонные звонки на служебный номер и на мобильник от серьезных людей — академиков РАН* из Иркутска и Новосибирска, видных ученых Москвы и Ленинграда-Петербурга, директоров институтов и лауреатов солидных премий из университетских центров России и Украины... Были и письма от знающих русский язык ученых из Германии и США. И... никакой вездливой критики в адрес «провинциального Спинозы». — Только похвальные референции. Иногда с обстоятельным разбором отдельных глав и даже томов.

Под сурдинку Игоря Васильевича приняли в пару общественных академий почетным членом, ввели в редколлегии и редсоветы нескольких научных журналов, присудили — без его заявки на конкурс — престижную научную же премию; правда, не имеющей денежной части. Впрочем, это сейчас дело обычное. Как говорится латиницей: *honoris causa***.

...Обо всем этом тем более Игорь Васильевич никому из местных не говорил, ибо прекрасно знал: в ответ он увидит либо безмолвную суконно-цинковую физиономию, а если и услышит что, то навроде:

* Российская академия наук — в современной России правопреемница АН СССР, правда, с копеечным финансированием и с академическими институтами с численностью научных сотрудников не более «двух взводов». — Прим. авт.

** Для почести (лат.). — Прим. авт.

«Эк тебя, Васильич, занесло! Ты уж нам, сирым, порадей, когда Нобеля отхватишь». — Впридачу, конечно, к язвительной ухмылке. Оттого и молчал.

Но скрывать долго не пришлось — до выхода десятого, завершающего тома монографии, когда в научной прессе появилось сообщение, что за много-томную работу профессор И. В. Скородумов из провинциального университета представлен коллективом видных российских ученых и солидным академическим институтом выдвинут на соискание Нобелевской премии за текущий год.

Провинциальная профессура и особенно вузовская администрация научную прессу категорически не читает, зато со вниманием изучает местную желтую прессу, и особенно — сорокавосемистраничную «Толоку»: со всеми городскими сплетнями, обнаженкой и неперменной страничкой «Секс не по-дедовски».

Вот эта самая «Толока», узнав новость про первого за историю города кандидата в нобелисты, и разносила лихую молву, присовокупив пару лжеинтервью с Игорем Васильевичем. Он звонил в редакцию, но там с «нобелистом» разговоры не стали разговаривать. Зато все университетские при встрече начали отворачиваться. Пришлось взять месяц отпуска на счет законного летнего двухмесячного.

◆ Нобелистом Игорь Васильевич, разумеется, не стал, ибо никакого политического скандала за ним не имелось. Но эта *honoris causa* предрешила его судьбу в университете. Сам он прекрасно понимал: доигрался. Прощения не вымолит, если даже перед всеми «преподами» факультета на колени встанет и седоватую свою голову, не по чину умную, пеплом посыплет.

Тут-то уже всерьез вспомнил слова отца и Прокофьяча о повышенной бдительности. Но откуда

ждать напасти? Опыта в постсоветские времена не имел. Начал вспоминать, как подставляли в те еще годы. Классический прием: под видом дружеской встречи-проводов подпоить и умело вывести на «канарейку» — вырезвительную машину. Попадание в вырезвитель, даже если ты был трезв, в советские 70—80-е годы, если не сумеешь откупиться, чаще всего означало вердикт для людей интеллектуальных профессий. Работяг ценили; те отделялись воплями жен и тещ из-за переноса на год очереди на улучшение жилищных условий.

И вообще в «золотые» годы Брежнева, особенно позднего — после четвертой звезды на его пиджаке, главное было соблюдать некий неписанный джентльменский договор. Суть его в следующем. Ты можешь являться полным клиническим идиотом, абсолютно бесполезным (речь идет об «интеллектуалах»), целый день сидящим, сложив по-пионерски ручки, за пустым столом без единой бумажки... зато абсолютно трезвым. Как бы его ни обхаживал, ни обнюхивал парторг — даже намек на тысячную дозу промилле C_2H_5OH нет. И что же? А то же: к пенсии — положенная по стажу медаль «Ветеран труда» и радостные (слава богу, освободили пустое место!) проводы на заслуженный отдых.

А другой пашет с утра до ночи, весь отдел на нем держится: конструктор от того же бога, все остальные сотрудники только на подхвате, вырисовывают за ним гайки и болты. Начальнику отдела коллеги по должностям завидуют: ну-у, Соломон Абдурахманыч, повезло тебе с Петровым, самому голову ломать не нужно, знай только следи, чтобы бабы на полчаса после обеда не задерживались и домой раньше времени не сбегали!

Но вот уважает Петров по окончании напряжен-

ного трудодня зайти с друзьями-коллегам в простонародную распивочную или в горбачевщину — постоять за «талонной» водкой в сто двадцать пятый специализированный, чтобы дообсуждать на склоне светового дня сложные технические вопросы о стыковке боеголовки с корпусом ракеты... Потому по утрам парторг едва не целоваться лезет, радостно фиксируя нужные промилле. Да еще злые незамужние бабы, не имеющие любовников, изустно разносят по всему предприятию молву: опять Петров с похмелья явился на работу!

...Петрова, конечно, как ценного работника, на пенсию не торопят, но и медалями обходят, должностями и связанными с ними окладами. И высшее начальство, словно оправдываясь, говорит: «Всем хорош Петров — умен, инициативен, самостоятелен в работе, но вот о моральной его стороне доходят до парткома и профкома разные слухи и сигналы...» А Петрова начальник, опасливо оглянувшись округ — нет ли поблизости парторга или востроглазых баб, бормочет вполголоса: «Побольше бы мне в отдел таких... аморальных! Дела совеем в гору бы пошли; глядишь, и мне по итогам пятилетки какой орден свалился».

Игорь Васильевич понимает: сейчас все другое, в чести не труд, а деньги. Ордена тем более никому не нужны. И университет не военное конструкторское бюро, а змеиное гнездо. Вместо боевитых парторгов — доносчик на доносчике, а аргумент один: «Вот студенты говорят...».

Но вот дела твои, господи, чудные: ближе к древне-мексиканскому концу света, словно из пепла бывшего советского времени, снова всплыл принцип примата «водка решает все!». Да к нему еще добавились под-принципы приматов: «курение решает все!» и «матер-

щина уже все решила!». Других дел у властей всех уровней не осталось, кроме как «борьба» с отребьем российского человечества: пьющими, курящими и от души посылающих этих борцов куда подальше.

Сообразил наш экс-нобелист, что ловить и не пущать его будут именно по этим формальным признакам, хотя бы он даже в этой троице прегрешений и не выходил за среднестатистические рамки. Но наивный в жизненных хитросплетениях Игорь Васильевич не учел, вернее, забыл два момента: подлость современных вузовских нравов при отчаянной трусости исполнителей и совсем близкую дату своего очередного перевыбора на пятилетний профессорский срок. Последнее — от того, что предыдущие выборы прошли как-то автоматически. Тогда он еще не являлся экс-нобелистом, а многие завкафедрами факультета еще не стали докторами-профессорами.

◆ Только когда война по принципу «все против экс-нобелиста» разгорелась, Игорь Васильевич узнал систему перевыборов, ранее ему, как человеку относительно новому в вузовской системе, незнакомую. Система эта гениально сочетала в себе показную демократию и безусловное подчинение начальнику. Формально же сначала кандидатуру утверждали голосованием на собрании кафедры, а затем на факультетском вече.

Игорь Васильевич, как человек занятый, никогда не читал объявления на кафедральной доске, а про то, что уже назначена дата очередного собрания, в повестке которого значится и голосование по его перевыборам, ему никто не сказал. Анализируя задним числом, он так и не смог определить: был здесь умысел или нет. Вообще все далее происходившее явно отдавало каббалой и оккультизмом с идеально выстроенным сценарием.

С позиций современного образа жизни, то есть отменного здоровья в волчьей борьбе за существование и ничем не сдерживаемого частнособственничества, Игорь Васильевич имел один недостаток и тоже одно достоинство, которые, кстати говоря, были хорошо известны его коллегам.

Недостатком здоровья, в общем-то, хорошего для его среднестаршего возраста, он полагал, говоря языком хорошо знакомой ему физиологии, выраженную реактивность вегетативной системы. Это проявлялось в стремительном росте артериального давления при резких изменениях в атмосфере и при всякого рода волнениях из-за неприятностей личного характера.

Достоинством частнособственнического порядка (Игорь Васильевич считал это досадным недостатком...) в общественном мнении полагалось вполне приличная дача в сорока километрах от города с удобным подъездом по московской «железке», только-только любовно выстроенная. Деньги на это дело он копил почти десять лет; очень помог по родственным связям сын Прокофьяча, тестя младшего братьяльника, Витька. Андрей, будучи владельцем монтажной артели по установке наружной рекламы, предоставлял именитому профессору автотранспорт, кой-какие стройматериалы по оптовым ценам и своих рабочих-таджиков.

Здесь следует пояснить, что Игорь Васильевич сгомозил дачу вовсе не по «принципу тусовки» (у Васьки есть, а я чем хуже?); более того, к земледельческому труду испытывал полное равнодушие, почти что отвращение. Тем более не приемлел накопительства и собственничества. На даче же планировал он проводить двухмесячные профессорские летние отпуска, сочетая пассивный отдых с активными научными изысками.

Там, полагал он, в отдалении от городского про-бензинного воздуха, а главное — от змеиного факультетского гнезда, за июль-август его реактивную вегетативную систему никто не потревожит, а сама она приобретет на десять трудовых месяцев достаточную закалку и стойкость.

Но — человек полагает, а черт располагает: так можно переиначить более благозвучную поговорку.

◆ Нехороший сон увидел Игорь Васильевич в ночь на тот злосчастный зимний день. Никогда он не был большим поклонником фантастической литературы; насколько мог припомнить, в детстве читал только романы Александра Беляева и Жюль Верна. От американских же космических войн и битв людоящеров его просто подташнивало. А тут привиделось...

Стоит он на краю оврага: за спиной — ровная долина, поросшая ковылем, что с легким шелестом волнами колышется теплым, душистым ветерком. Таким оптимизмом веет от этой мирной картины, что Игорь Васильевич понимает: это его предшествующая, ровная и целеустремленная жизнь. Сразу вспоминаются начальные строки любимой песни* отца: «Среди долины ровныя на главной высоте стоит, растет высокий дуб в могучай красоте...». И над всей ковыльной равниной шепотом, но мощным, что называется «с небес», архангелотрубно звучала мелодия «Среди долины ровныя...».

Но он-то стоял лицом к обрыву и видел под ногами нечто зеленое, мерзкое, топкое с ядовито-клубящимися парами. В разрывах густых клубков пара скакали наряженные чертями и ведьмами узнаваемые Игорем Васильевичем даже с далекого рас-

* Слова русского поэта XIX века Мерзлякова, музыка народная. — Прим. авт.

стояния его коллеги по кафедре и факультету. Некоторые из тех, кто хорошо относился к нему, пробовали выбиться из общей кучи беснующихся, отстояться в стороне во время шабаша, но их насильно, угрозами расправы заставляли вливаться в массовку. Отдельно приплясывали толстомясые деканатские бабы, высоко поднимая над простоволосыми головами хоругви в форме приказов на отчисление студентов за хроническую неуплату денег за обучение с девизами: «Водка — кровь сатаны, а пиво — его моча!» — «Курение и мат презирает демократ!» — «Ученые нам не нужны, они есть в Америке!» — «Болонский процесс с наукой несовместим!»

...На этом Игорь Васильевич затемно проснулся — тревожно заливался телефон. В трубке голос, искусно имитирующий сочувствие и переживание, сообщил: только что догорела его дача, сожженная бомжами или злоумышленниками. Звонящий представился москвичом-соседом по кооперативу. Давление тотчас подскочило до двухсот. Известный Игорю Васильевичу мобильник сторожа кооператива не отвечал. Как позже выяснилось, накануне вечером, несмотря на мороз, темноту, снег и зимнюю глухомань, сторож, для проформы выйдя потоптаться на свежем воздухе, заметил на колее проехавшей машины оброненный пакет с рисунком полуобнаженной восточной красавицы: лицо кокетливо прикрыто, все остальное открыто.

В пакете, оброненном неряхой-водителем, видно, из раскрытой двери, когда авто буксовало, оказался к несказанной радости счастливого находчика джентльменский набор: бутылка виски “*Black and White*” ноль-восемь, полкило буженины, банка рижских шпротов, кольцо краковской колбасы и буханка белого с хрустящей на морозе корочкой.

...Сторож отозвался, опохмелившись, только в середине дня, когда Игоря Васильевича уже везли с работы на вызванной им «скорой помощи» в больницу с гипертоническим кризом. Уже в терапевтическое отделение ему позвонили и сообщили, что именно сегодня состоялось заседание кафедры, где в повестке стоял вопрос о его переизбрании на должность профессора. Ввиду неявки этот вопрос перенесен на январь следующего, наступающего нового года.

Нового — так нового, прямо накануне которого Игорь Васильевич выписался из больницы и, как у него было заведено, всю первую «каникулярную» декаду января с утра до вечера наслаждался работой сам-один во всем корпусе, не считая дремлющих перед телевизором в своей каптерке сменных вахтеров. «Делал» же он очередной номер *своего* журнала и параллельно с этим написал пару глав новой монографии по тематике работы *своей* научной школы.

Но счастье коротко, будни тотчас наступают крошечные, подстать малосолнечным январским дням. Вернулись с «рождественских каникул» набравшиеся сил для дел несправедных коллеги, устроили по всем канонам партсобраний середины 50-х годов кафедральное собрание с представительством деканатских баб. С интересом узнал Игорь Васильевич, что в тот злосчастный декабрьский день он, оказывается, был на работе не с *220/110 mm Hg*, а в дупель пьяным.

Явно получивший «социальный» заказ завкафедрой велела сотрудникам, бывшим и нынешним аспирантам Игоря Васильевича, голосовать не за обычные пять лет переизбрания, а за годичный испытательный срок, учитывая «аморальное поведение профессора Скородумова в части алкоголя, табака и цензурной брани. За что они с ясными глазами и проголосовали.

Всего ожидал наш экс-нобелист, но не такого, кем-то срежиссированного втаптывания в грязь своими бывшими докторантами и аспирантами. На этот раз не только *mm Hg* скакнуло сверх всякой разумной меры, но и ранее не ощущаемое сердце защемило. Снова «скорая», та же больница... даже палата и кровать по стечению обстоятельств оказались теми же. Пока он повторно — с полумесячным перерывом — проходил курс восстановительной терапии, его в отсутствие дружно «прокатили» на факультетском собрании.

Администрация университета, до сих пор в глаза называвшая Игоря Васильевича «нашей гордостью», задумчиво промолчала. Через месяц истек предыдущий пятилетний срок профессорства. Более всего он сожалел, что теперь с журналом придется «завязать»; причину этого Игорь Васильевич подробно объяснил в последнем номере, после чего он получил несколько приглашений для участия в многолетних грантах в солидной номинации «ведущего ученого отрасли» и прямые приглашения работы по контракту.

От грантов Игорь Васильевич не отказался, а из контрактных приглашений для обдумывания отобрал два: в США, университет штата Мэриленд и в казахскую Астану — Евразийский университет имени Л. Н. Гумилева. В первом предлагали сорок тысяч долларов, во втором — двадцать. Но в Мэриленд временно-постоянно и лететь на самолете, чего Игорь Васильевич вполне серьезно теперь опасался. Конечно, взорвать «Боинг» бывшие коллеги технически не смогут, но подложить полфунтика героина сумеют.

В Астану же, где все говорят на русском, еще можно проехать по железной дороге (шайтан-арба по местному) и, главное, вахтовым методом: всего два

летних месяца в году. На том он и порешил, тем более, в Астане не было его бывших аспирантов и докторантов. И журнал обещали возродить.

...Факультету же «ненужных вещей», как его давно заглаза именовали в университете, повезло меньше. Оказывается, Игорь Васильевич, как и всякое бельмо на глазу, в определенном смысле был цементирующим, объединяющим всех в единой ненависти началом. Поэтому, как только экс-нобелиста вышибли, единое стадо распалось на враждующие группировки, начавшие сжирать друг друга. В конце концов, это надоело университетскому начальству и стадо разогнали.

Заседание диссертационного совета. Прения за дверью

В мэрии. Не согрешишь — не покаешься

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ: ПАПКА С ЗАЩЕЛКОЙ НА ТОРЦЕ

◆ Архитектор Ратмир Дмитриевич Челобанов с окончанием горбаческих времен работал на кафедре градостроительства Тулуповского технического университета. Еще в прошлом тысячелетии защитил в солидном московском вузе — с традиционным пятилетним перерывом — кандидатскую и докторскую диссертации; естественно, по архитектуре, хотя и прикладной, «коммухозовской», как ее, то ли с юмором, а может, и с уважением, именовали «чистые» архитекторы, разрабатывающие нетиповые проекты. Но Челобанов всю жизнь, начиная с учебы в *МИСИ*^{*}, был градостроителем, жил и чувствовал большими строительными масштабами, двадцать лет проработав по этой специальности в Тулуповском проектно архитектурно-строительном институте. Дорос до руководителя базового отдела, хотя и испытывал органическое отвращение к официальному начальствованию. Очень любил творческую работу. Даже став отдельским «бугром», редко бывал в своем крошечном кабинетике, почти все время проводя, как и прежде, за кульманом в правом ряду общего проектного зала второго этажа.

Это крайне не нравилось женщинам, стесняло их свободу поболтать друг с дружкой, посплетничать о любовницах начальников всех рангов, попить бесконечного чайку-кофейку с пирожными из учрежденческого буфета при столовой. Хотя Ратмир и свой в доску, но... он же начальник? Сам Челобанов похотывал:

* Московский инженерно-строительный институт.— Прим. авт.

— Девки! Да вы хоть стриптизом за своими кульманами занимаетесь, но на меня не коситесь: своя докука одолевает, никак привязка квартала «Н» к осевой линии микрорайона не получается!

Женщины улыбались, но... природа их брала все же свое: начальника следует опасаться. По жизненному уставу.

Из института в технический университет Ратмир Дмитриевич ушел сразу после спектакля *ГКЧП* по сочетанию двух причин: понял, что наступает аминь плановому градостроительству, но главное — в свои сорок пять лет назубок изучив практику дела, чувствовал в себе серьезный творческий потенциал, явно эту самую градостроительную практику перерос, потянуло к самостоятельному теоретизированию и обобщению своих мыслей и суждений.

Завкафедрой Леонид Максимович — а кто в узком архитектурном провинциальном мирке не знает друг друга? — Челобанова принял на работу с нескрываемым удовольствием:

— Ну-у, брат Ратмир, пора, пора тебе в науку. Как солидного практика берем на доцентскую должность, надбавку к нашей нищенской зарплате организуем. А раз пришел с уже готовой кандидатской, то через год защитишься. Опосля и с докторской не буду препятствовать: «разведка» донесла, что начальствования пуще черта опасаться, меня не подсидишь! Поди, плохо, два профессора на кафедре образуется. Рейтинг университетский, так сказать, поднимем в части нашей кафедры и факультета. Так что садись и пиши заявление. Как ректор завтра-послезавтра подпишет — приглашай в «Ханты-манси» на коньяк с закуской!

◆ Накануне малого юбилея Ратмира Дмитриевича, профессора кафедры градостроительства, именуе-

мого в народе «бабьей пенсией», его звал с утра в свой кабинетик Леонид Максимович. Был он в веселом настроении и, как человек почти что искусства, приветствовал коллегу и подчиненного неформально:

*Товарищ Сталин, вы большой ученый;
В языкознании, безусловно, корифей.
А я — простой советский заключенный,
Не коммунист и даже не еврей.*

Принимая правила шуточной игры, Челобанов подхватил лейтмотив:

*Вчера мы хоронили двух марксистов
И их тела накрыли кумачом.
Один из них был левым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем.*

Оба ностальгически рассмеялись, вспомнив золотые времена позднего Брежнева с вечерними кухонными посиделками при молодых еще женах и анекдотах про руководителей партии и правительства под прорывающиеся через вой глушилок радиоголоса из-за кордона. И все это под хорошую закуску, болгарскую «Тамянку» и отечественную «Экстру», самолично настоянную на апельсиновых корочках...

— Слушай, Ратмир, — на правах старшего по возрасту и должности называя Челобанова по редкостному имени, посерьезнел Леонид Максимович, — тебе вот-вот стукнет пятьдесят пять. Юбилей не юбилей, серединка на половинку, но надо и о себе, любимом, думать. Почетного работника высшего образования тебе, с моей, конечно, подачи, к защите докторской и «полтиннику» тебе ректор выписал. Пора о Заслуженном архитекторе побеспокоиться...

При этих словах Леонид Максимович невольно скосил взгляд в сторону правого лацкана пиджака, куда он по табельным дням нацеплял своего Заслуженного.

— Кто же мне его даст? За такими цацками в универе, полагаю, очередь на две-три каппятилетки вперед!

— Правильно, Ратмир-свет-Дмитриевич, особенность национальной охоты за наградами понимаешь. Я сам-то, небось, от наших сплетниц-доцентш знаешь, получил по кумовству с бывшим проректором Цыпляевым. Успел-таки Вадимович мне Заслуженного организовать, прежде чем его вышибли с должности — не по чину взял, бедолага, а точнее, не поделился с кем надо. Закон общака забыл!

Нет, Ратмир, мне наемни подсказали один ход: бумаги оформлять не от университета, что есть дело тухлое, как ты правильно сказал, а от творческой общественной организации, что допускается законом о наградах, то есть от нашей областной организации Союза архитекторов, которую возглавляет, хм-хм, твой покорный слуга!

◆ Сложным путем заполучив из обладминистрации неряшливо отксеренную копию положения о почетных званиях, Ратмир Дмитриевич за пару дней подготовил все нужные бумаги. Особо в ходатайстве и сопроводительном письме он напирал на наиболее выигрышные стороны и успехи своей деятельности за последние пять лет, как того требовало положение: учебник по градостроительной архитектуре с грифом Минвуза, рекомендующим его в качестве базового для инженерно-строительных университетов и факультетов, и первая премия за проект обустройства набережной реки Тулуповки, давшей название городу. — Только что в области сменилась админи-

страция: прежний губернатор дожидался суда за крупную взятку, а новый энергично взялся приводить в порядок исторически безалаберно застроенный и запущенный Тулуповск.

Леонид Максимович полистал пачку бумаг, вынул из ящика своего кабинетного стола паркер для подписей важных бумаг, поставил на нужных местах автографы и проштемпелевал их печатью Тулуповского отделения Союза архитекторов.

— Все! Сам не относ. Запутался в пропусках и не туда, куда надо, отдашь, а потом концов не сыщешь. В понедельник Лилия Семеновна идет в Белый дом и...

— А что, Леонид Максимович, до Белого дома, что в городе Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, можно пешком дойти?

— Что-то? А-а, извиняюсь, забыл, что не терпишь американизмов. Так вот, наша почтенная Семеновна в понедельник идет-плывет в областную администрацию с заявкой на грант губернатора и закинет твои бумаги в департамент культуры. Она там все их тонкости знает, по-бабски пристанет и не отстанет, пока по всей официальной форме твое представление не зарегистрирует. Да не забудь бумаги в какую-нибудь папочку поприличнее упаковать.

Из ящика уже своего стола в преподавательской Челобанов достал папку любимого им фасона: черную пластиковую с торцом. До ста листов можно в такую папку вставить, надавив на выступающий из торца клапан-защелку и намертво закрепить пачку бумаг.

...Таких папок перед Новым годом, когда финчасть университета спешно избавлялась от сэкономленных сверх бюджетной меры денег, раскидала их по преподавателям — доцентам по десятке, профес-

сорам аж по двадцать бумажек с видами города Ярославля, Ратмир Дмитриевич с таких внеплановых купил целую коробку: двадцать штук. Но расходовал их экономно.

Вставив и закрепив в папке бумаги представления на звание, чуть подумал, набрал на компьютере этикетку: «Челобанов Ратмир Дмитриевич. Заслуженный архитектор РФ» — и закатал ее на обложке папки полоской широкого скотча. Как истинный эстет, полюбовался ладненькой, толстенькой папкой, вздохнул и отправился в комнату Лидии Семеновны. Почтенная пятидесятишестилетняя доцентша без ученой степени уже не первый десяток лет де-факто технически руководила кафедрой: от воспитания разгильдяев-студентов и аспирантов до подготовки расписаний занятий на очередной семестр и выполнения самых ответственных поручений вне университета. Леонид Максимович в душе молился на нее и жил в свое удовольствие, как за каменной стеной, отгородившей его от всех хлопот и докук вузовской бессмыслицы. Даже всякие прелюбодеяния, интрижки и пьянство в рабочее время разбирала и регулировала, не доводя до греха и высшего начальства, лично Лидия Семеновна.

...Многие студенты-первокурсники, еще слабо понимая вузовскую иерархию, серьезно считали ее завкафедрой.

Особенно Лидия Семеновна любила ходить с поручениями в областную администрацию, где она знала хорошо всех чертей: ее отец, ныне пенсионер на покое, в советское время возглавлял в обкоме строительный отдел.

Лидия Семеновна всегда была в курсе всех дел, даже если последние еще не озвучивались, потому приняла папку от профессора без вопросов, но по-

просила Ратмира сходить в буфет за шоколадкой рублей за шестьдесят:

— ...Только, Ратмир Дмитриевич, без всяких там орешков, изюма и воздушных пузырьков. И не импортную, а бабаевскую лучше. У делопроизводительницы культурного департамента долгожданный внук родился, поздравить надо! С пользой для вашего же дела, конечно.

◆ Ратмир Дмитриевич вырос в офицерской семье и с ясельных пеленок был воспитан в убеждении: все в мире подчиняется четкому уставу, внутренней и внешней дисциплине, а любое отступление суть разгильдяйство и подлежит наказанию с целью исправления.

За широкой спиной Леонида Максимовича и хозяйской опекой кафедры Лидией Семеновной Челобанов абсолютно потерял представление о реалиях современной жизни, тем более — нынешнего чиновного мира. Поэтому все дальнейшее, происходившее с его ходатайством на Заслуженного архитектора, воспринимал как некий кошмарный сон*, как воплощенную в жизнь картину великого испанца «Сон разума порождает чудовищ». И еще он постоянно держал в памяти слова дальнего знакомого своего отца Прокофьяча, проживавшего в бывшем шахтерском пригороде и прославившегося на весь Тулоповск выигранной в районной администрации тяжбой в части налога на домашнего кота Мичмана: «Ты, Дмитрич, сейчас все воспринимай всерьез, хотя бы и имеешь дело с полным идиотизмом. Кстати, настоящий сумасшедший в житейском общении очень даже приличный человек. Только больше двух стопок са-

* «Жизнь как сон» — самая таинственная пьеса Кальдерона.— Прим. авт.

могоновки ему наливать не следует. А вот если читаешь официальную бумагу, тот же ответ тебе от чиновников, не думай, что тебя разыгрывают или насмеются. Нет, они люди подневольные, и если им сказано не пущать, то и не пустят, куда тебе хочется. Переубедить их невозможно: ты им человеческим языком, а они параграфом и статьей. Эх-х, разбаловала нас советская власть!»

...Все последующие пять лет, почти до уже настоящего, шестидесятилетнего юбилея, раз в полгода, как в бесконечном дежавю, повторялся один и тот же сценарий. Лидия Семеновна, разбирая кафедральную почту, опытным взглядом сразу откладывала в сторону бандероль, адресованную Леониду Максимовичу, но не как завкафедрой, а ответственному секретарю Тулуповской первички Союза архитекторов.

Даже не показывая толстенький конверт писчего формата шефу, она с дежурно-соболезнующим выражением доброго своего лица вручала бандероль Челобанову.

В конверте находились неряшливо собранные в пачку его документы на Заслуженного: все измятые, в пятнах от кофейных и пироженных следов, с неразборчивыми карандашными подчеркиваниями, перечеркиваниями и пометками. Родной черной пластиковой папки с торцовой защелкой не было, а листы разных документов заявки перепутаны и даже не соединены канцелярскими скрепками.

К пачке возвращенных бумаг, пышно именуемым «пакетом наградных документов», прилагалось сопроводительное письмо департамента культуры, написанное обычным канцелярским языком и за подписью директора департамента.

«Сопроводилровка» писалась по шаблону со ссылками на нужные статьи, разделы и пунктыложе-

ния, регламентирующего представления к почетным званиям. Однако отказные обоснования первые три года в основном напирала на «технические и орфографические ошибки», но какие — конкретно не указывалось. Пришлось к очередному Женскому дню посылать Лидию Семеновну с приличным тортом и коробкой бабаевских конфет к знакомой ей делопроизводительнице департамента. Вернувшись, она растолковала малопонятливому профессору, что сейчас в обиходе американская орфография в написании многословных имен собственных: все слова пишутся с заглавной буквы, а не одно лишь первое слово, как доселе было принято в русском языке. Ратмир Дмитриевич помнил со школьных уроков: исключения, то есть написание всех слов с большой буквы, допускается только для названий государств, расшифровки аббревиатуры *КПСС* и еще нескольких имен собственных. Выходит, явочным порядком наша орфография изменилась...

◆ Когда Челобанов освоил новую грамматику и стал посылать в администрацию Лидию Семеновну с правильной терминологией и орфографией, то содержание отказных писем изменилось. Теперь напирала на пункт 16 раздела II главы I «Порядка представления...», а именно: ходатайство возбуждается по месту основной работы, коей у гр. Челобанова является Тулуповский технический университет.

Удар получался ниже пояса. Сколько ни пытался Ратмир Дмитриевич в очередных засылах Лилии Семеновны в департамент в сопроводительном письме человеческим языком объяснить, что искомое им звание — творческое, а технический университет, в отличие от Союза архитекторов, не есть творческая организация-учреждение, а потому пункт 16 раздела II главы I здесь не следует толковать сугубо формально,

но через положенные полгода его бумаги (без папки) возвращались с сопроводителькой уже сугубо стандартного содержания: про пункт, раздел и главу.

Уже в нижнем ящике стола Ратмира Дмитриевича оставались только две заветные папки с оригинальной торцевой защелкой; уже в университете сменился ректор, а в администрации — губернатор со всеми его замами и «вице»; уже Лидия Семеновна прикидывала, как лучше организовать на кафедре чествование профессора Челобанова в его шестидесятилетие... Но здесь переписку Ратмира Дмитриевича с губернской властью решительно прервал Леонид Максимович:

— Давай, Дмитрич, завязывай с этим безнадежным делом. Плетью обуха не перешибить. На меня уже косо ректоратские смотрят. Делай как другие: становись в негласную университетскую очередь и к семидесятилетию получишь своего Заслуженного. Как говорится, все удовольствие не в обретении желаемого, а в пути-достижении его!

Ратмир Дмитриевич манией величия и отчаянным лавролюбием не страдал, потому с охотой и облегчением от докуки освободился. А чтобы подсластить пилюлю, к юбилею подчиненного Леонид Максимович выхлопотал ему Почетную грамоту Министерства культуры. И самопальный орден «Ле Корбюзье» от Союза архитекторов. Такие медали и ордена на любой вкус наловчились штамповать предприимчивые ребята из Одессы, организовавшие наградное ООО на базе выкупленного цеха в Пензе, где в советское время специализировались на знаках госнаград. Но более всего Ратмира Дмитриевича порадовала очень даже приличная премия из ректорского фонда.

◆ После юбилея Челобанов напрочь забыл о пятилетних мытарствах, с головой уйдя в работу над

монографией по всемирной истории градостроительства архитектуры, которую планировал издать в Москве и — на немецком или английском языках — в Германии, где веселые ребята из Одессы создали издательство для бывших соотечественников.

Надо сказать, Ратмир Дмитриевич не отказывался от участия во всяких университетских советах и комиссиях — в порядке общественной нагрузки и поощрительной оплаты. Поэтому не удивился, когда, предварительно созвонившись, на кафедру пришел председатель совета молодых ученых Земнухин:

— Ратмир Дмитриевич! Выручайте. Мы сейчас подводим тоги конкурса на звание лучших аспирантов и студентов по научной работе. По вашу душу пяток работ с экономического факультета, как-то касающихся строительного дела. Не считите за труд, кстати, оплачиваемый, увы, по известным расценкам, отвести часок времени: просмотреть по диагонали, резюме написать в пяток строк и поставить баллы. Не очень обременю?

— Ладно. Завтра с утра займусь, а после обеда заберете.

Занятый главой монографии о советском конструктивизме двадцатых годов, Ратмир Дмитриевич даже не взглянул на стопку бумаг в разноцветных пачках, положенных Земнухиным на подоконник окна, рядом со столом профессора.

Наутро, как человек дисциплинированный и обязательный даже в мелочах, Ратмир Дмитриевич переложил студенческие работы на стол, начал было перебирать... и вздрогнул, увидев папку любимого фасона: черную с защелкой на торце. Раскрыл и увидел, вторично вздрогнув, фамилию студентки Корочкиной Екатерины Анатольевны, пятый курс экономического факультета. Именно такую фамилию

имеет заведомо департамента культуры, которая, по словам всезнающей Лидии Семеновны, все эти пять лет отфутовала его бумаги. Директор же департамента только подмахивал сопроводилки. Более того, почтенная доцентша, проведя углубленную разведку через делопроизводительницу департамента, несколько месяцев назад раскопала и доложила Челобанову причины немилости Коровкиной. Оказывается, еще на заре своей педагогической деятельности, будучи еще «холодным» доцентом, он с двух заходов еле-еле, поддавшись на злые девичьи слезы, поставил «тройбан» с двумя минусами дочери этой самой административной дамы Коровкиной.

Естественно, сам Ратмир Дмитриевич этого не помнил, тем более, что по данным Лидии Семеновны дочурка была замужем и шла в университете под другой фамилией... Да-а, бабы таких унижений не прощают. Впрочем, теперь эту канитель с «Заслуженным» он выбросил из головы напрочь.

И вот опять эта Коровкина? Может однофамилица? Ратмир Дмитриевич закрыл папку, задумчиво повертел ее в руках и... не то что вздрогнул, но похолодел: на обратной стороне папки на наклеенной в правом нижнем углу торговой бумажной этикетки он увидел свою подпись! Сразу вспомнил: когда укладывал бумаги в очередную новую папку, готовясь послать Лидию Семеновну в «белдом» в предпоследний раз, к его столу подошел доцент Семенов и попросил поставить автограф на рецензии его статьи. Дело обычное, но ручка Челобанова, явно китайской подделки под корейскую гелевую, забастовала. Не найдя на своем аккуратно содержимом столе бросовой бумажки, он, увидев этикетку на папке, пару раз черкнул по ней и по инерции здесь же и расписался. Ручка «пошла», подпись получил и доцент Семенов.

◆ Дело приобрело детективный сюжет. В Челобанове пробудился азарт дознавателя. Набрал номер телефона Земнухина и поинтересовался, вроде как по делу, конкурсной работой студентки Коровкиной. Дескать, можно одобрить, но и застопорить также не сложно.

— Лучше одобрить, Ратмир Дмитриевич, — сразу проявил интерес Земнухин, — эта Катька — девица зловредная, прилипчивая и кляузная. Да и племянница какой-то деятельницы в облминистрации — по мужу ее племянница. Фамилия поэтому у них одинаковая. Вы, конечно, Ратмир Дмитриевич, абсолютно вольны в своем решении, но мне приходится иногда бывать в тех местах, клянчить деньги на поощрение молодых ученых... Ну-у, словом, понимаете. А что вас заинтересовало в ее работе?

— А ничего, брат Земнухин, по содержанию, папка заинтересовала, люблю такие папки, очень удобные.

На другом конце провода облегченно рассмеялись:

— Так возьмите ее себе! А бумаги Катькины в обычный файл вставьте. Кстати, она уже не в первый раз заявы свои, с интернета распечатанные, мне приносит. — И всегда в таких же папках!

...Через неделю, получив зарплату, Челобанов зашел в недалний от его корпуса магазин учебной книги и канцтоваров «Знание—сила». К его радости продавщица отыскала в подсобке коробку с двадцатью черными папками любимого фасона. Десять штук он сразу определил в дело: под десять же глав историко-архитектурной монографии. Второй десяток — без сопроводилки — упаковал в бандероль без обратного адреса, написал адрес и фамилию Коровкиной, самолично сходил на почту и отправил.

...Еще через полгода услышал от Лидии Семеновны новость: Коровкина теперь останется без повышенной пенсии госслужащей, до которой ей оставалось чуть побольше года работы. Попалась на женской алчности: к юбилею первого вице-губернатора ей поручили купить подарок от департамента: швейцарские часы тысяч за шестьдесят. Простенько и со вкусом. Она же скрысятничала, купив китайскую подделку за четыре «штуки», подделала чек, а разницу, ничтоже сумняшеся, пустила на домашние хозяйды.

Уже который год подсигивающая ее заместительница вскрыла подлог и донесла до верхнего начальства. Чтобы не выносить сор из «белой» избы, Коровкину вовсе не уводили, а вывели из ранга госслужащих и перевели в Замостовскую районную администрацию курьером почтовой экспедиции.

Последний же в городе книжный магазин «Знание — сила» к Новому году закрыли из-за нерентабельности, помещению задали евроремонт и сдали в аренду магазину «Отличный» — одежда и обувь по умеренным ценам.

В загородном коттедже. Мечты чиновника о виртуализации городских помоек и свалок

Лето, жара. Директор департамента отдыхает после районного саммита «без галстуков» («без пиджаков», «без штанов» и пр.)

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ: КУВАЛДОМЕТР, ИЛИ ЗИМНЯЯ СКАЗКА

◆ Как-то в зимний субботний день к Прокофьючу с Тихоновной и, конечно, к освобожденному от налога на ловлю мышей коту Мичману нагрянули без предваряющего звонка гости: дочь Вера с мужем Витьком и одной из дочерей-школьниц, а также со старшим братом Виктора профессором Игорем Васильевичем. Приехали на «лендровере» младшего брата-хозяина с гостинцами, ночевкой и завтрашним катаньем на лыжах, которые все родичи хозяев постоянно держали в запертой кладовке без отопления.

Игорь Васильевич, с некоторой досадой оторвавшись от своих ученых упражнений, поехал на загородный пикник по настоянию супруги: для здоровья и социального оптимизма.

Приехали уже темным вечером и сразу приступили к делам. Тихоновна с Верой занялись ужином высокого класса — из домашних и привезенных запасов. Внучка затетешкала Мичмана, а тот радостно носился за ней по комнатам и веранде дома. Прокофьюч нашел достойного себе собеседника в лице профессора: оба с увлечением и комментариями рассматривали староизданные книги с пепелища бывшей поселковой библиотеки. И хотя Тихоновна внесла в «диванную», этак по-барски, малый жостовский поднос с графинчиком особо очищенной и настоящей на смородиновых почках, парой рюмок и тонко нарезанным домашним окороком — заморить червячка перед ужином, но оба истинных библиофила к угощению даже не притронулись, восхищаясь прекрасно переплетенным прижизненным изданием морских рассказов Станюковича. Витек же расчистил от сне-

га широкую дорожку от ворот к сараю, загнал машину, укрыл ее от расходящегося к ночи мягкого, пушистого снега полиэтиленовой пленкой, что летом шла на теплицу, задумался: что еще сделать по хозяйству?

Сообразив, заскочил, не раздеваясь, в дом, далее в «диванную», подмигнул мужикам, колдующим над старой, пахнувшей заварным кремом книгой, одну за другой хлопнул пару стопок очищенной, зажевал бутербродом с домашним окороком, выскочил из дома. Покурил, наслаждаясь наполняющим желудок теплом, затем принялся расчищать дорожки вокруг дома и сарая — пока Тихоновна не позвала с крыльца зятя ужинать.

Собрались по-праздничному в гостиной комнате за овальным столом со скатертью. Мичман вспрыгнул на колени внучки-десятиклассницы и весь вечер сидел там, периодически сладко урча, засыпая под людской говор и вновь просыпаясь. Зря говорят, что коты сугубые индивидуалисты. Тем более — домашние, хозяйские. Они просто не любят, чтобы их брали на руки без их желания, а так они со вниманием слушают человеческую речь и усаживаются так, чтобы постоянно видеть всех присутствующих.

Утолив первый голод, поговорили о завтрашней пробежке «молодых», то есть всех кроме хозяев, включая Мичмана, а затем перешли к занятым зимним историям — в контексте со сказочным январским вечером. Дошла очередь и до Игоря Васильевича.

◆ — Хм-м, и у меня такая вот зимняя сказка приключилась: и время то же самое, сразу после старого Нового года, и погода такая же, морозец в меру, снежок пушистый падает-кружится... Только было мне на двадцать лет поменьше.

Я тогда уволился с *НПО «Меткость»*, поскольку докторская диссертация не то что готова была, но уже отпечатана, внедрена и так далее — по всей полной бюрократии. Академик же Гусаков, генеральный конструктор и начальник «Меткости» меня не знал, да и тема диссера никак не вписывалась в работы *НПО*. Словом, никто мне бумагу-направление на защиту, что тогда строго требовалась, не даст.

Но куда идти? Время-то собачье-волчье, девяностый год, горбачевщина-гайдаровщина, всюду лицемерные эти сокращения. Но, видно, господь бог меня опекает понемногу. Случайно узнал от общих знакомых, что Дмитрий Алексеевич, мой бывший начальник в *ЦКБ* агрегатостроения, где я трудился перед уходом в «Меткость», организовал самостоятельный информационно-аналитический центр при одном из департаментов областной администрации.

В *ЦКБ* же, куда я попал по распределению после политеха, по третьему году работы организовали отдел по разработке собственных микросхем для военной аппаратуры, так называемых микросхем специального, или частного, применения. Меня, как еще с политеха имевшего подготовку по микроэлектронике, назначили руководителем группы конструкторов-топологов по проектированию микросхем, а Дмитрия Алексеевича, только перешедшего к нам из радиолокационного *НИИ*, что в Пореченской стороне города, — начальником сектора, в который вошли топологи и химики-технологи. Так мы и трудились вместе лет пять.

Затем начался большой отток специалистов на более высокую зарплату в самую престижную в городе «Меткость», где начались работы по созданию ныне всемирно знаменитого ракетно-пушечного зенитного комплекса «Панцирь». И я примкнул к этому оттоку.

Дмитрий же Алексеевич проработал в ЦКБ еще лет десять, стал там вторым по должности человеком, но в конце горбачевщины наверх полезли люди нового склада мышления. Дмитрия Алексеевича, как человека трудолюбивого и добропорядочного, мигом «подсидели» и принудили уйти из ЦКБ. Хорошо, в те начальные годы перепрофилирования всего уклада жизни у власти еще пока держались порядочные люди прежнего закала, хорошо знавшие деловые качества Дмитрия Алексеевича. Они и помогли создать ему Центр, который он в короткие сроки умудрился сделать образцовым и ведущим по всероссийским меркам. А ведь такие центры директивно были созданы во всех областных городах с функциями вроде как крохотных контор-машбюро, где с десятков девушек набирали бы тексты докладов и отчетов для департаментских боссов...

◆ Дмитрий Алексеевич, пышно теперь именованный гендиректором, встретил радушно, мигом понял, что мне от него нужно, вызвал секретаршу и продиктовал приказ о моем зачислении в штат с должностью ведущего конструктора — со среднестатистической приличной зарплатой:

— Вот что, Васильич! Я так понял, у тебя все готово, а для сбора всяких бесчисленных бумаг, согласований и прочей мутатени наступающую осень и зиму будешь мотаться в Москву. А в начале следующего лета защитишься. Я все понимаю и приветствую, чем могу — помогу. Командировки любые подпишу. Заодно иногда и наши бумаги кой-куда станешь закидывать. Мы вот сейчас подвязались к Чернобыльскому регистру, а правит здесь всем Москва. Ну, это к слову.

Параллельно же с твоей основной заботой присматривайся к нашим делам, ищи, так сказать, бу-

дущий фронт своих работ. И я тебя время от времени начну привлекать по отдельным вопросам, где ты силен. Договорились?

Так все и пошло своим чередом. Весьма успешно пошло. Раз в неделю-две тряса на электричке в Москву, где бегал по корпусам Московского авиационного института: подписывал нужные бумаги, выступал с докладами по теме диссера на ведущей кафедре, где был оформлен соискателем, что-то доказывал, убеждал, дружески обедал с нужными людьми.— И торопился на Каланчевку, чтобы успеть на последнюю, идущую в ночь электричку. По улицам столицы старался не ходить: тягостное зрелище. Все тротуары того же Волоколамского шоссе, где расположились корпуса *МАИ*, сплошь заполнены жмущимися к стенам домов стариками, пытающимися продать совершенно невообразимое: старые калоши, дырявые шерстяные носки, траченные молью пальто рабфаковских времен. Вот она, гайдарномика, в действии...

Один любопытный момент, связанный с выполнением поручения Дмитрия Алексеевича.

Накануне очередной моей поездки, подписывая командировку, тот попросил выбрать в Москве пару часов и встретиться по делам Чернобыльского регистра с главврачом психиатрической больницы имени Сербского:

— Вот тебе ее координаты. Она в курсе. Передашь ей все эти бумаги и запиши ее комментарии и пожелания. Созвонись сегодня; она человек занятой.— Но в курсе наших дел и хочет сотрудничать.

Я дозвонился, спросил, как подъехать к Сербского. В ответ в трубке послышался смех: «Что вы! Это же тюрьма, туда особое разрешение для входа требуется. Мы со сторонними коллегами встречаемся

в обычной поликлинике на Тверском бульваре. Так что туда и приезжайте завтра к двум часам».

...Встретились, поговорили, а через пару месяцев в газете увидел ее фото: новый министр здравоохранения. Еще разные истории случались, но давайте ближе к зимней сказке.

◆ Так вот, в такой же прекрасный зимний день, как сегодня, сидел я за своим рабочим столом и выверял отпечатанный текст автореферата диссертации. Уже договорился размножить его в ста положенных экземплярах на департаментском ротапринте, что размещался этажом выше. На машине работали два пожилых понятливых отставника, а пару бутылок «за труды» я им уже передал перед праздником старого Нового года. Солнце зимнее еще не взошло. За окнами — серая блесткость выпавшего за ночь снега. В комнату вошел очень озабоченный начальник:

— Пойдем-ка, Васильич, ко мне в кабинет. Разговор есть.

А в кабинете продолжил:

— Слушай, у тебя ведь дача, как и у меня, в Шутино и на третьем участке?

— Да у меня, Дмитрий Алексеевич, не дача, а голый участок. В лучшие времена не успел, не соорудил, а сейчас и на собачью будку деньги два года копить нужно...

— Неважно, все равно заодно посмотришь на свой участок зимой. Тут дело в другом. Я-то успел, еще будучи начальником в ЦКБ, дом в двух уровнях сгомозить, сарай бетонный. Вот в нем-то все и дело. Позвонил вчера под ночь сосед-пенсиянер, то есть его дача через два участка от моего. Ездил он посмотреть что да как и говорит: у тебя стальная дверь сарая напрочь вывернута, на одном болте кособочится. А у меня в сарае-то про запас почти два куба

струганных досок высшего сорта, мешки с цементом и прочий стройматериал, представляешь? Вдруг все сперли? Сосед поопасался заглядывать. В любом случае надо срочно ехать, дверь ремонтировать. Одному сложно будет, так что по-соседски выручай! Был бы Генка за рулем, мы бы вдвоем управились, но он сегодня в отгуле. А Валерка молод и хлипок, на него полагаться нельзя. Поехали!

Поехали на приписанном к Центру медицинской окраски «рафике». За рулем подменный водитель Валерка, девятнадцатилетний парень с несколько слабым... ну, скажем, воображением. На полу салона машины здоровенная кувалда и другой инструмент для ремонта сарайной двери из почти что броневой плиты.— В ЦКБ, как заведении военно-промышленного профиля, веников не вязали...

Проехали через весь город, а далее километров тридцать по московской дороге. Затем свернули на еле заметную под ночным снегом колею грунтовки, долго петляли мимо пустых зимой сезонных коровников, хлевов без дверей. Кругом и впереди ни души. Жизнь здесь замерла до весны.

Валерка, разумеется, дороги не знал, но ее даже под снегом четко угадывал начальник, поднаторев в этом при перевозке стройматериалов для дачи. Несколько раз «рафик» отчаянно буксовал в снегу. Приходилось мне и Дмитрию Алексеевичу брать в руки рачительно припасенные лопаты. Еще с полчасика переползание с бугра на бугор под снегом, и машина вышла не высокий берег речки, что опоясывала знакомый мне третий участок дачного кооператива, который расположился на другом, пологом берегу.

Дмитрий Алексеевич на пальцах начал разъяснять шоферу, как спуститься к промерзшей до дна речке по заметенному снегом летнему грунтовому

серпантину. Валерка тронул «рафик», но увяз на первом же развороте на сто восемьдесят градусов. Вместо того чтобы предложить всем выйти с лопатами, он дал полный, долгий газ. За боковым окном взметнулся выбрасываемый колесами белый вихрь, который вдруг сменился грязно-серым, после чего мотор резко заглох. Валерка обернулся с плачущим лицом: «Все, Дмитрий Алексеевич, диски сцепления полетели! Что делать?»

Начальник махнул рукой, дескать, что с малолетнего идиота возьмешь, и пояснил мне, как полному профану в автомобильном деле, что такой ремонт делается только в автомастерской, а ближайшая из таких только... в городе. Да и то, если там найдутся диски для «рафика», что маловероятно, ибо Латвия с ее *RAF* уже самостоятельное государство с выраженной враждебностью к нашему оципанному по краям отечеству...

◆ Попинав снег около передних колес, зачерненный пятнами сгоревших металлических крошек, Дмитрий Алексеевич озвучил диспозицию:

— Ты, Валера, дуй по следу машины, пока снег снова не пошел, назад до трассы, там как раз автобусная остановка. На тебе деньги, сядешь на первый же рейсовый проходящий, доедешь до города и позвони Клейману: объясни ситуацию; пусть найдет грузовик — дорогу он знает — и едет сюда, тащить «рафик» в город. Если до темноты не успеешь, пусть завтра с утра. А мы с тобой, Васильич, заберем инструмент и пойдем вниз, на дачу. Будем работать, а машину никто не тронет, ни души вокруг, да с дачи хоть и за километр, но на горке она нам будет видна... Дальше решим по обстоятельствам.

— А по мобильнику почему не позвонили? — встрепенулась внучка, невнимательно слушавшая не-

интересный ей рассказ дяди-профессора, поглаживая разомлевшего на ее коленях Мичмана за ушками.

Витек рассмеялся:

— В те времена, дочь, мобильник стоил дороже «волги» и даже не у всех знатных воров и бандитов имелся. Ну-у, и дальше что с машиной сделали? — Его, как автомобилиста, рассказ старшего брательника очень заинтересовал.

— А дальше Валерка потопал сложным путем звать на выручку нашего завхоза Клеймана, я взвалил на плечо этот самый здоровенный кувалдометр весом поболее полупуда, начальник взял мешок с инструментом — и двинулись в направлении кооператива и далее — основательной дачи Дмитрия Алексеевича.

К счастью, из сарая похитители забрали только... пустые бутылки из-под водки. Сам начальник вообще никогда не пил, но потчевал строителей дачи. Все собирался выбросить, да так и не собрался. Недосуг. Из чего мы с ним решили: сарай «откупорили» алкаши с ближнего железнодорожного поселка. Стройматериалы их не интересовали: хлопотно реализовать и тяжело нести на виду.

Тем не менее, сборщики обменной стеклотары имели при себе лом-фомку и дверь из стальной плиты выворотили основательно, так что мы с Дмитрием Алексеевичем, поочередно или в пару работая почти пудовым «кувалдометром», ручной дрелью с победитовым сверлом, молотком, клещами и слесарной ножовкой по металлу, провозились часов до трех пополудни. Хорошо, в хозяйстве начальника нашелся и амбарный замок на место развороченного воровской фомкой.

В холодном доме пообедали захваченными тормозками. Еще с час подождали, выходя на пригорок дачной улицы посмотреть на еле видный отсюда за-

мерший «рафик» на склоне высокого речного берега. Нигде ни души, только из лаза в дом ближней дачи вылезла полосатая кошечка, приветливо посмотрела на людей, но от остатков тормозков вежливо отказалась. Дмитрий Алексеевич пояснил, что хозяин Мурки, тот, что и позвонил ему о взломе сарая, приезжает сюда раз в три дня — для здоровья и охраны, топит печку, грея сразу обед, себя и Мурку, что в прошлом году к нему прибилась, оставляя ей в протопленной кухне еду и питье.

Начало темнеть, а с темнотою полетели редкие пушистые снежинки. Надо было что-то решать. Решает же начальник:

— Давай, Васильич, маршируй на станцию, дорогу знаешь. Как раз — с запасом времени — успеешь на семичасовую электричку. Домой приедешь — позвони Клейману, вот тебе на бумажке его домашний. Объясни, что да как, если Валерка не успел еще. Скажи: я еще пару часов здесь побуду, дойду до машины, проверю — закрыты ли двери на замок, а потом тоже двину на станцию — на девятичасовую. И еще, прихвати кувалду. Я ее у знакомого до завтра взял — на работу утром и принесешь. Заодно здесь в лесу ею от волков отбиваться будешь, ха-ха! Да... истинно смех сквозь слезы, втянул тебя в авантюру. Правильно ты говорил: надо было на электричке ехать.

◆ Взяв кувалду на плечо, пошел по дачной улице вверх к лесу вдоль железной дороги. Напротив водонапорной башни взглянул влево на свой участок — ровный заснеженный квадрат, вошел в лес и, свернув направо, вял курс на станцию. По договоренности со станционным начальством дорога в лесу зимой расчищалась бульдозером со скребком, а свежего снега небо подсыпало всего на несколько

сантиметров, так что идти одно удовольствие. Даже с «кувалдометром» на плече.

Еще не совсем стемнело, через редкую лесополосу пробивался свет путейских фонарей, усиливавшийся прожекторами часто пронесившихся товарняков и московских пассажирских поездов курского направления. Да еще почти полная луна высвечивала лесную дорогу сквозь медленно падающие лохматые снежники.

Настоящая зимняя новогодняя сказка, хотя с ночи троицы «куранты — президент — оливье» прошло уже две с половиной недели. Жаль даже, что ни единого встречного-поперечного за всю дорогу длиной два с гаком километра. Наверное, дико бы смотрелся: в ранневечерней темноте под рассеянным, матовым лунным светом в одиночку идет человек в обычной городской одежде с ярко-красной (не рыжей!) окладистой бородой — были и мы лихачами когда-то — и со здоровенной кувалдой на плече. Это та ситуация, когда встречный робкого десятка на всякий случай свернет в лес переждать...

Но вот дорога раздвоилась. Мне налево — к уже видной, ярко освещенной станции с вокзальчиком и бетонными платформами с перилами-ограждениями. Поскольку морозец к ночи крепнул, с четверть часа, ожидая электричку, просидел на вокзальной лавке. Был понедельник, потому в зале ожидали электрички в оба конца, кроме редких дачников сразу из трех окрестных кооперативов, загостившиеся в выходные у поселковых родичей. Те и другие с некоторым недоумением смотрели на мою кувалду. Причем чувствовалось — смотрели с различных позиций. Дачники на кувалду, рабочий инструмент, глядели одобрительно, но их смущал мой не дачный, а цивилизный фасон одежды.

Празднѣй же, загостившійся народ, наоборот, приветствовал городскую форму одежды, но не понимал: каким образом кувалда стала принадлежностью «национального костюма»?

Кстати, от моего тормозка оставалась полулитровая банка гречневой каши с кусочками курицы, которую мы с начальником есть не стали — бутербродов хватило. Банку эту я нес в пакете, по-деревенски надетом на ручку кувалды, за спиной. Бодрящая прогулка по сказочному лесу в начинающем звенеть морозце вдругорядь растревожила аппетит. Поскольку личную ложку оставил в рабочем столе, то ел с ладони, вытряхивая из банки рассыпчатое вкусное, хотя и холодное, едово.

Дачники все понимали, смотрели одобрительно, а о чем задумались загостившиеся? Наверное, об ужине с парой стопок казенной или очищенной, навроде твоей, Прокофѣич, что ждали их дома...

◆ По станционному радио объявили о прибытии московской электрички. Народ потянулся на перрон; я с кувалдой тож. Тогда электрички из Москвы еще соответствовали советскому образцу 70—80-х годов («длинная, зеленая, пахнет колбасой»), но люди несколько изменились. Конечно, по-прежнему бѣльшая часть их везла продовольствие, но и не менее заметной была группа, затаренная всевозможными коробами с иностранными надписями. Среди них выделялись крепкие, крупнотельные бабы с большими сумками в мелкую калейдоскопическую клетку, явно набитые мягкой торговой рухлядью и коробками с обувью. Их отличал неуместный для середины зимы загар, разговор друг с другом о диковинных тогда загранпаспортах, о Турции... Главное, верхняя одежда на них смотрелась, как седло на корове: вроде импорт, платья чуток даже на вечерние смахивают,

но явно не для электрички и несколько не соответствуют по размеру их мясистым округлостям...

По вечернему времени свободных мест хватало. Сел, поставив кувалду на пол между ног, оперся ладонями и подбородком на конец рукояти, даже чуть прикорнул в вагонном духмяном тепле после морозного перрона.

Захотелось курить. Оставив кувалду, вышел в тамбур, достал трубку, набил табаком, что носил с собой в кожаной табакерке, задымил. Тогда сигареты и папиросы напрочь исчезли из продажи; по талонам совершеннолетним продавали две-три пачки на месяц. Ходили слухи: по гайдаровскому вредительству все табачные фабрики страны одновременно закрыли на капремонт. Курящий народ перешел на самокрутки, козьи ножки и трубки. Отец — наш с Витьком — еще с военных лет курил трубку; одну из своей небольшой коллекции презентовал мне. Вполне приличный листовой табак продавался на рынках. Я его досушивал над кухонной плитой, мелко резал на узкие полоски.

Не успел сделать пару-тройку затяжек, как в тамбур со стороны соседнего вагона вошли милицкий сержант и железнодорожный контролер. Оба, как и многие мелкие чины в те годы, уверенно навеселе.

— О! Смотрите, курит в общественном транспорте, явно хочет гражданин уплатить штраф, да?

Я бы и заплатил, чтобы не связываться, но все немногие рубли, что имелись в кармане, ушли на билет. Объяснил: еду с дачи, денег нет, на даче работал, да еще по морозу два километра шагал, устал, вот и закурил. И так далее. Показал кондуктору билет и вернулся в вагон на свое место. Снова оперся на кувалду. Сержант с кондуктором устремились за мной.

— А-а это что?

— Кувалда,— коротко ответил я сержанту.

— Зачем?

— Я же говорю, что на даче работал,— и для убедительности приподнял кувалду на полметра от пола и вновь опустил.

Милиционер со спутником переглянулись, потоптались, опасливо поглядывая на «кувалдометр», и прошли дальше по вагону.

◆ И в городском троллейбусе народ опасливо расступался около моего сиденья, но уже тянуло в настоящий сон, потому внимания не обращал. Дома, не раздеваясь, позвонил Клейману. Тот ответил, что Валерка уже оповестил, и он принимает *меры* на завтрашнее утро. Через пару часов, разбудив меня, уже спящего, отзвонился и Дмитрий Алексеевич: прибыл домой, о чем, Васильич, и докладываюсь! Вот и вся зимняя сказка со взломанным сараем.

— А я думаю так,— вступил на правах хозяина Прокофьич: — баловство все эти дачи. В доме надобно жить постоянно. От отсутствия хозяина самый что ни на есть распрекрасно выстроенный особняк, двухэтажная дача, новомодный коттедж быстро рушатся. Или разворовываются и поджигаются. Такая вот, как Васильич любит говорить, диалектика.

Дом без постоянного хозяина и без кота в особенности, что конура без собаки: стоит под солнцем или под дождем, тоску наводит, бродячих псов приганивает.

При этих словах хозяина Мичман недовольно поморщился, покрутил круглой своей головой и с колен внучки с обидой посмотрел на Прокофьича: какие, мол, ему собаки, да еще бродячие, шелудивые понадобились? Но Прокофьич успокоил кота кивком головы: не будем мы, брат Мичман, никаких собак

заводить, даже этих... новомодных по десять тысяч долларов за пару ушей. Или за один куцый хвост. Кому как нравится.

— Э-э, нет, батя,— вступился Витек,— сейчас времена другие настали. Я, конечно, не большой сторонник современного нашего капитализма с чиновничье-воровской мордой, но то, что человек может заработать честным способом деньги и иметь квартиру и загородный дом — это хорошо. А то, что не все стопроцентно могут себе такое позволить — есть реальность жизни.

— Не реальность, брат ты мой младший,— усмехнулся Игорь Васильевич,— а действие закона Архимеда о сообщающихся сосудах: сколько прибыло, столько в соседнем сосуде убыло. Как говорят в твоих офисно-торговых, а по-русски — спекулятивных кругах: на всех бананов не хватит. В смысле, если жить банановой торговлей.

— Так-то оно так, Игореха, но не мы над собой власть ставим, а она нас расставляет по местам. Видишь, профессор, от тебя философствовать научился! Я смотрю, теща моя дорогая пошла чай заваривать и торт резать. А Прокофьич раскочегарил свой АГВ под сорокаградусный! Пошли-ка на крыльцо, охолонемся перед чаем. На погоды здешние посмотрим: какой мазью завтра лыжи ваксить.

Накинув на плечи пальто и куртки (Прокофьич — хозяйственную телогрейку), вышли через холодную веранду на широкое крыльцо под навесом. Мичман ничего не накидывал, только распустил шерсть, в особенности хвост, и последовал за компанией.

...В начале вечернего одиннадцатого часа на дворе и во всем пригородном поселке царил зимняя сказка. На белом поле под матовым лунным светом,

усиливаемым фонарными лампами на столбах, во все стороны разбежались дома, домики и домишки с ярко горящими окнами. В полной подлунной тишине каждому, даже дитю своей эпохи внучке, мерещилась музыка высших сфер. И только кот Мичман, звериную естественную природу которого ни капельки не изменили пять тысяч лет — со времен египетских фараонов условного подчинения человеку, прекрасно понимая, что музыку высших сфер создают медленно падающие, кружащиеся пушистые снежинки, что падают ему на нос, не защищенный шерстью.

— Да-а, как хороший флотский роман читаешь,— произнес Прокофьич.

— Лепота,— вспомнил старый фильм Витек.

— Классно,— восторженно произнесла внучка.

— Словом, зимняя сказка... без кувалдометра,— резюмировал профессор Скородумов.

Домашний коллоквиум. Отец-профессор натаскивает сына-доцента в части университетского политеса

В командировку на симпозиум. «Гони, Митрич! На кофе-брейк опаздываем!»

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ: НОВЫЕ МЫТАРИ

◆ Опальный профессор Игорь Васильевич Скородумов, душой отдыхая от зимне-весенних боевых операций против него, массированно организованных добрыми своими кафедральными и факультетскими коллегами, полюбил раз в неделю — в две заглядывать на огонек к пригородному Прокофьючу с супругой Тихоновной и налогоплательщиком котом Мичманом. Во-первых, хотя и седьмая вода на киселе, но какой-никакой родственник им: брат Витька, мужа их дочери Веры. Во-вторых, в пригороде, уже двадцать лет как лишенном всякой промышленности, дышалось легко зимой и летом, а главное — здесь была сведена к нулю вероятность встретить лицом к лицу кого-либо из этих самых коллег. Тем более, не ездили по поселковым дорогам крупные университетские чиновники на «меринах» с самыми блатными номерами. Хотя они-то как раз никакого участия в импичменте Игоря Васильевича не принимали, но на всякий случай при встречах в коридорах административного главного корпуса руку, как прежде, заслуженному профессору не протягивали, ограничиваясь безличным кивком головы. Скородумов их понимал, не обижался, даже — как в том стокгольмском синдроме — сочувствовал. Непросто быть-стать чиновником!

Кстати, о блатных номерах, по поводу которых с завидным постоянством начинает верещать телеящик и даже волнуются думские фракции: то рекомендуют гаишникам отдавать их только коммунальным мусоровозам, то вообще изъять... Возникают и радикальные варианты, например, разрешить тем же гаишным управлениям торговать такими номерами с выпиской квитанций, чеков и прочей финотчетности.

...Когда еще совсем недавно проректора и начальники отделов здоровались с Игорем Васильевичем при встречах за руку, называя его гордостью университета, то если таковая происходила перед парадным входом в главный корпус, через который вступали в храм науки только высшие чины, имевшие ключи-карточки, подъезжавшие на специальную шлагбаумную стоянку в своих авто, то Скородумов фамильярно восхищался номером, составленным из одинаковых цифр и букв.

Хозяин авто от похвалы разливался в неофициальной улыбке, любовно похлопывал свою «ласточку» по тонированному боковому стеклу и отвечал просто и однообразно: «Друг на день рождения номерок подарил!»

Склонный по своим научным упражнениям к анализу, синтезу и обобщениям, Игорь Васильевич четко усвоил: русский народ любит дарить подарки, но каждый по своей епархии. Кто чем богат, желательнее из чужого, из казенного котла. Поэтому гаишник в чине не меньше майора, собираясь на именины-крестины к полезному, даже в далекой потенции, человеку, прихватывает с собой жестянку с блатным номером, который он уже заранее «вбил в комп» на именинника. Потом дойдет дело и до крестника.

...Но более всего наш профессор сошелся с простым, но многомудрым работягой Прокофьичем в части любви к книжной мудрости. Где старику найти такого собеседника в полудеревенском пригороде? Это только у писателей-шестидесятников что ни деревенский мужик, так кладезь этой самой исконно-домотканой мудрости! И Игорю Васильевичу в страшном сне не приснится завести разговор на отвлеченно-историческую или философскую тему с

коллегами — профессиональными «преподами». Эти последнюю книгу в своей жизни прочитали на первом курсе института-университета, а говорить на своем суконно-училкинском языке умеют только о ЕГЭ, стобальной болонской системе оценок, экзаменационных ведомостях и — со злобной завистью — о высоких зарплатах деканатских баб. О доходах более высоких университетских чинов опасно помалкивают.

◆ Так они еще несколько лет назад и нашли друг в друге уважительных собеседников. Особенно когда Прокофьичу досталась большая часть раритетных изданий из ликвидированной поселковой библиотеки. А Игорь Васильевич сам великий охотник до редкостных старопечатных книг, запах которых отдает вековой мудростью.

В обычный будний день, чтобы застать дома только Прокофьича с супругой и котом, а то по выходным наезжает родня — оно приятно повидаться, но гостеприимная и тороватая Тихоновна локализует все общение у большого гостинного стола... так вот, в будний день недели, захватив из дома для показа Прокофьичу какую-нибудь редкую книжицу, а из соседнего голландского магазина «Спар» бутылочку акцизной, садится Игорь Васильевич на рейсовый автобус или на нелюбимый им автолайн и через полчаса уже входит в незапертую калитку знакомого дома, где его по летнему времени уважительным «мяу» встречает Мичман, развалившийся на солнышке обок крыльца.

Тихоновна подает в «кабинет» супруга, совмещающий библиотеку и поделочную мастерскую, закуску к акцизной и литровой заварной чайник. Больше не мешается, а тотчас появившийся «на огонек» Мичман располагается на своем стуле-

полукресле и внимательно вслушивается в суть степного разговора двух книжечеев.

Прокофьяч деликатно не спрашивает профессора о завершении его зимне-весенних злоклучений, но Игорь Васильевич сам докладывает текущую диспозицию.

В Астану профессорствовать в Евразийском университете имени Льва Николаевича Гумилева за двадцать штук «зеленых» он, конечно, не поехал. Даже не резко-континентальный казахский климат и вынужденная временная отдаленность от дома-семьи его смутили. Здесь дело в другом. Вконец осточертело ему преподавательство. Он и раньше читал лекции, стиснув (мысленно) зубы, вообще старался свести их к минимуму, «забывая часы» аспирантами-докторантами, членством во многих диссертационных советах. Теперь и вовсе обрыдло. Потом... сами студенты. Их университет давно уже увлекся вербовкой иностранцев — настоящих и из бывшей советской Средней Азии. Их уровень школьной подготовки и знания русского языка доводили до тихого помешательства и без того слабоуравновешенных училок — профессиональных преподавателей обоего пола. А что его ждет хотя бы и в русскоязычном Северном Казахстане? Тем более что в многократно переименованную* Астану сейчас съехалось все огромное чиновничество страны — сплошь этнические казахи. Соответственно, их дети и заполняют университетские аудитории. Русские же подданные возрожденного

* Со времен кочующих султанатов город назывался Акмоллинском. В 1961 году он стал геройским Целиноградом; в 1992 году стал суверенной Акмолой; в 1994 году туда перенесли столицу из Алма-Аты; через четыре года Акмола стала называться Астаной.— Прим. авт.

суверенного половецкого* государства, как и в советское время, трудятся на рудниках и заводах, теперь работающих на западные демократии... Из тех, конечно, которые по каким-то причинам не смогли в девяностых перебраться в Россию.

Конечно, по опыту общения Игорь Васильевич знал, что студенты-казахи на голову выше — в прямом и переносном смысле — среднеазиатских потомков чингизхановцев и индоарийцев-таджиков. Да и Прокофьевич казахов похваливал: ввиду высокого роста, крепкого телосложения, хорошей грамотности их в советское время, наряду с русскими, украинцами и белорусами охотно брали на срочную во флот. «У нас на крейсере «Киров», — вспоминал он с легкой ностальгией, — при общем парадном построении на палубе весь правый фланг сплошь казахским был. Хорошие ребята!»

Профессор охотно соглашался, но в голове держал, что именно в Алма-Ате в середине восьмидесятых годов, еще до прибалтов, началась первая антисоветская буза... Короче, раздумал он ездить на подработку в Астану и вообще куда-либо. Славны бубны за горами...

◆ Тем более — нет худа без добра даже в наше волчье время — все как-то само собой «устаканилось», говоря инженерным языком молодости Скородумова. Остался он и в университете, лишь

* Некогда, во время учебы в Литературном институте им. А. М. Горького по рукам студенческой братии ходила только что изданная книга Олжаса Сулейменова, тогда главного казахского поэта и члена ЦК республиканского ВЛКСМ, под названием «Аз и Я» (читается как «Азия», но смысл иной: Аз — это русский, Я — казах). В ней автор обосновывает версию происхождения современных казахов от половцев.— Прим. авт.

самую малость потеряв от прежней, тоже нищенской, зарплаты профессора; и любимое детище — журнал «Феномены разума: XXI век» университетская типография продолжала тиражировать. Кабинет его с полутора тысячами книг и журналов, всей полудомашней инфраструктурой также остался за ним. Но главное — никакого преподавательства! «Сбылась мечта идиота», — бормотал он порой с ухмылкой, слыша из коридора вопли среднеазиатских и ближневосточных студентов на гортанных родных языках и не менее громкие понукания вконец осатаневающих под конец учебного года «училок»... обоего пола.

Самое существенное, что Игорю Васильевичу даже не пришлось прибегать к поддержке извне, не пустил он в ход малую, среднюю и большую «артиллерию». Здесь помогли декан их факультета и, особенно, его первый заместитель — все тот же Дмитрий Алексеевич, у которого некогда Скородумов почти год «отсиживался», защищая первую докторскую диссертацию после ухода из НПО «Меткость», с которым участвовал и в зимней дачной эпопее с «кувалдометром».

Как судьба их вновь свела? — Да очень просто. Лет пят назад Дмитрия Алексеевича, как человека очень воспитанного, порядочного и заботящегося о своем коллективе, со всем его старорежимным набором совковых качеств выжили с должности гендиректора созданного его трудами департаментского информационно-аналитического центра. Предчувствуя это, Дмитрий Алексеевич загодя защитил докторскую диссертацию, в части которой Скородумов был у него научным консультантом, и перебрался в кабинет замдекана.

Да и сам декан на том заговорщицком совете факультета, где Игоря Васильевича опустили до-

нельзя, не голосовал против него, но выбрал позицию Понтия Пилата; дескать, как коллектив решит... И даже в приватном разговоре после собрания для острастки покричал на бывшего коллегу: «Да ты надоел всем своими...» Чем «своими» он не сформулировал, смяв концовку. Понятно «чем своими». Когда же Игорь Васильевич все-таки попробовал обрисовать ситуацию сговора против него, то декан брезгливо обрезал: «Да кому т-ты нужен!»

Скородумов никакой обиды на него не держал, понимая: как не быть Понтием Пилатом, умывающим руки, если на нем немалый факультет, много недоброжелателей в городе и в министерстве. Никакого резона менять одного пострадавшего профессора, хотя бы и двойного, на десяток «училок», проголосовавших против, у него, как руководителя, нет. На вопрос же Игоря Васильевича о журнале и каком-никаком «закреплении» в университете до лучших времен, декан заверил, что «Феномены разума» надо и дальше издавать; он, дескать, уже говорил на эту тему с ректором. Насчет же «местечка, порадеть человечку» он перескочил на любимого конька, начал рассуждать на отвлеченные темы: вот, мол, возродим наш *НИИ* в составе университета, там и тебе достойное место найдется; знаю, преподавать ты не любишь, зато наука тебе хорошо дается... И далее в том же наклонении. Мечтательном.

Игорь Васильевич «отстоял» оставшиеся полмесяца своего профессорства, а затем поговорил с конкретным Дмитрием Алексеевичем. Тот сразу взял быка за рога и с помощью декана приискал Скородумову «зацепку»: какое-то ничтожное инженерное место, настолько ничтожное и ни к чему его не обязывающее, что название своей новой должности он не запомнил. Оклад еще более ничтожный, но к не-

му выхлопотали серьезную надбавку, как главному редактору издаваемого университетом журнала, да еще положенную ему надбавку за звание «заслуженного»... словом, почти как прежнее жалованье. Да еще прежний его завкафедрой почасовые время от времени подкидывает, поскольку Игорь Васильевич оставил на собой кафедральных аспирантов и научную работу.— Все на рейтинг, как сейчас говорят, кафедры.

Кстати, переоформляясь с одной должности — преподавательской на другую — служащих и сотрудников, Игорь Васильевич со смешанным чувством изумления, порой негодования, но и сарказма, понял: как он отдалился за годы профессорства от реальной жизни?

Как условного препода-почасовика его тотчас отправили в тулуповский Большой дом, то есть в областное управление *МВД* за справкой об отсутствии судимости. Пояснили: уже год как ото всех «вновь поступающих» в преподаватели всех видов обучения требуется такой документ. Выстояв в подъезде № 2 Большого дома большую очередь из вузовских и школьных преподавателей, соцработников и даже соискательниц мест уборщиц в детсадах, он попал-таки в нужную комнату, где у него забрали заполненную в очереди анкету и велели прийти за справкой через месяц. «Сразу две справки заказывайте,— понимающе посоветовала делопроизводительница,— может пригодиться, например, для совместительства; чтобы еще один месяц не ждать».

Так он и сделал. Кстати, знакомясь с анкетой, он прикинул: примерно такую он не раз заполнял, работая инженером в военпроме, на получение по линии *КГБ* справки для доступа к секретным и совсекретным работам и документам...

Но вот где поиздевались над ним вволю, так это в университетском отделе кадров. Если в профессорской должности он хотя и редко, но общался с кадровиками преподавательского подотдела, где народ вежливый, то теперь им занималась дама из подразделения для сотрудников и служащих. При первом его появлении матерая кадровичка, доселе много лет приятно улыбавшаяся, как всякая молодящаяся (в «пятьдесят лет выглядеть на тридцать пять», — из *ТВ*-рекламы), и здоровавшаяся при встрече, сугубо официально осведомилась о цели прихода и фамилии. Игорь Васильевич усмехнулся: почти два месяца женщины административного главного корпуса обсуждали, почти обломав языки, невероятную новость, в фантазийном неистовстве расписывая профессора Скородумова, этакого ухаля-купца, что только и делает весь рабочий день, как пьет самоварами водку, поет на весь учебный корпус лихие разбойничьи песни, матом шлет куда подальше добрых своих коллег — профессоров и деканатских девушек-женщин, в коридорах публично обнимает и тискает грудастых азиатских старшекурсниц, а устав от публичности, на час-другой запирается в кабинете с одной из своих аспиранток. Даже такую пикантную подробность сообщали друг дружке женщины главного корпуса: этот охальник Скородумов требует, чтобы аспирантки непременно носили кружевное французское белье и склонялись к французской же специфике интимной близости...

◆ Игорь Васильевич пояснил молодящейся Любови Геннадьевне цель прихода.

— Так... — кадровичка сделала вид, что не знает *Ф.И.О.* проштрафившегося *бывшего* профессора и, обиженно поджав губки, продолжила, — заполните анкету *вновь* поступающего на работу в универси-

тет, вот вам направление на медосмотр в нашу поликлинику или по месту жительства, «бегунок» по разным отделам: технике безопасности, пожарной службе... там все написано и...

Здесь Игорь Васильевич не сдержался:

— Какая анкета? Какая поликлиника? Вы же прекрасно знаете, что я только что получил трудовую книжку в соседней комнате. Возьмите у соседей мое личное дело, там все имеется! А профмедосмотр я прошедшей осенью проходил.

— Видите ли,— Любовь Геннадьевна сделала вид, что вспоминает его фамилию, не вспомнила, однако,— раньше вы профессором работали, поэтому как преподаватель и проходили профосмотр. Сейчас же вы оформляетесь на инженерно-техническую должность, а там другие требования к состоянию здоровья. Ведь вам теперь придется заниматься со станками, оборудованием...

— ...Подъемными кранами, торпедными аппаратами,— съехидничал Игорь Васильевич.— Вы, уважаемая Любовь Геннадьевна, прекрасно понимаете: никакими станками и оборудованием я заниматься не буду, а продолжу свои прежние дела — научную работу и редактирование журнала!

— Не знаю, не знаю. Может, вы и чем другим будете заниматься,— со значением произнесла кадровичка, язвительно усмехнувшись,— но без медсправки я вас оформлять не имею права. До свидания!

На следующий день Игорь Васильевич, благо жил рядом с университетским городком, обегал все пожарные и иные службы, получил от скучающих, очень приятных старушек, бывших преподавателей-ассистентов подписи и печати. Под конец отправился в университетскую же поликлинику.

Хорошо зная главврача Нину Тимофеевну, во-

шел в ее кабинет, протянул направление из отдела кадров, объяснил ситуацию. Та дружелюбно посмеялась и хотела уже написать на бланке направление разрешающее, но здесь, что-то вспомнив, справила:

— А вы, Игорь Васильевич, в последние год-два приносили бумаги из психдиспансера и алкодиспансера?

— Да-а, Нина Тимофеевна, вроде как раньше не требовалось. Я ведь не первый год в университете работаю.

— Видите ли, уважаемый Игорь Васильевич, как говорили древние: «Все течет, все изменяется». Особенно в части руководства минобразования. Вот и циркуляр о диспансерах только-только подоспел. А это — приказ, который мы должны неукоснительно исполнять. Увы... Кстати, вам еще повезло: на «выходе», как я краем уха слышала на областной медконференции, указ предоставлять при приеме на работу справки из кожвендиспансера, госимущества, земельного кадастрового бюро и еще откуда-то... не запомнила. Так что Наталья Тихоновна, — Нина Тимофеевна кивнула своей почтенной секретарше, — объяснит, где располагаются эти два диспансера и — ждем вас со справками!

Наталья Тихоновна надписала на случайной бумажке адреса — в разных удаленных частях города, заметив:

— Направлений мы не даем. Они сами по компьютеру проверят и выдадут справки. Каждый диспансер — свою. Да, еще не забудьте для психдиспансера захватить военный билет.

Игорь Васильевич, понятно дело, никуда идти не собирался. Выйдя из поликлиники, позвонил давнему знакомому — терапевту заводской поликлиники и уже через час имел на руках искомое. Даже восхи-

тился, читая справку. Видно, терапевт накануне был на «свадьбе у архиерея». Получалось так, что Игорь Васильевич был годен ко всем видам трудовых свершений: от сварки под водой до монтажного верхолазанья. Даже Любовь Геннадьевна, ознакомившись со справкой, случайно вспомнила имя-отчество бывшего профессора.

◆ Прекрасно понимал он специфику работы в вузе, переплетенную иерархию горизонтальных и вертикальных, как сейчас модно говорить, взаимоотношений, сложившихся за многие десятилетия традиций... Опять же сам контингент тружеников высшего образования, несколько странно смотрящийся со стороны.

Но доселе, до зимне-весеннего натиска на него, Игоря Васильевича все это мало касалось. Он знал свой «должностной шесток», в начальство не стремился, общение с коллегами сводил к минимуму. Иные дела, сугубо научные, довели над ним. С сожалением тратил он немногие, слава богу, часы на ненавистное ему преподавательство.

Соответственно, и окружающий его народ — от матерых профессиональных преподавателей до бесчисленных служащих женщин главного корпуса — мало интересовался странноватым профессором с множеством степеней, званий и наград. «Рядовым профессором», — как любили к месту и не к месту подчеркивать проректора и высшая служилая часть учреждения.

И вот сейчас, когда его «опустили» донельзя по вузовским меркам, Игорь Васильевич (о, натура доброго русского человека!) испытывал болезненную почти что жалость при случайных встречах с прежде доброжелательными коллегами. Сколько он в жизни прочитал романов о бедолагах, впавших в коллектив-

ную немилость, но ведь многожды верно сказано: только проверив на себе, поймешь страдания библейского блудного сына.

Здесь проще всего было с проректорами и другим высшим служебным людом. Во-первых, Игорь Васильевич, как «рядовой профессор» по должности, с ними и ранее почти не общался. Опять же про шесток. Во-вторых, то, что теперь они при встречах во «властных коридорах» главного корпуса в лучшем случае задумчиво-неопределенно кивали в четверть наклона высокооплачиваемой головы, а то и вовсе поворачивались к стене, с интересом рассматривая фотографию бывшего тулуповского губернатора с подписью: «Кандидат технических наук. Почетный доктор наук», кстати, уже второй год находящегося под следствием, Игорь Васильевич воспринимал с пониманием. С опальными нечего амикошонствовать!

...Сразу вспоминался кадр из недавно показанного по *ТВ* фильма-скороспелки о маршале Победы. Как только Георгий Константинович волею Кукурузника поменял мундир на штатский пиджак, так даже его бывшие подчиненные, по гроб жизни обязанные протее, начали обегать его округ как чумного...

Совсем просто и с теми десятью «добрыми коллегами», членами факультетского совета, что проголосовали против двойного профессора. Игорь Васильевич их просто и навсегда вычеркнул из своей жизни и памяти. Так они, стервецы, не слыша от опального профессора дежурного «здрасьте», еще и обиделись на него смертельно! Дело в том, что Скородумов нарушил неписанный «кодекс училки», неважно, вузовской или школьной.

Суть кодекса в том, что хоть насмерть переругайся с кем-то на педсовете или деканском собрании, подсунь друг другу даже не свинью, но уголовно-

преследуемого хряка, однако на другой день при встрече будь добр раскланяться. Да еще и змеиную улыбочку изобрази!

Но вот где ничего не изменилось, так это во взаимоотношениях Игоря Васильевича с «нижними чинами» университета: вахтерами, уборщицами, электриками и сантехниками. Они люди простые, русские, то есть на добро отвечают добром. А профессор Скродумов со всеми был отменно вежлив, полагал нужным перекинуться при встрече парой слов с себе на уме электриком Сергей Сергеевичем, слабопохмельным водопроводчиком-канализатором Михайлой.

...И вообще Игорь Васильевич придерживался мнения: лучше с пастухом два часа проговорить, чем пяток минут с коренным университетским профессором. Первый великолепным народным русским языком (словарь Даля + многоэтажный беззлобный мат) охарактеризует всю суть нынешней жизни, которую городские жители слабо представляют. А вот слушать, даже пять минут, профессионального препода — все одно, что комок ваты жевать.

Но болезненная жалость, чисто русское сострадание к типичному чеховскому персонажу, всякий раз пронизывала Игоря Васильевича при встречах с профессорами и доцентами других факультетов, а особенно со служащими женщинами главного и иных корпусов.

Препода, ранее не упускавшие возможность остановиться, поздороваться, изобразив на лицах радость, с шапочно знакомым им знаменитым в университете «четверным двойным», то есть двойным доктором, профессором, заслуженным и почетным — все «в квадрате», теперь, опасаясь скомпрометировать себя, либо кивали, но чаще, чуть усмехнувшись, отворачивались. Совсем нагло вели себя выдвиженцы, то есть

молодцеватые доценты из тех, что в прежнее время к тридцати годам уже уверенно занимали вторые позиции в вузовских партийных, комсомольских и профсоюзных кормушках. Теперь же они не менее уверенно отирались ошуюю и одесную университетского начальства. При встречах они немигающе, в упор смотрели на штрафника, презрительно, как голливудские актеры в амплу супермена, перекосив нижнюю челюсть. Зимой Игорь Васильевич вычислял выдвиженцев по однотипным, лихо заломленным высоким шапкам-киверам. Вспомните схожий головной прибор «князя» Жоры Милославского из «Иван Васильевич меняет профессию»...

И их, вроде как нахальных, Игорь Васильевич понимал и даже сочувствовал им. Они, хваткие не умом, но чем-то его заменяющим, еще не осознали сложность запетлеванного пути выдвиженца без сколь-либо влиятельной «руки». Сколько им придется вылизать чужих замызганных навозом сапог; не один десяток мелких и средних пакостей сделать; шея постоянно саднит и ноет от бесчисленных полупоклонов, а тут и геморрой — неизменный спутник многочасовых посиделок-обязаловок на конференциях и совещаниях по части выеденного яйца.— И при этом все писано вилами по воде: можно чудом выскочить в помощники проректора или в завыв подотдела какого-то менеджмента адаптации к чему-то, а чаще всего остаться в доцентах до пенсии.

Ох, женщины-девушки на секретарских и служащих должностях, что в бесчисленных управлениях, отделах и подотделах главного корпуса чинно сидят за своими столами — в два-три ряда в помещении!

◆ Ох, женщины-девушки! Сидите вы всю свою, вечно молодую, жизнь по восемь часов с законным обеденным перерывом от 12.00 до 13.00 на жестких

стульях, с годами деформирующими прелестнейшую округлость тела, сверяете и переписываете скучнейшие сводки, ведомости, циркулярные письма. А мысли ваши где витают? А где надо, не охальничайте, Игорь Васильевич! Это они раньше так смешливо укоряли много чего знающего профессора. А он, подписывая у эффектной (крашеной) блондинки Аллы некую второстепенную бумагу, рассказывал, со ссылкой на Зигмунда Фрейда, что хронически сидячая работа постоянно вызывает прилив крови в тазовую область у женщин бальзаковского возраста, что, в свою очередь, постоянно держит их в состоянии сексуального возбуждения.

— ...Вот, Аллочка, вечером, наверное, охотно смотришь сериалы из современной жизни, где в каждой серии не менее трех-четырех адюльтеров, причем все женщины из «офисных креветок», как сейчас говорят, то есть весь день сидящих перед «компом»?!

— Да, Игорь Васильевич, смотрю: такая красивая жизнь! И любовь, конечно, если только стрелять реэнивы под завязку серии не начинают.

— Вот-вот, офисная любовь по поводу и без него и сопутствующие трупы — все следствие фрейдовского либидо, усиленного приливом крови в тазовой области!

— Фи, Игорь Васильевич, все у вас как-то обыденно, прилив крови... А высокое чувство?

— Для высокого чувства нужен мужик с высоким банковским счетом. В долларах, конечно, — опошляет игривую болтовню профессора и регистраторши пожилая сотрудница с соседнего стола, воспитывающая двух внучек-безотцовщин...

Все было так безобязательно — мило, легковесно и даже давало профессору некий заряд бодрости от пикировки с молодыми и грудастыми инспектор-

шами, секретаршами, учетчицами и носящими неопределенное название должности «специалист».

И все так скверно закончилось. Поскольку у него теперь, как технического сотрудника вспомогательного подразделения университета, никаких дел в главном корпусе не имелось, то со служащими бабышнями он встречался только на улице, в основном, в пределах студгородка.

Издали завидев ту же Аллочку, секретаршу какого-нибудь проректора, «специалиста» из учебно-методического управления, любую другую женщину-девушку, Игорь Васильевич внутренне морщился, если не было возможности разминуться, ибо знал, что своим видом он вызывает у случайной визави серьезное душевное смятение. И вот неумолимо приближающаяся к нему навстречу та же Аллочка либо неестественно строго и официально произносит «здравствуйте, Игорь Васильевич» — с логическим ударением на первом слове; либо же, полуютвернув испуганно-встревоженное лицо, едва заметно кивает, причем так, что непонятно: ему ли она кивает, а может проезжающей мимо мусороуборочной машине...

Слабознающие опального процессора женщины и вовсе проходят мимо него, как пустого места.

...Бедные вы, бедные, рабыни нелегкой служебной жизни в университетском змеином гнезде.

◆ На исходе первого летнего месяца Игорь Васильевич появился у Прокофьича озадаченно-веселый. Поздоровался с хозяином, передал Тихоновне «к обеду» бутылочку редкой сейчас «зубровки», причем белорусского производства, дурашливо потрепал за пушистый хвост налогоплательщика кота Мичмана.

— Однако, Прокофьич, еще раз аукнулось мне изгнание с профессорской должности!

— Что такое? Опять доносы пошли? Ишь, народ какой ваш, пока не добьет до конца, не успокоится...

— Да нет, доносы, конечно, время от времени пишут. От этого никуда не денешься. Так исстари заведено в вузах. Настоящий препод-профи считает день из жизни потерянным, если не полается с коллегой или не «капнет» на кого: изустно либо письменно. А на меня теперь и сам бог велел: то завкафедрой покажется слишком раскрасневшимся (накануне, в воскресенье, загорал на городском пляже в парке) мое лицо, то деканатская бабенка заподозрит некоторую матросскую развалистость в походке — это когда погода меняется и коленка левая ломит... Да мало ли что кому покажется. По привычке доносят декану, хотя я сейчас вроде как никому и не подчиняюсь. Пущай их душу отведут!

— Так что акнулось-то, Васильич?

Скородумов вкратце напомнил Прокофьичу завершение той первой зимней провокации: когда случился с ним в рабочем кабинете гипертонический криз из-за тревожений с лжесожжением любовно построенной дачи, вызвал он сразу «скорую» и «ментовскую» — чтобы сделать официальное заявление о телефонном терроризме.

Как и положено, менты, теперь уже в гордом полицейском именовании, прибыли всей опергруппой первыми. Со скукой прочитав загодя написанное Игорем Васильевичем заявление, лейтенант с водянистыми глазами и злоугольными усиками, вернул бумагу хозяину кабинета, почему-то порекомендовав отдать ее жене... Оба подчиненных сержанта паскудно заготовили, видно вспомнив что-то веселое.

— Давайте-ка, гражданин профессор, проедемся с нами: лицо у вас слишком красное, двигаетесь не-

уверенно, в словах частите, так что все понятно: состояние среднего алкогольного опьянения с нахождением в общественном месте.

Сколько ни объяснял полицаям Игорь Васильевич, что у него гипертонический криз, а потом, хотя он и профессор, даже двойной, но все же не совсем идиот, чтобы, будучи выпившим, сам себе вызывать опергруппу, те, оправляя портупей, торопили Скородумова на выход:

— Вот сейчас проедем в наркодиспансер, освидетельствуем; врачи и скажут: криз у вас или, так сказать, кризис неумеренного употребления... Одевайтесь, а то мы и в одном пиджаке доставим!

Зазвали из коридора двух лаборанток, приказав им подписаться свидетелями в акте фиксации нарушения. Но здесь в кабинет уверенно вошли врач и медсестра прибывшей «скорой». Деловито померив давление и сняв кардиограмму, они так же молча деловито отбили профессора у ментов и отвезли в больницу скорой помощи.

— Я уже, Прокофьич, как-то забывать стал все эти перипетии. Про ментов и вовсе не думал, коль скоро не удалось им меня «освидетельствовать», так и взятки гладки. Тем более, есть эпикриз из больницы, где много написано про криз, но ни слова про «промилле».

◆ — Ну, забыл и правильно сделал. Так человек устроен, а тебе, как большому ученому, и вовсе это хорошо известно, что долго он помнит о хорошем, но напрочь хоронит память о плохом. Если, конечно, он не злопамятный. Кстати, Васильич, похвастаюсь я. Надьсь послала меня Тихоновна на наш поселковый базарчик: того-сего по хозяйству прикупить. Самой некогда было — тесто для пирогов на именины старшей внучки творила.

А в заднем, блошином ряду заметил незнакомую старушенцию с ворохом потрепанных книг. Просмотрел. Всякая чушь детгизовская, старые школьные учебники, а среди них — смотри, что нашел и за полтину бумажную купил!

И Прокофьич, светясь довольством и только что введенной в организм стопкой разгонной «перцовки», снял с полки для наиболее редкостных морских книг малого формата томик в обтрепанном матерчатом переплете. Игорь Васильевич развернул ее на титульном листе и несколько разочаровался: то было обычное, стереотипное, двадцать какое-то по счету издание «Нового Завета» конца 1890-х годов в переводе с церковнославянского на русский. У него у самого дома такой же имелся.

— Нет-нет,— правильно понял его сомнения Прокофьич,— ты штампик почти затертый в левом нижнем углу смотри!

Напряг профессор зрение и кой-как разобрал текст библиотечного штампа по старой орфографии. Следовало, что книга та относится к имуществу кают-компании линкора флота Его Императорского Величества «Императрица Мария».

— Ух ты! — Игорь Васильевич восхитился.— «Императрица Мария» — не канонерка «Кореец». И какими судьбами это Евангелие занесло на тулуповский пригородный базар?

— Бывает, Васильич, бывает и не такое. Спрашивал, да та немой оказалась. Или придурялась на всякий случай. Кинул ей пятидесятку, забрал книжку и пошел малосольную селедку искать. Тихоновна особо мне про нее талдычила. А вот интересно, Васильич, все апостолы Христа по молодости грешниками были, но потом опамятовались и пришли к нему учиться. Тот же Павел, фарисей известный,

Христа ругмя ругал; Матфей-евангелист мытарем служил...

— Извиняюсь, Прокофьич, перебыю. Павел живого Христа и не видел, а учение его воспринял и по Свету распространял уже после распятия и вознесения Иисуса. Что же касается Матфея, то сейчас и у нас в России его коллеги по первой, так сказать, профессии распространились чрезвычайно. Грядеши племя новых мытарей, будь не к ночи они помянуты. Я, кстати говоря, новых мытарей и имел в виду, говоря с порога, что аукнулось мое изгнание из профессоров. Давай-ка по второй под закусточку Тихоновны махнем для разговора.

◆ Закончились-таки для Игоря Васильевича зимне-весенние правежи над ним со стороны объединившихся добрых коллег при занявших позицию Понтия Пилата администраторах. Обломав языки, несколько поуспокоились университетские девушки-женщины. А давний друг Дмитрий Алексеевич помог ему закрепиться в вузе. И профессор — двойной, но без таковой должности — Скородумов, несчастливо-счастливо освобожденный от доуки чтения лекций потомкам Чингиз-хана и горских князей, снова вошел в обычный ритм трудовой жизни. Опекаемый им журнал, очередная книга многотомной монографии... все «устаканилось». Впрочем, подобные термины декан рекомендовал ему не употреблять. Впредь до новой левизны-правизны в «линии партии и правительства».

Да еще декан несколько смягчил правеж: «Полгодика подожди, Васильич, все ус... то есть успокоится, сходим на прием к ректору и, так сказать, восстановим статус-кво!»

Совсем успокоился опальный профессор, но тут-то и аукнулись события полугодовой давности. Сем-

надцатого числа, как у него было принято, зашел он с утра с ближнюю к его университетскому корпусу сберкассе, на счет свой в которой он перечислял зарплату и недавно оформленную пенсию. Зашел снять обычную сумму на месячные домашне-хозяйственные расходы.

Но приятной молодости и наружности девушка-операторша в окошке № 3 сберкассы огорошила знакомого клиента:

— Игорь Васильевич! Я, конечно, выдам вам нужную сумму, но... на ваш счет наложен арест. И из пенсионного фонда в этом месяце перечисления не было; также, наверное, наложен арест.

Поскольку Скородумов ошарашенно молчал, то девушка, улыбнувшись, успокоила его:

— Да вы особо не беспокойтесь. Это сейчас у нас случается; наверное, какой-нибудь штраф забыли уплатить, а может, что по коммунальным платежам напуталось? Я вот вам запишу адрес приставской службы по нашему району, сходите, разберитесь.

Пока ждал автобус, затем ехал до нужной остановки и искал, расспрашивая всезнающих местных старушек, приставский «полуподвал с входом с торца дома», ему и в голову никакой штраф не приходил: дороги он переходил только на «зеленый», автомобиля отродясь не имел и так далее. На личного его кота, в отличие от Мичмана Прокофьяча, никаких налоговых квитанций не присылали.

Потолкавшись в пустынном по жаркому летнему времени приставскому полуподвалу, Игорь Васильевич нашел ту комнату из десятка, где его выслушали, нашли фамилию в компьютере:

— За вами числится неуплаченный с декабря прошлого года административный штраф, выписанный нашим райотделом полиции, тогда еще милиции,

за ложный вызов сотрудников полиции с малоубедительными доводами и пр.

«Все-таки достали менты-полицаи», — беззвучно пробормотал экс-профессор, а толстоватая приставша в старлейском звании dokonчила:

— Сумма штрафа — сто рублей; еще пятьсот — за приставское исполнение взыскания...

— Послушайте, уважаемая, но ведь мне никакого извещения о штрафе не приходило?

— А их сейчас никто и не рассылает. Согласно положению, вы сами должны в пятидневный срок от момента наложения штрафа уплатить его через любой банк или почту, предварительно зайдя в отделение... послушайте (старлейша взглянула на экран монитора), Игорь Васильевич, дело прошлое и... копеечное, а у вас аресты на счет и на выплату пенсии, проще ведь заплатить?

Игорь Васильевич охотно согласился и еще с полчаса томился в коридоре, пока разомлевшая от жары приставша, бормоча про «зависшие» компьютеры, ходила по комнатам. В итоге она вынесла клиенту нужную бумагу:

— Вот по этой заплатите в любом банке шестьсот рублей. Квитанцию с отметкой нам принесете, тогда остальное объясню.

◆ Через полтора часа Скородумов, запотев от езды туда-обратно в автобусах, снова отыскал в подвале давешнюю приставшу, вручил ей квитанцию об оплате.

На это раз старлейша управилась минут за двадцать:

— В сбербанк и в пенсионный фонд сообщение о снятии ареста ушло, но кто их знает: дойдут ли? Компьютеры у нас старые... случается, что и не доходят. Потому возьмите две наши справки и, на вся-

кий случай сами занесите в вашу сберкассу и обслуживающее вас отделение пенсионного фонда. Так-то надежнее!

На следующий день по утреннему свежаку Игорь Васильевич разнес-развез справки, где с них сняли копии, а оригиналы вернули, наказав на всякий случай хранить у себя до конца календарного года.

— Вот так-то, Прокофьич, общаться с новыми мытарями!

— Нам не привыкать, Васильич. Сплюнь да забудь. Пошли на кухню. Тихоновна, судя по времени, уже обед сготовила. Сегодня у нас — бараний день: и харчо, и тушеное мясо с овощью. Намедни на нашем рынке баранину дешево продавали прямо с грузовика. Должно быть, краденую.

Налогоплательщик кот Мичман проводил внимательным взглядом хозяина и гостя, сладко потянулся, опустил усатую морду на вытянутые лапы и задремал. Что ему снилось? — Может и мытарства по уплате десятирублевого штрафа за выловленную сверхлицензионную мышь. А через растворенную в гостиную дверь из красного угла с иконы всех святых, что расположилась под образом Спасителя, на задремавшего Мичмана строго смотрел апостол Матфей. По первой профессии — древнеиудейский мытарь.

В районной администрации. «Берите, Семен Аркадьевич, отменная борзая вырастет!»

Предвыборная кампания. Кандидат от партии «Олигархия — мать порядка» примеряет рабочую амуницию

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ: ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИДЕИ

◆ Профессор Скородумов, раскачиваясь на заднем сидении полупустого по дневному времени автолайна, прокручивал в мудреной своей голове тему сегодняшней беседы с Прокофьичем. Понятно, под добротной заварки чаек и — на этот раз, который, как известно, на другой раз не приходится — бутылочку редкостной сейчас «старки» от серьезной ликерно-водочной фабрики... их мало осталось, вытеснили подмосковные кустари, разливающие северокавказский технический спирт.

Нет, конечно, это не тема серьезной беседы. И без того, начиная с горбачевщины, все давно в СССР, а теперь в России, говорено-переговорено. Супротив лома нет приема, тем более власти. Кстати, в походной сумке профессора «старка» — не сирота, но соседствовала с презентами для хозяйки дома и налогоплательщика кота Мичмана. Так, пустяки, но Тихоновне будет приятно получить переданный супругой Игоря Васильевича литровый заварной чайник Дулевской фарфоровой фабрики, почти захиревший под натиском вала китайского ширпотреба.

Нет, не то чтобы в хозяйстве рачительной Тихоновны, да еще при муже-чаевнике, не имелось «рабочего» и пары запасных заварных чайников. — Пусть устыдится тот, кто так подумает! Просто пару месяцев тому назад Игорь Васильевич и хозяин дома как-то в унисон обратили внимание: современные, начиная еще с брежневских времен, чайники, как заварные, так и кипяточные, фабрикуются с презрением всего многовекового опыта этого дела. А именно: в них отсутству-

ет на крышках крохотная дырочка-выемка. Казалось бы, нет ее и нет, вроде как на температуру кипения воды и качество завариваемого чая не влияет?

Ан нет, такая дырочка равнозначна клапану паровоза, что выпускает излишний пар. Помните из своего детства или из старых фильмов тот паровоз имени братьев Черепановых & Стефенсона? — Мчится по чугунке, пущая равномерно клубы белесого пара, а из бокового окошка, изогнувшись в трех плоскостях (3D — как сейчас американизируют русский язык), со зверским выражением пролетарского лица, приставив ко лбу козырьком ладонь, всматривается в набегающий путь машинист: не видать ли на ближнем горизонте махновцев?

А если бы регулятора на паровозе не имелось, то... не было бы и паровоза. Чайники же остались, но вот незадача? — Кипятильный чайник при недогляде хозяйки угрожающе заливает газовую конфорку. Заварной же, накрытый для доведения до кирпичной крепости ватинной барыней-куклой, при набухании и разварке чаинок исподтишка заливает из носика конфузливой барыне ее подол, а заодно и белоснежную крахмальную скатерть стола...

И дома у Скородумова все такой же дефектный чайник-новодел. Игорь Васильевич так допек своими жалобами истинного любителя китайского напитка супругу, что та, прохаживаясь по городским рынкам по хозделам, стала интересоваться привозной иногородней торговлей разного рода посудой и как-то напала на дулевский фарфор. Обнаружив же литровые заварные чайники со старорежимными дырочками на крышке, купила три прибора мелким оптом. Один из них и вез сейчас заслуженный профессор. Еще в переметной суме в целлофановом пакетике теплился от утренней варки почти фунтовый кусок трески —

для исправного хвостатого налогоплательщика. Опять же супруга позаботилась.

...Все о жратве да о питье, нет бы о духовном, возвышенном? Ох, грехи наши не очень тяжкие.

Игорь Васильевич даже вздремнул вполглаза пять-шесть минут езды.

◆ Так без кукиша в кармане, то есть без темы-заготовки, и вошел Игорь Васильевич в хорошо ведомый ему пригородный дом, традиционно приветствуемый на крыльце дружелюбным «мяу» полосатого Мичмана. Налогоплательщика тож.

Пока Тихоновна споласкивала правильный чайник и заваривала ранее привезенный дочерью настоящий индийский британской расфасовки, что во всяких «спарах-копейках» не продается, а Мичман, сытый с утра, из вежливости с притворным рычанием кушал вареную треску, Игорь Васильевич с Прокофьичем в библиотечной комнате обсуждали последние книжные приобретения. В основном дружно хаяли современную полиграфию, но более всего — полное отсутствие грамотной издательской редакции и корректуры. Однако подспудно оба нащупывали тему сегодняшней беседы. И, как чертик в балаганной уличной комедии, вдруг она вспрыгнула. Даже Мичман, вошедший в тот миг в свою комнату, здесь был ни при чем, хотя коты и черти как-то ладят между собой.

— О-хо-хо,— в предвкушении чаепития задумчиво молвил Прокофьич,— нет, так сказать, краев как в улучшении чего-либо, так и в пакостном ухудшении. Все от времени на дворе зависит. Так и с книгами: от их писательства до издания.

Не подумавши, токмо для поддержания едва начавшегося разговора, Игорь Васильевич почему-то ляпнул ни в склад, ни в лад:

— Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд!

— Эк, Васильич, как ты ловко, по-профессорски гладко да умно сказал-то...

— Да это не мои слова, а Гегелю Георгу-Вильгельму Фридриху вроде их приписывают. А к чему я их вспомнил?

Здесь мысли нашего профессора потекли в русле воспоминания. Тем более что Тихоновна начала сервировать чайный столик, а обожравшийся Мичман начал любимое всеми домочадцами представление: ловлю невидимого людьми чертика, уцепившегося за кончик его лисьего хвоста. Понятно, ловил в формате 3D... Как и вся наша американомыслящая страна бывшего победившего социализма.

А вспомнилось малоприятное из студенческой жизни, а именно зимняя сессия четвертого курса. Самым страшным и ужасным экзаменом считался научный коммунизм. Во-первых, непонятен был сам статус этой уважаемой дисциплины — некая мешанина из ранее изученных конкретных наук: история КПСС, философия и политэкономика. Во-вторых и в главных, экзамен принимал — повезло же их курсу! — доцент Щепкин Владимир Галактионович, которому умные тогдашние студенты еще с незапамятных времен приклеили кликуху: Щепкин-Куперник.

Внешне, голосом и манерой поведения Владимир Галактионович явно копировал главного идеолога нашей партии товарища Суслова. Вполне возможно, что втуне он искренне полагал и себя главным идеологом Тулуповского политеха. Высшим баллом для своих подопечных он считал четверку. Однако, как всякий нестигаемый ленинец, будучи очень крепко избитым в темное зимнее время в глухом переулке благодарными воспитанниками, очевидно по его ре-

комендации отчисленным из института, Щепкин-Куперник и четверки с двумя минусами стал выстав-лять только самым круглым отличникам...

Жаловаться в те времена на преподавателей не было принято, доносы нигде не принимались. Тем более что Владимир Галактионович являлся, как и Суслов в Политбюро, бессменным зампарторга ин-ститута по идеологии.

...И угораздило же студента Скородумова, хоро-шиста и почти отличника, знавшего слабость Щеп-кина-Куперника к цитированию классиков диалекти-ческого и исторического материализма, ляпнуть про гегелевскую идею! *Alter ego** идеолога нашей партии insultно скособочил челюсть, а аскетично-бледное лицо его вмиг побагровело:

— Ка-а-к! Да как вы смеете? Какой абсурд! По вашему выходит, что великая идея коммунизма, до-водимая сейчас до совершенства нашей ленинской партией и лично товарищем Леонидом Ильичем Брежневым, в итоге упрется в абсурд?!

Владимир Галактионович, не слушая робкие воз-ражения студента-хорошиста про Гегеля, как предте-чу диалектики Маркса — Энгельса — Ленина и лично товарища... швырнул ему зачетку и молча, ле-нинским жестом руки «правильной дорогой идете, товарищи» указал на дверь.

В коридоре опытные двоечники поздравили сво-его старосту с наконец-таки состоявшимся боевым крещением, а факультетский фарцовщик Левка Теп-ляев, племянник областного милицейского генерала, философски заметил и одобрил:

— Теперь, Игореха, в два-три захода будешь пе-ресдавать. Хорошо, как староста, стипуху сохранишь.

* Второе Я (лат.).

Однако обошлось одной пересдачей в сессию. В пивной «Ромашка» двоечники скородумовской группы разработали диспозицию, учитывающую еще одну слабость Щепкина-Куперника: как всякий партийный идеолог и аскет в жизни, Владимир Галактинович трусливо обожал женский пол, особенно смазливых студенток. Этаким мысленный онанист, ибо все физиологическое могло повредить партийному реноме.

На сессионную пересдачу за первый стол перед преподавателем с нарочито и загодя выбитой «занавеской» посадили самую красивую двоечницу, полупольку Катюку Дзендзуру. Ей ранее скинулись по двугривенному на моднейшую в сезоне парикмахерскую прическу «гаврош» с челкой-каре, а фарцовщик Левка через мать-завбазой достал диковинные, никем еще в городе не виданные французские люрексковые колготки. Юбку до грани приличия укоротила сама Катюка. И села на стул, пододвинутый к краю стола, как на облучок, закинув ножку за ножку на полное обозрение Щепкина-Куперника, у которого от внепартийного вожделения нос приобрел ядреный сизый оттенок. Словом, даже Левка получил свой тройбан.

...По теперешним рассуждениям Игоря Васильевича и жизненному опыту получалось, что совершенствование идеи превращается в абсурд, если таковое совершенствование доверено фарисеям и книжникам — неважно, от евангелия или от Гегеля Георга-Вильгельма Фридриха. А в девяностые годы имя Щепкина-Куперника попало ему на глаза в тулуповской желтой газетке в заметке о процветании в их городе педерастии и педофилии, как символов нового светлого будущего.

◆ После первой рюмки и стакана чая вдогонку Прокофьич похвалил «старку» и достоинства чайни-

ка с дырочкой на крышке. Отдал должное собеседнику и содержательности его рассказа-воспоминания:

— Да-а, не дали нам робяты-дерьмократы досмотреться до совершенства *нашего* советского комунхоза. Теперь другое совершенство, вот, за Мичмана платим...

Кот же, закончив ловить чертенка, услышав свое имя, несколько ошарашено уставился на стол, даже для верности обзора вспрыгнув на табуретку. Издеваются, мол, мужики на угнетенного налогами кот-пролетария: звать звали, но на столешнице ничего съедобного, а водку, чай-сахар, селедку и соленые огурцы он не трескал. Совсем обидевшись, свернулся калачиком и притворился спящим. Вернее, отдыхающим перед глубоким послеполуденным сном — перед ночным бдением-бодрствованием. Так у серьезных полосатых котов заведено еще с тех доисторических времен, когда шимпанзе и орангутанги в своих самых кошмарных снах не могли представить, что от них пойдет ужасный человеческий род. Особенно в галстуках и при чиновничьих должностях.

Игорь Васильевич, как назубок знавший теорию эволюции, и Прокофьич, не менее хорошо изучивший нрав своего кота, все поняли, переглянулись и рассмеялись.

— Вот скажи, Васильич, когда на белом свете чиновники появились?

— Ну-у, в классическом, нынешнем понимании в древних Китае и Египте, а особенно в Риме. Тоже древнем. То есть если, повторюсь, это «чиновник в вицмундире», сидящий в персональном кабинете. Вот как ваш поселковый голова Пилипченко — из западных хохлов, что Сталин после войны переселил к нам на пустующие шахты — местных-то мужиков всех на фронте поубивали... Или тулуповская, почи-

тай, полноформатная дивизия чинодралов всех мастей и рангов. Целый полк их сидит в облдминистрации на площади Ленина.

— Хм-м, Васильич, я газетки-то почитываю, новости по «ящику» смотрю. Получается, что все чиновники в этих... галстуках вроде как одним делом, праведным и не очень, заняты по всех краях света, но от страны к стране отличаются поведением, степенью воровства и так далее. Как маракуешь? Ведь и морды у них по размеру отличаются.

— А это, как говорят шибко умные люди, действие вектора исторической преемственности. Вот в Европе — прямые потомки древнеримских чиновников: краткословные, почти не воруют, из себя подтянутые, с узкими физиономиями. В Америке, то есть в Штатах, полное разноцветье, ибо там сборная солянка со всего мира. И так далее: Китай, Япония, мусульманский мир. А вот наши-то прямо по византийско-греческой линии идут. Как говорится, вместе с шапкой Мономаха и Сонечкой Палеолог Третий Рим получил от отуреченного Константинополя и готовый типаж русского, потом советского, а сейчас и российского чиновника. Правда, советский маскировался под обычного труженика, но вот между русским и российским различие только в самоназвании: русский — это понятно без перевода, а ломоносовское — из его од императрицам — россиянство Ельцин, большой почитатель высокого штиля, вернул в обиход. Давай, Прокофьич, по второй и перекурим.

◆ — Вот, Прокофьич, Лев Толстой писал, что важно помнить: от нас требуется не совершенство, но приближение во всем к нему. В этом смысле. То есть бесконечное приближение идеи к совершенству, к идеалу значит, есть процесс бесконечный. По-математически говоря — асимптота.

— Получается, что совершенство всяких там идей невозможно? А как же с нашими чинодралами быть? И куда им все дальше совершенствоваться...

— Знаешь, Прокофьич, мне порой кажется, особенно когда поневоле приходится общаться с университетскими администраторами, начиная с секретарш и самых ничтожных канцелярских бабенок, что в случае с чиновниками закон Гэ-Вэ-Эф Гегеля о превращении совершенства в абсурд на наших глазах исполнился тютелька в тютельку. Безо всякой асимптоты, так сказать. А впрочем, стадии абсурда достигли и препода, и студиозусы... Только вахтеры и уборщицы в корпусах еще держатся за что-то человеческое. То есть манекены в душевных вицмундирах вокрут, людишки-ничевоки.

— Да-а, не сладко тебе, Васильич, приходится жить-поживать, деньги на жизнь зарабатывать да еще умудряться науку двигать. Смотри, жить в напряжении постоянном вредно, болячки нутряные, нервно-сердечные могут незаметно подкрасться. Не пугаю, конечно, но остерегайся, дорогой мой профессор.

— Ха-ха, Прокофьич, меня голыми руками не возьмешь, не на того напали! Я для себя что-то навроде психологического антидота против окружающей вицмундирской заразы разработал.

— Это как?

— Да вот так, Прокофьич, душевное противоядие. Построил свой трудовень так, чтобы, во-первых, в главный корпус вообще не ходить — только на первый этаж в почтовую экспедицию, когда раз в квартал обязательную рассылку своего журнала делаю. А почтарка Татьяна Никифоровна — почтенная и приятная женщина. Не зараженная абсурдом.

Во-вторых, свел к абсолютному минимуму общение в своем корпусе, точнее, здороваюсь и перекидываюсь парой фраз о погоде только с вахтершами, опять же с уборщицами. Еще с лаборантками, что мне тексты для журнала и статей набирают, да двумя нынешними моими же соискательницами-докторантами. Впрочем, милovidными девушками-женщинами, также несколько сторонящимися своих коллег: может, глядя на меня, подыгрывая мне, а может по характеру такие попались — значит, повезло!

То есть захожу в свой кабинет и захлопываю дверь. Двойная польза, хотя раньше держал ее полуоткрытой: все думают, что меня в комнате нет и гортанные вопли кавказских, среднеазиатских и ближневосточных студентов не раздражают. У нас ведь в универе сейчас аулы-кишлаки. Учатся они вполуха, зато все платные по международным расценкам!

— Знаешь, Васильич, ты тоже можешь довести до совершенства по Гегелю свою изоляцию: завести посудину для малой нужды, чтобы и в сортир общий не выходить, а? Шучу, шучу безобидно.

— А это вовсе не шуткой можно представить. Я вот в детские годы раз двадцать, не меньше, перечитал тогдашнюю любимую мою детективную книжку «Приключения Нила Кручинина». Автора вроде Николая Шпанова. Так в той книжке такой любопытный сюжетик. Матерый вор-медвежатник, то есть взломщик сейфов, постоянно разыскиваемый милицией, выбрал для ночевки, отдыха от напряженной дневной работы по специальности... домик сберкассы. В те далекие годы никакой сигнализации и прочего и в помине не было, так что он дожидался закрытия сберкассы, открывал входную дверь своим ключом и в тепле и холе отдыхал до утра. В служебном домике имелась кухонька, кипятил и завари-

вал чай, ужинал принесенной с собою снедью, даже на сон грядущий на диванчике в служебной комнате читал свежие газеты. Одно его только поначалу смущало: удобства сберкассы во дворе, а выходить лишний раз — светиться понапрасну. Голь на выдумки хитра, так он купил в аптеке пузырь для льда, что накладывают на лоб горячечных больных, в него и опорожнялся ночью, а утром, покидая свою гостиницу, выносил в своем портфеле и выливал содержимое по пути на работу по специальности, в укромном месте. Да еще усмехался порой: дескать, эта пригородная сберкасса самая охраняемая в стране!

— Ну-ну, Васильич, ты совсем-то уж не увлекайся. Должно быть интересная книжка, не сохранилась?

— Увы, Прокофьич, давно куда-то запропастилась. Наверняка, в Интернете имеется, попроси внуков поискать...

— А как я читать буду? У меня дома нет и не будет этой всякой компьютерной дряни.

— Принесу тебе на электронной книжке, прочитаешь. Там ничего сложного нет, внуки покажут, как страницы переворачивать.

— Нет уж, обойдусь. Слышь? Тихоновна посудой загремела. Еще по стопарику и пошли обедать, чем бог послал.

◆ После обеда, свято чтя обычаи русской старины, Прокофьич с Игорем Васильевичем с часок вздремнули в библиотечной комнате. Гость расположился на кожаном диване, а Прокофьич на топчане, передвинув недовольно мявкнувшего Мичмана в ноги. После отдыха хозяин неуверенно предложил («старку» за обедом завершили) пополдничать стопкой-другой домашней, настоящей на кориандре, но профессор отказался, поскольку собирался дома весь

вечер и начало ночи посвятить вычитке верстки свежего номера своего журнала:

— Я, понимаешь, Прокофьич, не поэт, как Сергея Есенин и Высоцкий, не беллетрист, как старина Хэм, поэтому совмещать высокий градус и потный вал вдохновенья не могу. Как говорит наш уважаемый президент, мухи отдельно и котлеты отдельно. Только с ясной головой научные истины постигаю и излагаю по мере своего разумения. Кстати, чего это ваш заборчик справа слегка помят?

— Да сегодня ночью проезжий, не наш, не поселковый «камаз» вроде как охвостьем кузова задел. Я на грохот выскочил — только задние огни и увидел. Должно шоферюга, как ты выражаешься, под высоким градусом находился. Как раз, хм-м, сегодня собирался починить. Две доски взамен проломленных уже с утра обрезал и отфуганил...

— Выходит, Прокофьич, я как тот незваный гость, помешал? Исправлюсь. Пойдем, вдвоем сподручнее будет.

Часам к шести пошабшили несложный ремонт. Игорь Васильевич распрощался с гостеприимными хозяевами, включая Мичмана, которому пожал мужественную полосатую лапу, и отбыл на автолайне в город. На душе — полный покой, а тело приятно расслаблено от умеренно дозы «старки», сытного обеда и вольной работы на воздухе. Последнее тотчас вызвало ассоциацию со вчерашними теленовостями: показывают заседание министерского совета. Министры-капиталисты трусливо, как нашкодившие школьники второй ступени, сидят обочь заседательского длинного стола, чего-то высматривают в своих ноутбуках, опустив головы и стараясь не глядеть на президента. А тот, делая выволочку за очередной срыв гособоронзаказа, высказывается в том смысле,

что за такие штучки-дрючки в не столь уж и далекие времена всех бы их отправил лет этак на «дцать» заниматься общественно-полезными работами на свежем воздухе...

Сообразив, что гроза миновала, министры подняли головы, готовясь каяться, оправдываться и ссылаться друг на друга, но на этом интересном моменте телеоператора выставили из заседательного зала.

«Да,— добро подумал Игорь Васильевич, хорошо было сказано про работы на свежем воздухе. Действительно, простые физические работы совершенствуют человека и отдаляют от вырождения любой формы этого совершенства в абсурд».

◆ Игорь Васильевич в недолгой поездке в автолайне еще одну ассоциацию в голове прокрутил, но так и не понял ее суть: какова здесь степень совершенства? Услышав со стороны кабины водителя, стихийного меломана, как и все шоферы, настроившего свой приемник на канал «Орфей», аккорды явно китайской ксилофонической музыки, четко, в образах и лицах, вспомнил прошлогоднюю октябрьскую поездку в столицу.

За пару недель до этого, просматривая у себя в кабинете текущую электронную почту, обнаружил приглашение его, как главного редактора «высокоинтеллектуального и общекультурного журнала «Феномены разума: XXI век», видного ученого и общественного деятеля на китайский исторический «праздник двух десятков».*

...И совершенно неожиданным для скромнейшего Игоря Васильевича явилось, что его прибытия ожидают восемнадцатого октября в шесть часов попо-

* Это не фантазия автора; такой праздник действительно в большом почете у китайцев.

лудни в большой банкетный зал ресторана отеля «Мариотт» на это самое празднество. Указывалась и продолжительность: два часа. Организатором же значилось культурное общество Тайваня.

Поначалу он усмехнулся, вспомнив годы своей инженерной работы в оборонпроме, когда был глухо «невъездным», имея справку о допуске к секретным и совсекретным документам и работам. Получил он тогда приглашение от тайванцев, так его бы полгода таскали по первым и иным отделам, если бы и вовсе не уволили. Однако, подумав, решил провести рекогносцировку. Позвонил в Москву автору своего журнала, явно инспирировавшего приглашение, получил подтверждение этого. Узнав, что наличие фрака или смокинга желательно, но вовсе не необходимо для дресскода, как по-американски выразился собеседник, уклончиво пообещал быть-стать в «Мариотте». И действительно съездил, вернувшись со смешанным чувством, в котором преобладала уверенность: очень высокая степень совершенства сохраняет историческую традицию, которая по определению антагонистична абсурду. Праздник-прием ему неожиданно понравился, хотя к любым формам ориентализма он всегда относился скептически. Даже когда защитившиеся его благодарные аспиранты-докторанты зазывали в самый модный в городе японский ресторанчик.— «Я не японец и ихний «сушняк» и (далее он употреблял пренебрежительное, переиначенное название национального спиртного напитка...) не употребляю!» Но точно так же Игорь Васильевич отказывался и от итальянской кухни с макаронами и пиццей. При этом назидательно пояснял, что пицца у апеннинских жителей — это еда нищих: все, что осталось по сусекам в голодные дни валить в кучу и запекать на тесте.

После поездки на тайванский прием в «Мариотте» Игорь Васильевич освободил себе от докук пару домашних вечеров и перечитал роман «Записки о кошачьем городе» китайского классика Лао Шэ, кстати, зверски убитого хунвейбинами в ихнюю «культурную революцию».

◆ Почти на въезде в город машину кто-то проголосовал, и этот кто-то разухабисто втиснулся в дверь автолайна. Народ пассажирский оживился, ведь как-то скоро и в одночасье «вертикаль власти» сумела отучить появляться пьяным на публике, громко там же петь песни и поливать эту самую власть. Не то что в веселые девяностые, но даже в советские шестидесятые-восьмидесятые годы такой строгости нравов не наблюдалось. И приоделся сейчас народец: в китайчину с рыночных развалов, в туретчину из Европы — из тряпичных лавок, что именуются секонд-хендами. Цуголями смотрелись бомжи, экипировавшиеся с обильных помоек. Словом, как во всем цивилизованном мире.

А вот вошедший явился, словно из исторической эпохи полустолетней давности: здоровенный, аршин в плечах, под метр девяносто, в мятых серых штанах, какой-то робе, расстегнутой до пупа.— И в тельняшке. Значит, из мореманов; Игорь Васильевич хорошо различал тельняшки морские, воздушно-десантные и ооновско-полицейские. Морда лица краснющая; видать, не менее литровки на морскую душу принял бывший флотоводец, а ныне сорокалетний работяга.

С нутряным стуком уселся в полупустом лайне на первое подвернувшееся сидение. С минуту молчал, затем к удовольствию мирных пассажиров довольно ровным главстаршинским полубасом (бас на флоте положен только боцманам) трудолюбиво спел

одну из двух песен о «Варяге», причем не наиболее известную маршевую «Наверх вы, товарищи, все по местам», а задумчивую «Чу, загремели раскаты». После чего пудовыми кулачищами вытер скупые мужские слезинки и стал агитировать на злобу дня. Дескать, полсотни миллиардов доллоров, из которых половину разокрали, ухлопали на олимпийскую перекопку Сочи, а значит наш флот уже не получит пятидесяти атомных подлодок.

Завод в Комсомольске-на-Амуре вовсе прихлопнули, а в Северодвинске за двадцать лет все никак не могут достроить единственную лодку, начатую еще в советское время. Америкосы же за это время их тридцать штук соорудили! Бывший главстаршина оказался подкованным в делах флота. Народ слушал с интересом.

— ...Жал-лаю опохмелиться! — встал он с сиденья. Водила притормозил у первого на пути городского гастронома.

— Жму краба! — И веселый попутчик вышел из машины и взял курс на магазин: норд-ост-ост, как мигом прикинул Игорь Васильевич и тотчас добрая улыбка расцветила его лицо: жив курилка, жив еще русский народ, хрен вам, Запад-Восток, не дождетесь вы от нас абсурдного совершенства! Будем держаться до последнего, как героический «Варяг» до последнего снаряда. А понадобится — и кингстоны откроем. Только на этот раз в плен к японцам не пойдем. Шиш вам с малазийским пальмовым маслом, на мегатонну которого еще в девяностые годы променял и два авиаполка «сушек»!

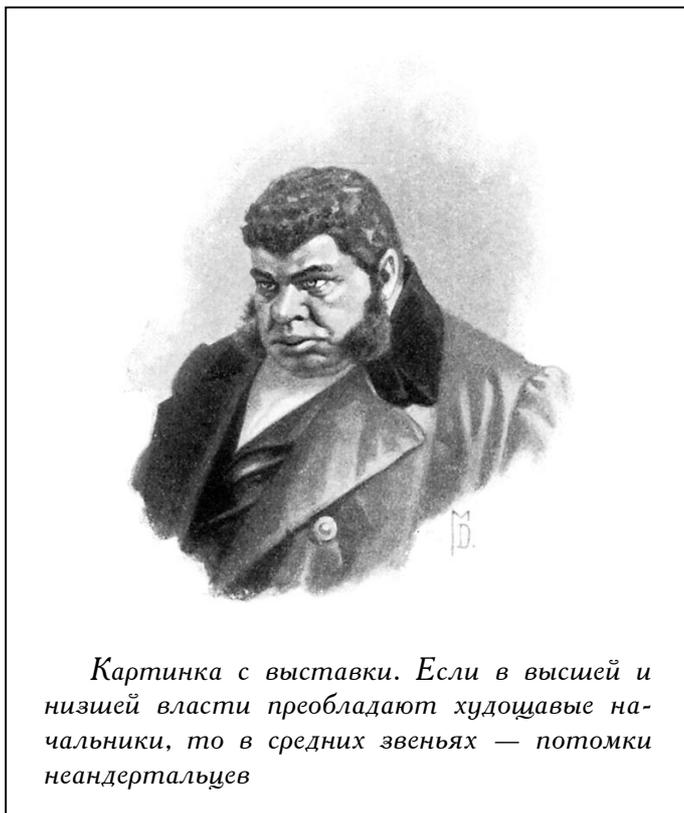
Коль скоро череповецкое железо, норильский и мурманский никель и кобальт наши олигархеры угнали на Запад, то соберем в Сибири все кедры, что уцелели от китайских стахановцев-лесорубов, постро-

им огромную деревянную ракету с паровым двигателем и на этой гравитационной улетим к ядерной матери осваивать жизнь на Марсе, еще на тысячу лет оттянув время перехода совершенства в абсурд.

...Очень воодушевленный вернулся Игорь Васильевич к домашнему очагу, даже слегка встревожив добрую свою супругу, поужинал молча и до двух ночи правил корректуру нового номера своего журнала: про феномен разума в наступившем веке. Будь он не к ночи помянут!

Заседание научно-технического совета университета. Бурные дебаты о распределении грантов по теме: «Каким концом разбивать яйцо?»

*Картинка с выставки. Если в высшей и
низшей власти преобладают худощавые на-
чальники, то в средних звеньях — потомки
неандертальцев*

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ: ЧИНОВНИКИ ОТ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК

◆ В один из приездов к Прокофьючу, после гостеприимного обеда, гость, хозяин и обложенный налогом кот Мичман кейфовали в библиотечной комнате. Первые два попивали на десерт чаек, подливая стаканы малой толикой настоящего французского коньяка, подаренного Прокофьючу на давешний день рождения дочерью, покуривали. Лишенный тяги к вредным привычкам Мичман забрался на топчан, тщательно вылизался после своего обеда и задремал в обязательном пополуденном сне, где ему являлись мартовские иды*, большие котовские бои-профанации и главный приз — соседская Мурка с правом первой ночи — *jus prima noctis* по-латыни. Эти иноземные слова Мичман как-то услышал от высокоученого профессора Скородумова, перевел их на русский, затем на родной кошачий и накрепко запомнил. Известно, что коты помнят все и вся, доброе и злое. Последнего не прощают и не продаются злодею даже за рекламируемый элитный корм «шеба». В отличие от людей, особенно университетских преподав-училок, что не только за полушку, но и вовсе без платы продадутся кому угодно: что называется, искусство для искусства. Про них именно писал так нелюбимый Игорем Васильевичем сочинитель Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича»: «Тебя не гребут, ты не подмахивай!»

Под высокосортный коньячок, хранящий аромат виноградников долины Луары, грех было смолить сигареты от питерского ЗАО «БАТ-СПБ», что в

* Терминология древнеримского календаря.

Лахте на 3-ей Конной, да еще со зверскими цветными анатомическими картинками на пачке, поэтому приятели потягивали из обкуренных трубок, малая коллекция которых имелась у Прокофьича, дымок настоящего же голландского «кэптэна». Пару пачек табака в те же именины подарил сын. Очень уважали дети вредные привычки отца. Зато и обычных хлопот-головоломок не ведали: что подарить, чтобы не обидеть, но порадовать?

Оно, конечно, Прокофьич и Игорь Васильевич сугубые патриоты. В советское время пили бы под чаек краснодарский, высший сорт, изумительного аромата «Бакы» или сурово-выдержанный, как Иосиф Виссарионович, грузинский «Грэми» десятилетней выдержки, а в трубках шкворчал и попыхивал искорками отечественный уже «Капитанский» фабрики «Ява», или бы Мичман сладостно принохивался к медовому тлену «Золотого руна» той же явской фабрики Ростабакпрома Минпищепрома РСФСР, рупь-десять за золотисто-желтую пачку... На худой конец и «Трубка мира» с курящим на картинке коробки Монтигомо — Ястребиным Когтем сошла бы.

Увы, поневоле разменяешь патриотизм на чужестранные, вредоносные деликатесы, когда коньяки теперь сплошь подмосковной подделки (осетинский спирт + H₂O + чайная эссенция), а явские табаки ушли в небытие вместе с СССР и пятнадцатимиллионной КПСС... Даже патриот не то чтобы страны, а своего дома, Мичман подозрительно с аппетитом кушает «шебу», хотя и воспитан на природной, имманентной его организму пшенной каше с мелкопорубленной печенкой.

Впрочем, при разговорах с Прокофьичем и Тихоновной о рациональном и экологически чистом питании Мичмана, Игорь Васильевич вспоминал, что

он доктор наук и профессор по биологии и лекторским голосом разъяснял:

— Э-э, дорогие хозяева! Про печенку все верно, но пшено надо заменить на просо, из которого веники вяжут. Впрочем, сейчас их вяжут из пластмассы Сычуанского химического завода в Китае... Все дело в том, что историческая родина котов — озеро Балхаш в бывшей нашей Средней Азии. Озеро мелкое, с пологими берегами, сплошь заросшими этими просяными вениками.

В этом веничном лесу водится много живности, на которую охотятся балхашские тигры. Вернее, давным-давно охотились, пока их подчистую не истребили. А полосатые коты, дальние предки Мичмана, состояли на службе и жалованье у тигров — тоже свояков по эволюционной линии. Тигр — зверь ленивый, к тому же почти слепой, и уши у него плоскосьлашащие.

После предыдущей охоты, сожрав косулю или еще какое четвероногое, спит себе и храпит целиковую неделю. Уже желудок, все переварив, голодные сигналы подает в усатую башку, а ему лень подниматься, да и как он, плохо видящий и слышащий, на добычу выйдет? А те несколько котов, что приписаны, как атлантические рыбки-прилипалы, к тигру, вовсе лютуют от голода. Знаете, что такое голодный кот... И вот начинают они когтить за все места работодателя, норовя ухватить срамные места. Тигр просыпается, свирепеет и встает-таки.

А коты, ободрившись, вперед него бегут, на добычу выводят. Замечал, Прокофьич, как Мичман, проголодавшись, Тихоновну вроде как выводит на кухню?

Но вот подвели коты тигра почти вплотную к косуле или какой иной козе, тот мигом прыгнул, ра-

зодрал несчастную животину и в один час-два всю ее сожрал, а котам оставил требуху с печенкой. Сам брезгает субпродуктом, равно как человек, хворый по пищеварительной системе и слушающийся врача из местной поликлиники.

Тигр вновь на неделю завалился, коты печенок с почками натрескались, но им для правильного питания нужно печенку «залакировать» чем-то растительным. Вот они, не удаляясь от бугра полосатой артели, пригибают к земле просяные веники и выщелковывают из их верхушек зернышки. Вот и получается каша с печенкой.

Сейчас все просо осталось в самостийных ханствах и султанатах, потому приходится Тихоновне крошить печенку в пшеничную кашу. Благо пшено и просо тоже кумовья по растительной теории академика Вавилова... Гомологический ряд, по ученому, называется.

◆ — А скажи, Васильич, как маракуешь, отчего это у нас время от времени власть начинает бороться с винопитием и курением. Вот и при Горбаче то же было. Такое мое мнение, что раз в сколько-то десятилетий нарождается класс чиновников от вредных привычек? Так получается, да?

— Комай глубже, Прокофьич! Здесь два момента следует учитывать первоочередно. Табак дело новое, в смысле наступления на него, ограничимся водкой. Так для краткости будем называть все спиртное. И ограничимся прошлым веком и началом нынешнего.

Первый «сухой» закон ввел царь Николай Кровавый, ныне святой. Ввел из благих соображений с началом Империалистической войны. По наследству этот закон достался советской власти и длился до двадцать четвертого года, когда появилась «рыков-

ка». Немаловажно, что введенный царем «сухач» отчасти протрезвил народ, который его и сверг.

И горбачевский, хорошо нам ведомый, «сухач» снова предварил разрушение агентами влияния СССР. Вот сейчас подбираются к новому гонению на водку. Зачем? Значит, снова нужно раззадорить народ. Это первый момент. Второй — я не сомневаюсь, что все эти три «сухача» были подкинута агентами влияния, в том числе и при дворе царя. Слишком уж явно совпадение: «сухой» закон — переворот во власти!

— А сейчас как?

— Кто же может знать, человеку не дано видеть даже о ближайшем будущем. Поживем, увидим. Думаю, до болотно-цветной революции у нас дело не дойдет: народ наш ко всему привык, не любит горячиться, да и внутренние войска с ментовкой огромны да с хорошей зарплатой. Нет, здесь что-то другое. Все делается по принципу навроде слышанного недавно по «ящику» черного юмора: «Говорят, в войну хлеба не было». — «Так что ж, масло прямо на колбасу намазывали?»

— А ведь с куревом кранты и в горбачевщину были. Вроде как вредители эти, агенты, сразу все табачные фабрики на капремонт остановили. Я в те годы самосад у себя на участке растил...

— Я тоже трубку завел, на центральном в городе рынке у торговцев с юга нерезанные табачные листья покупал. Многие и вовсе окурки на улицах собирали, дома потрошили, подсушивали в жестяных баночках из-под монпансье, сигарки фронтовые верстали.

— Полагаешь, Васильич, нынешний табачный карачун от обезьянничества перед Западом? Там тоже вроде как борются...

— Понимаешь, Прокофьич, в наше время все

решает высокая политика, причем тайная от народов всего мира. Конспирология, говоря на языке журналистов-политологов. Эта конспирология использует все средства для достижения своей главной цели.

— Какова же цель, Васильич?

— Слово «глобализм» сейчас у всех на слуху, а цель глобализации — весь мир подогнать под единое управление, например, из Вашингтона. Для этого нужно до предела оглушить народ, чтобы ни о чем не задумывался, а пел-плясал под ихнюю сурдинку.

— Да-да, как только по телеку показывают эти самые саммиты «семерок», «двадцаток», так всюду охрана с земли и воздуха, народ бунтует, камнями бросается...

— Вот-вот, Прокофьич. Надо заставить народ дело это с бунтами и каменюками завязать, то есть сделать весь мир, кроме управленцев, живыми роботами. Теперь с другого конца подойдем. Почему люди черт-те с каких времен тянутся к спиртному, табаку, наркоте, наконец?

— Баловство, привычка, отдых, да?

— Не так просто здесь. Даже очень сложно. Для чего же, как ты, Прокофьич, спрашиваешь, народ тянется к запретному плоду? Ведь для животных это не характерно; впрочем, и из них кто-то балуется дурманом, мухомором галлюциногенным, травками всякими. Но — наиболее присуще это именно для человека. Ибо у него очень высокоразвитая психика, качественно отличная от всех его биологических предшественников. Человек радуется, психует, раздражается, впадает в уныние... Причем для радости-то мало места остается; жизнь сурова везде, исключая Америку, жирующую за счет ограбления всего мира, и наш бывший СССР, как абсолютно социально ориентированное государство.

А без радости, эйфории, говоря языком биологии, человек превращается в того самого живого робота, то есть оскотинивается. Потому-то еще в доисторические времена люди начали употреблять жидкости спиртового брожения, отыскивая «бодрящие» травки, в доколумбовой Америке заходила по кругу индейских партсобраний трубка мира с травкой-никотианой.

И средневековая Европа не отставала от опиумного Китая, конопляной Средней Азии, того же Монтигомо — Ястребиного когтя, кейфующей Османской империи. Викинги скандинавские взбодряли себя до ярости перед битвой жеванием высушенного мухомора. Кстати и предки наших эвенков и чукчей тоже мухомор уважали. Но в Европе со времен итальянских этрусков стало господствовать виноделие. Чем дальше — тем крепче. Те же викинги научились делать из французского вина коньяк, шотландцы — гнать виски. Чуть припозднились со своей медовухой наши русаки, но быстро нагнали западников со своей водкой — зеленым вином*.

...Всеми этими напитками, табаком и наркотическими травками-плодами, опять же, говоря языком биологии, человек создает в своей голове так называемый ложный медиатор эйфории. Хорошо это или плохо для самого человека? — Все мы чем-то жертвуем для того, чтобы оставаться человеком, не превращаться в робота. И сама организация, то есть физиология, людей такова, что цэ-два-аш-пять-о-аш, спирт этиловый то есть, и никотиновая кислота обязательно участвует в биохимических процессах нашей

* Зеленый цвет водки вплоть до середины XIX века — от медного купороса, которым продукт перегонки очищали. Для царского двора очистку производили дорогостоящим анисовым маслом: «Водку пьете, Иван Васильевич?» — «Анисовую!»

нормальной жизнедеятельности. Вот только наркота чужеродна для организма. Так что самой природой, знающей все на миллионы лет вперед, алкоголь и табак, в допустимых, конечно, дозах, уже изначально заложены как средства взбадривания человека в часы и дни уныния и хандры. Чиновничьих начальственных разгоняев тож...

— А как же, Васильич, непьющие и некурящие без этого... того обходятся? Или они от рождения с этой самой ложной эйфорией всему на свете радуются?

— Люди-то все, Прокофьич, разные — даже однояйцовые близнецы с годами различаться по характеру и мозговой работе начинают. Так и с физиологической, психической потребностью в алкоголе и куреве дело обстоит. Во-первых, исходный материал для никотиновой кислоты, благо организму нужна в крохотных количествах, он сам добывает из обычной растительной пищи. А не срабатывает в должной мере этот механизм — человек закуривает. По жизни знаешь: закурил парнишка, подражая взрослым, а потом и бросил это дело. Другой же продолжил на всю жизнь. Заставят такого не мытьем, так катаньем бросит курить — более мрачного и злобно-го человека не сыщешь!

А про вино — у нас, значит, водку — еще Монтень, если не подводит память, мудрейший философ-афорист, сказал, как припечатал, в том смысле, что совершенно напрасно иные лицемеры сравнивают пьющего человека с животным, дескать, пьян как свинья! Истинно же животному уподобляется абсолютно непьющий человек, ибо вино — высший дар богов человеку на его радость и жизненный оптимизм, говоря современным языком.

— Кстати, Прокофьич, конечно замечал по жиз-

ни: нет больших ненавистников и обличителей пьющих и курящих, чем бывшие пьяницы и курильщики-смолильщики, бросившие эти занятия...

— Чего далеко ходить? Сосед мой слева такой, да еще с пяток из нашего поселка таких знаю.

— Вот-вот, это они мстят всему человечеству за отлучение от вина и табака!

— Чегой-то не соображу, Васильич, какая тут связь с этим самым глобализмом и чиновничьими происками против винопития и курения?

— А простая, хотя и конспирологическая, через газеты и телевизор не оповещаемая. Глобализаторам требуется мировое людское стадо: разучившееся думать, покорное, где мышцы заменяют мозг. Словом, как рабы в Древнем Риме: тупые и физически здоровые. Кстати, оттого-то сейчас во всем так называемом цивилизованном мире все большее внимание уделяется здоровью тела. Даже в школах уроки физкультуры все другие вытесняют. Но все это не относится к высшим канонам управленцев в глобализуемом мире. Для них справедливо древнеримское же правило: вино, женщины и искусства принадлежат избранным!

Вино же — у нас водка — и, хотя в меньшей степени, табакокурение препятствуют оскотиниванию рабсилы глобализма. Человек покурит — у него на время проясняются мозги, промелькнет раз-другой антиглобалистская мыслишка: а тем ли мы идем путем? Это как коту дать понюшку валерьянки: тот сразу начнет буйствовать-радоваться, с некоторым изумлением в своих глазах с фотоаппаратной шторкой смотреть на хозяев: дескать, какого хрена они делают в моем доме? И почему я, вольный сын балхашских просяных зарослей, должен исполнять капризы этих двуногих: делать вид, что подчиняюсь

им, унижительно просить поутру поскорее жратву приготовить, терпеть тетешканье их малых детей и прочие благоглупости?

...При знаковом слове «валерьянка» Мичман тотчас поднял голову, широко растворил свои фотоаппаратные створки и долгим взглядом окинул говорящих. Затем, выматерившись про себя (издеваются, мол, двуногие твари над бедным котом), вновь зашнул, затаив обиду. Коты злопамятны.

— ...Еще пагубнее для антихристовой глобализации винопитие. Сам знаешь: после первой-второй стопок такие святые и провидческие мысли приходят!

— Да-да, Васильич, как-то мои любимые плоскогубцы, еще отец с войны привез — трофейные, крупшовские, никелированные и износу им нет, куда-то запропастились. Неделю искал и все без толку! А тут мои из города на выходные приехали, и — как ты говоришь — после второй озарило: в сарае за свиной загородкой лежат! Подвязку проволочную сделал, да потом забыл в свою монтерскую сумку положить. Так опрометью со стола и в сарай: вот они, родимые, за загородкой лежат, никелем отсвечивают!

— Вот-вот, именно так. Правда, после пятой-седьмой все это вроде как напрочь забывается, но на самом деле откладывается в подсознание, а значит, в нужный момент все вспомнится. Всякие же светлые мысли и озарение, как правило, антиглобалистические.

◆ В окончании просветительской беседы Игорь Васильевич разъяснил заинтересовавшемуся Прокофьючу, что вино-водка и табак являются, особенно у нас, — головной болью глобализаторов. Совсем водовку изъять из обращения в России никак нельзя: слишком огромен опыт самогонварения, начиная с царя «сухого» закона 14-го года. Да и железо еще не все продали китайцам всякие ООО и

ОАО — есть из чего аппараты ваять. Вот только к введенной злокозненным Никитой советской системе ограничения по часам продажи вернулись.

— Помнишь, Прокофьич, анекдот тех лет про семитов и антисемитов? Дескать, кто такие семиты — это которые успели до семи вечера водку купить. А антисемиты — кто не успел отовариться, матерятся и во всем евреев обвиняют. Ха-ха-ха!

Причем, в каждой области по-своему лютуют чиновники от вредных привычек. У нас, как хорошо знаешь, губернатор еще при вступлении на должность публично заявил, что он сторонник здорового образа жизни, поэтому совсем не пьет и не курит... Завистливый наш народ поговаривает: конечно, имея миллиард долларов, надо на долгую и здоровую жизнь рассчитывать. Вот он и о здоровье опекаемого им народа заботится: винопитие не с одиннадцати, как в советское время, а аж с двух пополудни! Да еще когда футбольные игрища на стадионе случаются, так в радиусе километра вовсе велено магазинам водку-вино и пиво не отпускать! Одну только закуску.

А вот с табаком некий тайный пока центр мирового глобализма и совсем в свою пользу дело обернул, а именно: повсеместным притеснением курильщиков — законы о запрете курения кроме как в домашних сортирах, диком возрастании цен, а там и самосад запретят возвращать — подтолкнуть их к курению «травки», а от нее до химических наркотиков один шаг... Все думал, что это только я сгоряча так решил, но вот смотрю телек, а там показывают нью-йоркского негра. Тот возмущается: «Сигарет купить — искать спецмагазин надо, да цены дикие. Что ж, теперь, опять к марихуане возвращаться?» Выходит, далеко это не мое открытие? Многие так же думают! И у нас, и за бугром.

Совсем интересный вывод напрашивается: программа глобализации на несколько десятков лет, естественно, просчитана на мегакомпьютерах в институтах, работающих на пока тайное Мировое правительство. Там все учтено. Не сомневаюсь, что на данном этапе глобализации союзником ее является мировая же наркомафия. Да-да, не удивляйся, Проккофьич! Ведь для глобализованного мира нужны только массы людей-роботов. Мыслить и творить положено только высшему и среднему классам управленцев и творческих конструкторов идей и техники. А наркотизация масс как нельзя лучше и быстрее превращает ее в стадо работ-роботов.

Именно поэтому широко рекламируемая борьба «мирового сообщества» с наркомафией идет как-то шалтай-болтай, проще говоря: дурака валяют*. В Афганистане все поля засеяны маком, в Казахстане — коноплей дикорастущей, в Колумбии — сырьем для кокаина; Нигерия тоже не отстает. И что ж? — Никто не торопится под эгидой ООН, например, выжигать все это напалмом. Только одна говорильня...

Здесь в планах глобализаторов наступление идет с двух сторон: «цивилизованные» государства объявляют беспощадную войну курильщикам табака, якобы озабоченные здоровьем их, бедолаг, и окружающих. А наркомафия, вроде как находящаяся вне закона, туго знает свое дело. Вместе же решается поставленная глобализаторами задача: коль скоро по закону Архимеда — Лейбница, природа не терпит пустоты,

* У кого ни интересовался: никто не знает происхождения этой присказки! А она появилась в России между революциями 1905-го и 1917-го годов. Так бастующие рабочие дразнили полицейских: встанет ухмыляющийся работяга рядом с городовым и начинает валять пальцами монету с профилем Николашки — целковый, полтину или четвертак...

где убьют — в другом месте прибудет, — то в поисках активизаторов создания ложных центров эйфории в мозге народ все более и более заменяет табак травкой, а потом и химической наркотой! Опять же — это не мое открытие, но все самодостаточно мыслящие люди думают так же, явно не ошибаясь...

— Извиняюсь, Васильич, ты не в первый раз про эту самую самодостаточность речешь. Эт-то как понимать, объясни по рабоче-крестьянски?

— Опять же в науке биологии давно известно, что только восемь процентов людей, независимо от пола, расы, образования и так далее, способны мыслить, что называется, «от себя», полагаясь только на свое разумение, поэтому ими нельзя управлять тем же телевизором, зажигательными речами на выборах, женскими попреками и так далее. Остальные же слепо бредут за управляющими ими.

— Кто же, так сказать, справку о самодостаточности выписывает, ха-ха!

— Смех и грех. Сейчас любую справку за умеренную плату дадут. Вот в Москве в девяностые годы по таксе можно было грамоты и родословные на любое дворянство приобрести: хочешь сиятельным графом или бароном, святейшим князем с родословной от Гостомысла и Рюрика одновременно... Нет, Прокофьич, справку о самодостаточности мышления ни в Кащенко, ни в Академии наук не дадут. Но есть верное средство самому проверить её наличие у себя: такие «восьмипроцентники» не поддаются гипнозу! Был когда-нибудь на приеме у гипнотизера?

— Избави бог. У нас в поселке проживает одна полупридурочная, так она как-то обращалась: боится подавиться килькой, что под вареную картошку потребляет...

— Вылечил?

— Куда там, она теперь и картохи опасается. А ты, Васильич?

— Я не поддаюсь. У меня в соседнем доме главный в городе гипнотизер проживал раньше. Как-то разговорились. Узнал, что я профессор по биологии, пригласил к себе в больничку на сеанс присутствовать. Все заснули, а мне хоть бы в едином глазу! Выпили мы с ним по промилле* разведенного медицинского, и я откланялся.

...Все не закончу про вытеснение табака наркотой. В Европе глобалисты все опыты привыкли ставить на Голландии: в части наркоты той же, педерастии, всяких там аутистов. Вот мы с тобой сейчас голландский табачок покуриваем, а в самих Нидерландах курильщиков почти не осталось, зато среднеслабую наркоту официально разрешено продавать. Теперь этот опыт на весь мир распространяют глобализаторы-стахановцы.

◆ — Так что же получается, Васильич, что все страны, что сейчас успешно строят глобализм, подчиняются, как ты говоришь, единому тайному центру? То есть взял под козырек — и бум сделано!

— Не так все просто, Прокофьич, потому и тайно. Пока тайно. Хотя уже и в прессе, и по телевидению в словах высших должностных лиц факт строительства глобализма без всяких оговорок признается. Даже у нас, хотя и считается, что Россия идет своим, многополярным путем. Но — против лома нет приема! Куда деваться-то? Все делается подспудно, особо не называя своим именем, но — успешно, с нарастающей скоростью. Как бы кто ни хорохорился, но сейчас в мире нет сугубо «самостийных» стран. Даже

* Медицинский сленг: то есть сто граммов; полпромилле — пятьдесят.

Украина. Ее слова «незалежность» и «национальный», впридачу к самостийности на каждой доске любого забора начертаны. Она прямо-таки рвется в кабалу Евросоюзу... забыли, братья-славяне, опыт «евроинтеграции» в 41—44-х годах!

Даже слова ихнего премьера Азарова, кстати, в советское время он работал по угольному делу у нас в Тулуповске, что кроме экономических утеснений Евросоюз ставит условием приема «незалежной» в свои ряды полную легализацию педерастов и разрешение однополых браков, не смутили Евромайдан... Вот тебе и глобализация в действии!

Нового я тебе, Прокофьич, ничего не сказал, но, возвращаясь к винопитию и табакокурению — на счет педермотства наша власть пока стоит твердо: хотя и не сажает, как в советское время, но и на уступки не идет. Замечу: в многомиллионном чиновничьем племени выделяется подкласс «чиновники от вредных привычек». Не сомневаюсь, что уже в ближайшие два-три года, а то и пораньше, они сооржизуются в официальные комитеты, комиссии — или еще как там у них называется... Понятно, что и «широкую общественность» заоргнизуют. Тем более что опыт горбачевщины еще не забыт.

...Недавно ходил на центральный рынок. Люблю походить по дальним рядам, где народ торгует всякой всячиной — от книг до почти исчезнувших в обиходе примусов. И две любопытные вещицы приобрел: в книжных развалах альбом «Советский плакат 30—50-х годов», а в «наградном» ряду — отштампованный в 1985-м году значок общества борьбы за трезвость: люблю собирать всякие кунштюки, памятники эпохи.

Листая вечером альбом, увидел плакат со стихотворной подписью:

*На папиросы «Ява» я не сетую,
Сам курю и вам советую!*

По части же антиалкогольного значка припомнил, как в свое время увертывался от партийно-профсоюзного начальства, чтобы не вступать в трезвое общество: три рубля за значок, годовые взносы и, желательнее, подписка на журнал «Трезвость и культура».

Да что там комитеты и комиссии! Уже сейчас весь чиновный кагал имеет инструкции по «решительной и бескомпромиссной»: от ментовки до вузовских деканатов. Тяжело им, чиновникам, жить в наше беспокойное время бурного законотворчества! Оттого и злые такие, что вволю покурить можно только дома, а напиться, чтобы хоть на время отойти от одури чиновничьей тяготы (ведь и они люди) — только там же, дома или на даче: начать с вечера пятницы и завершить пополудни субботы. Чтобы до понедельника успеть согнать здоровый алкогольный румянец с лица и выветрить из легких и желудка винный запах. А с первого рабочего дня на неделе громить, распекать и тщетно призывать народ к здоровому образу жизни: скучному, конечно, уныло-суконному — даже страстные женщины бальзаковского возраста остерегаются таких мужиков, — но такому благопристойному и заунывно-тихому.

...Кстати, Прокофьевич, мои друзья и коллеги медики, ссылаясь на Павлова, Бехтерева и Пирогова, то есть корифеев этой науки, утверждают: если человек после сорока лет перестает курить, то он наносит своему организму большой вред.

Давай, Прокофьевич, по последней. Поехал я домой.

Душевный разговор. Профессор Скородумов в гостях у старика Прокофьяча обсуждает тайны «черных дыр» в бюджетах всех уровней

Картинка с выставки. Гласный городской думы: «Жить хорошо! А хорошо жить — еще лучше!»

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ, ИЛИ ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими и в качестве таковых заносятся на скрижали Истории. Злодейства же малые и шуточные именуются срамными, и не только Историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы...

Топтыгин 1-й отлично это понимал... За это Лев произвел его в майорский чин и, в виде временной меры, послал в дальний лес, вроде как воеводой, внутренних супостатов усмирять.

М. Е. Салтыков-Щедрин.

Сказки: Медведь на воеводстве. 1. Топтыгин 1-ый

◆ Игорь Васильевич в это декабрьское темное утро проснулся еще за полчаса до исполнения кухонным динамиком — памяти о советском времени — гимна в третьей михалковской редакции слов. Зима началась — спохватилась поздно, но за прошедшую ночь мороз-воевода приказал законному градуснику прыгнуть вниз по спиртовому столбику сразу на десяток делений. Оттого и сон, напугавшись утреннего холода, убежал от опального профессора так рано. Многозначительно ухмыльнувшись, вспомнил значимость сегодняшней даты: исполнился ровно год с начала его университетского импичмента — с раннего звонка о лжесгоревшей даче. Давно улеглись страсти, серьезный народ в университете давно понял подоплеку его опалы, только административные бабы из главного корпуса устойчиво кривились при случайной встрече. Он на них не обижался, жалел

их по-своему: тяжелая нравственно служба у младшего чиновного аппарата! Зато напрочь выкинул из памяти не только ФИО, но и сами виды морды лиц тех «добрых» факультетских коллег, что по сговору забаллотировали его на профессорских перевыборах. И все их не поминал недобрым словом. Знал — бог, или кто там Вселенную раскручивает, по своей инициативе их накажет. Только год прошел, а трех из десяти проголосовавших супротивников уже пометил своим «мене фарес такел»^{*}: один срочно переехал в другой город — любил «купоны стричь»; одна схлопотала выговор по универу за нарушение учебно-преподавательской дисциплины; еще одну бросил муж, женившись на молоденькой аспирантке... Да и остальные на очереди.

Все же от неприятных воспоминаний отвлек личный домашний кот — в отличие от прокофьевичева полосатого Мичмана, этот зимой надевал лохматую, как у мамонта, шубу и налогоплательщиком не состоял. Явное пока упущение городских властей. Хотя по тому же кухонному динамику уже второй год грозятся исправить это недочет.

Коту не до тонкостей редакций слов гимна Михалкова-старшего, — он уже с середины ночи ощущает приступы аппетита в своей пищеварительной системе. Покормив автономного друга человека (женщина и собака — полуавтономные), принялся и себя готовить к трудовому дню. Пришел в корпус настолько рано, что еще не успела смениться со вчерашних «суток» моложавая охранница Наташа, которая симпатизировала процессору. Он ей также, но

^{*} Библейская надпись на стене, предвещающая, что «дни твои сочены, грехи подсчитаны» — начало соответствующей фразы на арамейском языке.

с комсомольской половозрелой юности дал зарок: с замужними девушками-женщинами ограничиваться только словесными любезностями... Наука юношей питает.

До двенадцати трудился над третьей главой новой монографии при закрытой двери в кабинет, хотя замкнутое пространство не особо уважал. Зато дверь, да еще обитая его предшественником, профессором азербайджанского происхождения, снаружи кровельным железом, заглушала гортанные, по-аульи громкие голоса абреков-арабов, кавказцев и среднеазиатов — нынешнего преобладающего студенческого контингента. Двенадцать часов — адмиральский час в университете: все и вся затихают на обеденный перерыв. Игорь Васильевич наконец-то приотворил дверь. На душе тотчас похорошело, а голова мигом выдала на-гора формулировку замысловатой теоремы о гомосексуальном будущем злонаказанного богом человечества. Усмехнувшись, вспомнил недавние слова президента: вот, мол, Берлускони дали срок за связь с женщинами, а был бы он гомосексуалистом, так никто бы к нему никаких претензий не имел. Что-то в этом роде.

Однако раннее пробуждение и, соответственно, завтрак в половине седьмого, давали о себе знать. Достал из кабинетного маленького, так называемого «студенческого», холодильника «Морозко — ЗМ» колбасу, сыр, сало с солидной мясной прослойкой, а из шкафчика — вчерашнего припаса булку, соорудил горку бутербродов. Пообедал, запивая ранее заваренным чаем.

◆ За чаем просмотрел городскую газету, которую ему при входе в корпус вручила давешняя Наташа — из стопки, что разносили рано утром по факультетам университета: бесплатно и для пользы

сотрудников, давно поотвыкших от чтения чего-либо стоящего.

Этот номер «Городских вестей» произвел на Игоря Васильевича некое двойственное, точнее — двусмысленное впечатление. На первой странице, на фото из зала судебного заседания после оглашения приговора донельзя растерянный бывший губернатор Тетеря протягивал только что снятый пятисотдолларовый галстук сержанту-охраннику. Шапкой над фото стояли слова экс-губернатора: «Десять лет зоны — это беспредел!»

Двусмысленность же впечатления Игоря Васильевича объяснялась как, действительно, слишком сурово-показательным сроком за такой по нынешним временам пустяк, как попытка взятки в пятьдесят миллионов — даже не «зеленых», но всего лишь купюр с видами города Хабаровска, так и определенной степенью знакомства профессора с Владимиром Владимировичем.

...Впервые запоминающуюся фамилию Тетери Игорь Васильевич услышал, начав некогда инженерную работу в НПО «Меткость», где Вадим Владимирович занимал средневысокую административную должность. Запомнилось с тех лет: когда бы руководитель группы, а в последние два года службы в НПО — начальник патентного сектора Скородумов ни заходил в общую приемную академика Гусакова и главного инженера, чтобы сдать общей же их секретарше командировочное удостоверение, заявку на авторское свидетельство, какую иную бумагу, непременно встречал там молодежавого Тетерю. Вадим Владимирович бережно держал обеими руками бланочный листок бумаги с несколькими строками напечатанного текста. Топтался, казенно любезничал с секретаршей, ждал прихода Гусакова или главного ин-

женера. Матерая, с явно пробивающимися усиками Елена Анатольевна, выслушав пристойный анекдот Тетери, смеялась раскованно: «Скучный у нас народ! А вот зайдет хохол или еврей, так на душе веселее становится!»

Еще из бесед все и вся на свете знающих женщин-коллег Игорь Васильевич знал, что достаточно успешной карьере Тетеря обязан должности своего отца — директора областного треста «Промстрой». Как раз в последние два года именно этот трест строил два огромных здания — конструкторский и производственный корпуса — на территории НПО: прежняя «жилплощадь» «Меткости», построенная наскоро еще в пятидесятые годы, уже не справлялась с обилием заказов Минобороны на ракетно-пушечное оружие. В последнее десятилетие советской власти она, родимая, разогнала до высшего предела сталинский промышленный и военный задел! И мать перспективного административного работника Вадима Владимировича была далеко не последней в областном же финансовом управлении. Словом, Тетере с родителями повезло, да и сам был он похотливец человек хватистый и истинный службист. Та же матерая Елена Анатольевна похотывала: «Ну-у, Вадим Владимирович, ты как тот срочник в армии: если хохол демобилизуется без сержантских лычек, так невеста ему в селе гарбуза выкатит! Конечно, место шефа нашего тебе далеко не светит, но со временем в обкоме или в облисполкоме не последним, а то и первым будешь. Помяни мои слова: я не Ванга болгарская, тем более по возрасту, но и Сам порой к моим словам прислушивается».

Тетеря горделиво улыбался, но словно бы оправдывался. Мол, куда нам, сирым да убогим, дай везенья нынешнюю свою должностишку сохранить!

Уже когда Игорь Васильевич уходился из «Меткости», чтобы защитить докторскую диссертацию вдали бдительного ока академика Гусакова, случилась авария с машиной, на которой главный инженер и Тетеря мчались поздним темным зимним вечером в Москву — на срочный вызов в свой главк Миноборонпрома. Где-то в районе Климовска — Подольска их «Волга» врезалась в кучу строительного гравия, насыпанного на ремонтируемый участок дороги, а лампочка ограждения нехотя перегорела.

Увы, сердце главного инженера не выдержало бескровной в сущности аварии; сам Тетеря отделался ушибами. Гусаков же, обладавший качеством черного юмора, объявил ему, что раз ты угробил Главного, так и садись теперь в его кресло! На несколько лицемерное возражение того об отсутствии практики занятия техникой и наукой, Гусаков поставил точку: мол, ты мне нужен как погоняла-администратор, а техникой у нас есть кому заниматься. Наукой тож.

Игорь Васильевич дорабатывал последний год замдиректора в разваливающемся на глазах медико-биологическом НИИ, когда истек последний же год нахождения у власти прежнего, всенародно избранного губернатора, а Кремль для усиления вертикали власти вместо выборов узаконил назначение глав субъектов сверху. Местный народ и даже Интернет как-то глухо, с видимым недоумением, обсуждали случившееся назначение Тетери новым губернатором: не политика, не бывшего секретаря обкома... словом, никого, обычного главного инженера! Чем-то он приглянулся верховной власти. Неподцензурный Интернет и вовсе такую подспудную конспирологию принял, что люди старой закалки даже и читать на экранах мониторов даже дома за запертой дверью опа-

сались... А главный городской поэт Гриша Шагалин пустил в обращение подпольное четверостишие:

*Эх, Вадимушка-Вадим,
Кто ж тебя пометил,
Из Москвы за двести верст
Зорко так заметил?*

◆ И здесь судьба свела Игоря Васильевича с Тетерей, уже губернатором. Дело в том, что директор *НИИ*, начальник Скородумова, в первый же месяц правления Вадима Владимировича сумел попасть на прием к нему: как опытный администратор, Тетеря завоевывал доверие и благожелательность народа личным общением. То есть первый квартал в новой должности он отвел на поездки по области, выезды на городские объекты, а два-три дня в неделю от зари до зари принимал более или менее заметных и серьезных людей.

Конечно, в таком общении с народом Вадим Владимирович мало чем отличался от старинных наших партсекретарей и партторгов. Те уважительно, подтверждающе кивая головой с искусной партноменклатурной стрижкой, выслушивали пришедшего на прием, что-то деловито помечая в своем блокноте, заверяли, глядя честными глазами* на посетителя, что меры будут приняты тотчас, незамедлительно, дело взято под личный контроль и пр.

Пожав руку просителю, непременно и сердечно своими обеими, заверив в совершенном к нему уважении, партбосс, отечески полюбняя обласканного им ликующего посетителя, провожает его до тамбурных

* Не только профессиональные психологи, но любой многоопытный в жизни человек знает: если собеседник пристально и прямо глядит тебе в глаза — значит, хочет обмануть.

дверей. Вернувшись в свое кресло, партийный начальник пару секунд глядит в потолок и тотчас полностью и навсегда забывает о состоявшейся беседе.

Но начальника Скородумова губернатор выслушал внимательно. Во-первых, тот был известным в городе человеком, ученым и организатором, а главное — заинтересовал Вадима Владимировича, как «выпускника» военно-промышленного комплекса, одной разработкой Игоря Васильевича двойного применения: медико-биологического и военного.

...В назначенный для визита губернатора в *НИИ* день вместо обещанного полудня тот прибыл к концу рабочего дня, небрежно сославшись на два внеплановых заседания в администрации области и беседу с приехавшим «без звонка» столичным ответработником «Газпрома». Тетерю с небольшой его свитой провели в биографическую лабораторию, где Игорь Васильевич со своими подчиненными и аспирантами уже давно, загодя подготовили стенд, расставили клетки с экспериментальными крысами, специально выведенными для опытов, спокойными, любящими кормление из рук человека.

Скородумов поздоровался с губернатором. Тот пристально посмотрел на профессора, поинтересовался: не работал ли тот в «Меткости»? Получив утвердительный ответ, поздоровался за руку, отечески коснувшись его плеча. Все повеселели, напряженность официальности сгладилась. И опыт удался. Директор жестом отправил нижних чинов за дверь, завязалась беседа о возможном использовании полученного эффекта в обороноспособности новой, демократической России. Игорь же Васильевич, уже на правах давнего знакомого губернатора, вставил свое слово: «Видите ли, Вадим Владимирович, если с вашей помощью мы получим финансирование на про-

должение исследований по данной теме, то, как чисто гражданское учреждение, наш *НИИ* все это станет, так сказать, маскировать под сугубо медико-биологическое применение, не упоминая об истинном назначении...». «Разумеется, — горячо вступил Тетеря, — иначе и вас, и меня вот в такую же клетку посадят, только размером побольше!» — И развеселившийся собственной остроте губернатор указал на клетку со смиренно сидевшей в ней крысой.

...Вот сейчас, прихлебывая чай и рассматривая фото на первой полосе «Городских вестей» с обескураженным, со снятым галстуком экс-губернатором на фоне судейской камеры-клетки, из которой он только что вышел после оглашения приговора, Игорь Васильевич подернулся всей кожей морозным холодком. Правильно, ох, правильно, писали русские философы-космисты, Николай Федорович Федоров в первую очередь, что все сказанное человеком вроде бы все рано или поздно с ним же сбывается. Так и здесь. Пошутил вроде Тетеря насчет клетки, в которую его могут посадить — и посадили пять с небольшим лет спустя. И главное: даже насчет размера клетки не ошибся Вадим Владимирович: гораздо больше крысиной она оказалась!

Но тогда Тетеря не обманул: через московские знакомства в военной среде «навел» на *НИИ* двух заинтересованных генералов, которые вскоре приехали, посмотрели на мышей, заскучали. Не до того, Федя, не до того... Деньги и в Москве сгодятся. Сухо распрощались и убыли восвояси. Тему закрыли. На Тетерю, конечно, не обижались. Человек сделал что мог. Бескорыстно.

◆ Город и область, попривыкнув за два срока предыдущего губернатора, крепкого хозяйственника, Героя Социалистического труда, к размеренной жиз-

ни, чем-то напоминавшей прежнюю советскую, с ремонтами домов и прокладыванием подземных коммуникаций, обузданием чиновничьей ретивости и повсеместного воровства, теперь с настороженностью присматривались к кипучей деятельности новоназначенного главы области.

Поскольку по прежней своей работе в «Меткости» Тетеря выправил по знакомству чин полковника от артиллерии, то по фронтовому братству начал резво заполнять должности в своей администрации людьми из военных, что, в итоге, его и сгубило. Но — об этом чуть позже. На важнейший департамент, распоряжающийся финансами, он поставил аж генерала Рысьева. Тот оказался волею судеб последним начальником военного училища, одного из старейших в стране. Увы, училище в пожарном порядке, всего за пару месяцев упразднили*, явно в целях создания более компактной армии с высокоточным оружием. Генерал остался без должности. Тут на его счастье губернатором стал полковник Тетеря.

Рысьев запомнился — и не только одному Игорю Васильевичу — его выступлением перед микрофоном на площади Победы в праздник 9-го Мая. Начальником училища, теперь, понятно, военного института, Рысьева поставили еще полковником. Но как раз накануне праздника три звезды на его погонах заменили одной большой. Тот настолько преисполнился восторгом, что, перечисляя на праздничном митинге Города-Герои, Сталинград переименовал в Волгоград, а дойдя до Ленинграда, на полсекунды задумался и верноподданнически выкрикнул: «...Город-Герой Санкт-Петербург!» Народ на площади

* Для сравнения: на «закрытие» игорных домов дали аж целый год! Чтобы ребята подзапаслись деньжатами...

корректно замолчал, а со стороны кучковавшихся под красным знаменем коммунистов послышался ропот, перемеживаемый криками возмущения.

Этот рысьевский пассаж даже превзошел случившийся за десять минут до того конфуз. Тогда предыдущий президент только-только заявил о предстоящем переименовании милиции в полицию, а *СМИ*, вечно бегущие впереди лошади, уже вовсю с восторгом неопита щеголяли новым термином. Вот и в тот праздник на площади Победы дикторша местного радиотелевидения выдала, перечисляя погибших в Великую Отечественную, перл. Во-первых, также демократически пренебрегла подозрительным для *СМИ* словом «Отечественная», во-вторых... словами: «...Не только погибли миллионы солдат и офицеров на полях Великой *мировой* войны, но и десятки тысяч *полицейских* не вернулись домой...» Народ на площади оцепенел, коммунисты же заготовили: дескать, правильно, девка, говоришь: все столбы в освобождаемых городах были увешаны полицаями!*

...И на все остальные департаменты, включая здравоохранение, образование и соцзащиту, Тетеря поставил полковников. Даже директором объединенных городских парков назначил отставного милицейского полковника, а на «Водоканал» посадил приравненного к этому сухопутному званию капитана первого ранга в запасе — тот на Балтфлоте командовал водолазами.

* А 1944 году, когда началось стремительное освобождение Красной Армией ранее оккупированных территорий, Верховное главнокомандование издало приказ: пленных немцев и их союзников, предателей, дезертиров и пр. физически не уничтожать. Единственное исключение — для полицаяев, которых публично вешали.

На МВД, ФСБ, таможню и облнаркконтроль не посягал — не по его ведомству, да там железобетонно уселись в руководящих креслах свои полковники, а то и — бери выше! — генералы. Зато дал на откуп бывшим полковникам-политотдельцам советских времен все техникумы — теперь колледжи — города. А в «кулек», то есть областной культпросветколледж, назначил дядьку своей первой жены — подполковника из духового оркестра упрядненного военного училища. То бишь военного института.

◆ Далее наступил черед справить личные дела. Оно, губернатор — официальное лицо, государству подчиненное, но ведь и тылы следует надежные обеспечить, чтобы ничто не отвлекало от многотрудных дел поставленного на область, хотя и бывшую промышленную, но все же оставшуюся территорией с небольшое европейское государства.

Себе под житье определил загородный замок, конечно, капитально подновленный и технически оснащенный под «умный дом». Даже из Канады за бешеные деньги, казенные, конечно, оприходованные под закупку сельхозкомбайна, были выписаны холодильники для летнего хранения норковых и соболиных шуб третьей жены Тетери — молодухи, как породственному ее звал губернаторский отец. Прежний деревянный забор, огораживающий полсотни приусадебных гектар, заменил на трехметровый в два с половиной кирпича, со стояками-башенками. Получилось подобие городского Кремля, построенного кочующей бригадой гонуэзских строителей XVI-го века. Ранее это здание с помещьем использовалось секретарями обкома, а затем губернаторами для высоких приемов и просто пятнично-субботних пья-

нок — с дамами и без них, если заодно решались дела государственной важности.

Любимому отцу соорудил хижину чуть поменьше — по этажности и количеству гектар. Затем основательно разобрался с женами: развелся со второй и сочетался с третьей — молодухой. Первым двум, как семейно заботливый, а заодно и третьей — на всякий случай, мало ли что в жизни случится — справил в центре города кому приличную квартиру о трех комнатах, а «нынешней новой», как сейчас говорят в сериалах, крепкий домик с садом-огородом, что обихаживала пара — садовник с кухаркой.

...Как-то на коротком досуге высокий московский гость рассказал бытовавший при Ельцине анекдот, а скорее быль. Пришел Черномырдин, тогда премьер, на заседание своих министров и, что-то вспомнив, спросил: «Поднимите, как школьники, руки, у кого имеется за душой ученая степень?» — Наперебой все их и подняли. — «За что ж вы так не любите науку, мать вашу», — выматерился оренбургский казак Виктор Степанович...

И тут же заказал кандидатские ученые степени по технике себе и старшему сыну, только-только закончившему вскоре разогнанное военное училище. Институт — по-нынешнему. Себе по старой памяти заказал в «Меткости», а сынуле в Тулуповском университете. В последнем его и безо всяких просьб тотчас сделали Почетным доктором университета. На соответствующей экспозиции таких докторов повесили и Тетерин портрет с надписью: «<Ф.И.О.> — Почетный доктор — Кандидат технических наук»».

Увидев во время визита такую явную несуряницу, Вадим Владимирович слегка поморщился. Перехватив неудовольствие, университетские начали готовить Тетерю к докторской степени. Избрали, конечно,

новомодные политические науки. К сожалению, а потом и к облегченной радости, не успели довести это благое дело до диплома до начала импичмента высокого соискателя.

Решив дела личные, принялся за докуку исполнения гособязанностей. Прекратив, как дело грязное и явно неперспективное, ремонты домов и подземных коммуникаций, начал Тетеря разъезжать с эскортом из десятка машин, любовно подобранных числом до полусотни в губернаторский гараж, по городам и районам области: распекал начальство тамошнее и не скупился на общие похвалы народу-труженику, строящему, не покладая рук, светлое дембудущее области. Вечером, ужиная чем бог послал с обруганным начальством, поучал их дружелюбно по части гибкости, политкорректности и толерантности: «Понятно, область наша глубоко дотационная, не сеем и не пашем, не точим и не куем, так хотя бы не раздражайте, господа-товарищи, народ наш многотерпеец! А то и вам не усидеть на своих теплых местах, и мне могут по шапке дать».

Как человек многоопытный, даже не совался потолковать с народом о возрождении промышленности на разоренных, обезлюдевших заводах с трехсотлетней историей. Там только вахтеры, ремонтники текущие да многочисленное начальство без подчиненных осталось.

Наступила в Тулуповске эра всеобщего административного восторга. В утренних, дневных и вечерних новостях по местному телерадиовещанию фигурировал только Тетеря, по-хохлацки словоохотливый. Иные действия его вызывали всеобщий восторг. То покажут фас-анфас-профиль Вадима Владимировича, по-ленински поддерживающего комель бревна на весеннем общегородском субботнике, то его же в

бутафорской белой каске идущего со свитой по цеху химкомбината в Бортянске — первенцу сталинских пятилеток, уже двадцать лет как поглощенного транснациональной корпорацией «Проктер-энд-Гэмблом». Или в плакатной асбестовой рыбацкой шляпе сурово смотрящим на домну металлургического завода, тоже с четверть века выдающему на горá литевой чугу́н за бугор...

Верхом административного восторга стала постройка в главном парке города площадки для конного конкурса с «губернаторскими» трибунами, где в погожий воскресный день Вадим Владимирович, окруженный цветником самых матеро-красивых баб из обладминистрации, весело рассказывает приличные анекдоты и похваливает стать конкурных лошадок. На соседней же поляне — прямо по траверсу взгляда губернатора, изображающие пейзаж в сарафанах и цветистых рубашках молодки из областной филармонии водят хоры и поют про ягоду-малину.

А по местному радио-телевидению дикторы и дикторши, не уставая, наперегонки расхваливают деловые качество и энергичность нового губернатора, наконец-то пришедшего на замену замшелого, погрязшего в копании канав под трубы и ремонт крыш прежнего главы области, совкового Героя Социалистического труда...

Включишь (по ошибке) телевизор на местных новостях, а там два разнополых ведущих рассказывают про подвиги сегодняшнего дня Вадима Владимировича. «Само небо послало нам наконец-то такого главу области...» — восхищенно щебечет дикторша. — «Да, — крутя головой от переполняющего восторга, вторит ей диктор, — никуда не денешься, повезло нам с губернатором!»

И потекла в Тулуповской области-губернии не

жизнь, а одна патока с медом. Все веселы и довольны. Не сеют и не пашут, все поля бурьяном поросли, с заводов с трехсотлетней историей последние вахтеры с текущими ремонтниками потянулись к кадровикам с заявами «по собственному». А все почему? Область как была глубоко дотационной после уничтожения в девяностых «оборонки», так такой и осталась. Все дело в губернаторах! Прежний был ярым коммуняком, так и область дотациями обносили, а нынешний сверху поставлен, свой партбилет (на всякий-який) еще после геройского танкового обстрела Верховного Совета, запаяв в три слоя полиэтилена, закопал в землю на старой, еще совковой дачке родительской, пометив схрон зарубкой на близрастущей яблоне. Потому и поощрительные дотации идут и идут.

Не жизнь, а малина со сливками, произведенная на заводе продуктовой химии транснациональной корпорации «Вим-билль-дан». Из дотации всем категориям служащих хватает на хлеб со сливочным маслом из китайского сухого молока, взбитого с малазийским пальмовым же маслом.

Малочисленные военные и многочисленные менты-полицейские прямо от государства кормятся на повышенных окладах содержания. Чиновники блаженствуют, исходя из закона Клайперона — Кляйн-гротхауса: чем больше масса, в данном случае денег, у хаотически движущихся частиц, тем большую энергию (взятку) они отдают в управляющий ими механизм (чиновникам).

...Поскольку дело еще не дошло до водочно-табачных ограничений, то цветет и пахнет малый бизнес, окормляющий средний класс — читай: 100 %ное торгашество-спекуляция. А энергичные представители северо- и закавказских торговых диаспор за-

строили все пустоты между домами города мега- и супермаркетами, в которых вся ближняя Москва отмывает черный и серый нал. И по всей губернии сплошные праздники — без выходных.

Вот эта-то диаспора и сгубила Вадима Владимировича, опрометчиво вступившего на внешне заманчивую стезю опасной профессии.

◆ Начался закат административного восторга с обретением Вадимом Владимировичем многочисленных врагов из бывших своих, облагодетельствованных чиновными местами полковников. Хохлы, даже во втором-третьем поколении обрусевшие, как Тетеря, люди, конечно, в целом хорошие, очень на нас похожие — одна история, одна восточнославянская кровь! Но жизнь с тринадцатого по середину семнадцатого — до воссоединения с Россией — веков между татар крымских и золотоордынских, турок, поляков, литовцев, собственно москалей, на западе еще и австрияков, да с самоуправной Запорожской Сечью, не была малиной. В отличие, например, от кацапов московитских, которые с ледовитого севера и песчано-пустынного юга супротивников не имели. На востоке дождались терпеливо, пока в Золотой орде пойдет раздрай, после чего Иван Грозный завоевал все их города с весями, после чего казанские татары переквалифицировались в купцов и московских дворников.

И на западе все устаканилось: по центру оборону держали дружественные запорожцы. На северо-западе сначала Александр Невский с союзной тогда татарской конницей отогнал тевтонов, а попозже при Грюнвальде литовцы-язычники и литовцы-белорусы вовсе немчуру расколошматили. А потом и Потемкин—Таврический турок с Дикого поля и Крыма турнул, основав веселый город Одессу-маму.

А вот братьям-хохлам пришлось долго изворачиваться на все четыре стороны света. Оттого в характерах их гено-фенотипически образовалась неизбывная подозрительность и мнительность. Она-то и сыграла основную роль в обретении Вадимом Владимировичем сонма врагов по возвращенной его трудами полковничьей администрации.

...Однако на этих рассуждениях Игорь Васильевич взял сам у себя тайм-аут и вспомнил, в связи с административной грацией-восторгом, свое третье и последнее общение с Тетерей. Правда, заочное.

Ободренный визитом новоназначенного губернатора в его университетскую лабораторию, Скородумов, радея о своем детище — журнале «Феномены разума: XXI век», начал писать Тетере письма о включении издания отдельной строкой в программу финансирования облбюжета по разделу науки, образования и техники.

Дело в том, что университет ни копейки живых денег на издание журнала не давал — только печатал в своей типографии тираж. И за это, конечно, Игорь Васильевич искренне и неоднократно благодарил предыдущего и нынешнего ректоров, но необходимую работу по подготовке, верстке и так далее номеров к печати он оплачивал из своего сиротского профессорского жалованья, чем вызывал недовольство своей доброй супруги. Вот наш профессор и просил доппомощи в издании журнала.

Надо отдать должное военизированной администрации: в положенный десятидневный срок ответ из научно-образовательного департамента приходил: мол, идею и практику издания столь полезного журнала одобряем-с, но денег в администрации нет и не будет. Вхожие в «белый дом» на площади имени Владимира Ильича доходчиво объяснили наивному профессору:

до губернатора всякие просительные послания не доходят, а департаменты их рассматривают серьезно, без отписки только по звонку от главы области. Военное единоначалие! Они же посоветовали придумать такой ход, чтобы письмо попало на стол губернатору. Далее как повезет: вспомнит ли он профессора, да с какой ноги поутру встал, с кем ночку ночевал и так далее.

По субботам к Игорю Васильевичу иногда заходил поговорить о том, о сем его бывший коллега по инженерной работе в «Меткости», ныне свободный пенсионер Вольдемар Вольдемарович Пфафлер — из бывших поволжских немцев. В один из таких визитов тот сообщил новость: Тетеря взял на должность своего технического помощника — портфель за шефом носить — их общего знакомого Гену Козленкова. Действительно, Гена работал в *НПО* в их отделе начальником сектора, затем замначальника отдела.

Был он весело плутоватым человеком интересной жизненной судьбы. Срочную служил на Новой Земле в ядерно-испытательной военной части, матросы которой после очередного взрыва обследовали территорию, снимали показания с расставленной загодя измерительной аппаратуры. В высоком воинском звании «страшный», то есть старший матрос вернулся в родной Тулуповск, окончил здешний политех, трудился в радиолокационном *НИИ*. Затем по партийной линии завербовался на якутские золотые прииски на интересную должность: с наганом в кобуре и винтовкой на плече разгуливал по драге, смотрел, чтобы иной работяга-старатель не спер завалявшийся самородок.

В конце смены Гена отпирал опечатанную им же с утра дверцу контейнера-накопителя, пересыпал зо-

лотой песочек и самородки в спецсумку, печатывал в присутствии начальства драги и уносил в свою каюту, где стоял бронированный сейф. Получал очень даже хорошую зарплату с доплатой же от «комитетчиков».

Когда драгу ставили на ремонт, то на паритетных началах с начальником заказывали из Якутска или Ленска два ящика коньяка и впадали в освежающий двухнедельный запой. На материке, то есть в Тулуповске, супруга Гена воспитывала двух дочерей. Наличие их убедительно показывало: советские атомные и водородные бомбы — самые «чистые» в мире. И вообще, якобы отрицательное влияние радиоактивных излучений на мужскую потенцию, эрекцию и сперматогенез — чистый миф! На эти качества плохо влияют лишь низкий оклад, плохая закуска и сварливая, быстро обабившаяся жена.

Заработав на трехкомнатный кооператив, «Волгу» ГАЗ-24 бежевого цвета, кирпичный гараж с дачей и «пухлую» цифрами сберкнижку, Гена вернулся домой, пошел снова трудиться по радиолокационной теме в «Меткость», куда на повышенную зарплату уже перебрались его друзья по прежнему НИИ.

От запойного золотопромышленного пьянства его быстро отучила супруга-казачка: «Еще раз в рот хоть стопку вольешь — возьму детей и уеду к родителям в Воронеж. Навсегда». И перешел Гена на сливовый компот, который искусно варила супруга-казачка. В день — и круглый год так — он выпивал по трехлитровой банке. Успешно заглушал синильной кислотой, что в тысячных промилле содержится в сливовых косточках, тягу к «кирке».

Имея склонность более к административной работе «на подхвате», нежели к технике, Гена пришел-

ся по душе Тетере, тогдашнему главному инженеру «Меткости» и стал его негласным, а потом и гласно-должностным помощником-порученцем. Став губернатором, тож и Гену забрал с собой, выделив ему для чиновничьих упражнений комнатку рядком со своим кабинетом.

...И еще Вольдемар Вольдемарович похвалил Гену: не зазнался, мол, на такой высокой должности! Звонил он ему, просил малой помощи: супругу-врачиху Пфаффера пыталась выжить из родной ее поликлиники главврачиха. И бывший коллега решил вопрос положительно через здравоохранительный департамент. «Тебе, Васильич, сам бог велел Гену попросить: профессор, человек известный, журнал научный издаешь!»

Скородумов ободрился. Понимая всю тонкость просьб к столь важному чиновнику, хотя и почти прежнему приятелю, не стал звонить Козленкову, но два вечера проторчал у здания администрации, вроде как интересуясь памятником Ленину у парадного входа. И дождался выхода уже в наступившей темноте Гриши. Поздоровались. Вроде как метров двести идти им оказалось по пути. Вспомнили веселое житье-бытье в «Меткости», прежних своих начальников. Мягко Игорь Васильевич перешел к своей докуке.

— Понимаешь, дорогой мой профессор,— по-серьезней Гена,— дело это непростое. А вдруг у тебя с Вадимом Владимировичем ранее по работе какие-то трения были? Или журнал твой когда-нибудь засветится в части неугодности нынешнему порядку вещей? И получится, что ты меня подставишь со всеми вытекающими оргвыводами.

Узнав же, что Тетеря еще в самом начале губернаторства приезжал смотреть опыты в лаборатории

Скородумова и даже по старым связям «навел» на него московских генералов, Гена одобрительно кивнул и заговорил по-деловому:

— Все равно, так у нас, в руководстве, не принято напрямую что-то рекомендовать, письма со стороны, вроде как лично, передавать первому лицу. Предлагаю следующий план. Та-ак, сегодня у нас среда. Вадиму Владимировичу стороннюю почту приносят в два часа по пятницам. Значит, часов в десять утра пятницы ты сдаешь письмо с приложением свежего номера журнала во внешнюю приемную — это со стороны бывшей фабрики-кухни, ныне здания Сбербанка. Там регистраторша сидит в своей комнате — без пропуска вход. Только проследи, чтобы она спросонья не пустила письмо и журнал по разным входящим.

А далее я в дело вступаю. Ровно в двенадцать всю губернаторскую почту относят на наш седьмой этаж к Егор-Петровичу, который сортирует ее по департаментам и комитетам. И я к нему зайду, вроде как интересуюсь письмом для Вадима Владимировича из Москвы — от Проминвестбанка. Мы с ними активную переписку ведем, так что Егор-Петрович, матерый служака с нюхом почище таможенного пса, ничего не заподозрит.

Стою я рядом, жду, пока Егор-Петрович всю пачку входящих перелопачивает, смотрю на адреса — жду проминвестовский пакет. И вдруг, увидев твое письмо с журналом, радостно так, в то же время и снисходительно, восклицаю: «Ба-а! Смотри-ка? Сам Скородумов вспомнил нас!» — «Какой-такой Скородумов, — бормочет Егор-Петрович, — не ведаю, кто такой», — и уже готовится твое письмо в папку для департамента науки положить. А я ему: «Скородумов — известный профессор из универси-

тета, а раньше вместе с Вадимом Владимировичем в «Меткости» трудился».

«Да-а,— смотрит Егор-Петрович на меня чекистским взглядом,— и ты его знаешь?» — «Нет, не знаю, просто фамилию не раз слышал и в «Меткости», и сейчас — от университетских знакомых». Егор-Петрович все колеблется: куда бумагу-то класть? Вспоминает, что внуки подрастают, скоро им в университет идти — и кладет твое, Васильич, письмо в папку *Самого*. И дело в шляпе, и я вроде как в полной стороне!

◆ — Однако, товарищ-господин Геннадий, сложная и опасная работа у вас в администрации. Целый спектакль требуется без режиссера и оркестра поставить, чтобы письмо по начальству передать!

— А ты как, друг мой сердешный, думал? Это тебе не наша прежняя военпромовская простота: к главному инженеру командировку подписать простой инженер без доклада входит! Правда, ты-то уже не застал, но Вадим Владимирович, став главным, это панибратство прекратил. А так к любому начальнику, исключая Гусакова, любой может зайти. Поругавшись же, может и незлобивым матерком шугануть...

— Да и самого Гусакова по его молодости и несдержанности шугали!

Скородумов и Гена, вспомнив были «Меткости» на этот счет, ухмыльнулись и распрощались на перекрестке.

— Результата жди не от меня, а по официальной почте,— напомнил Гена.

...Результата Игорь Васильевич так и не получил. Наверное, Тетеря не вспомнил профессора с опытными крысами. Тем более, судя по местным газетам, губернатор в это время увлекся развитием пивоваренной промышленности в городе и области.

После разговора с Геней Козленковым для прочищения мозгов, впавших в одурь, Игорь Васильевич зашел в попутную «стекляшку», хлопнул сто пятьдесят, закусил бутербродом с бужениной и взял неторопливый курс на свой дом, обстоятельно-сравнительно рассуждая. Действительно, что-то сгнило в королевстве датском. При прежнем губернаторе, Герое Социалистического труда, без всякого политеса и козленковских спектаклей, выписав пропуск в здание областной администрации, за час с небольшим собрал все нужные подписи председателей комитета и департамента, двух вице-губернаторов на наградных документах, отдал папку с ними секретарше губернатора, который в тот день уехал в район, а через несколько месяцев из рук того же главы области получил удостоверение и знак Заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

О простоте же нравов в той же «Меткости», известной на весь мир оружейной «фирме», которую два президента *США* объявляли, как фюрер подводника Александра Маринеско и диктора Левитана, чуть ли не личными врагами, и говорить нечего. Вот и расставаясь с Геней, не зря они ухмыльнулись, вспомнив бытовавшие в «Меткости» были: как осаживали и самого Гусакова.

Первая из них передавалась уже под сорок, а то и поболее лет таким сюжетом. Приехал из Подмосковья в Тулуповск новоначенный начальник и главным конструктором Гусаков, только что защитивший кандидатскую диссертацию, еще молодым, горячим и несдержанным, плохо знающим характер местного мастерового народа. Вошел в курс дел в Конструкторском бюро — предшественнике «Меткости», где разрабатывали и доводили до ума скоро-

стрельные авиационные пушки и противотанковые ракеты.

Надо сказать, что, конечно, и ракета сразу не полетит, куда ей назначено, если ее сварганить по чертежам, хотя бы в чертеже и заложены самые точные физические и математические расчеты-выкладки. Доводка же «до ума» требует месяцев и годов. Но — опять же все по уточняющим расчетам и результатам испытаний. Здесь все зависит от инженеров-расчетчиков, баллистиков, двигателистов. Работяги же просто собирают, никак не своевольничая, ни на микроны не прегрешая против чертежей и карточек-изменений к ним.

А вот пушка сверхскорострельная, хотя и мала, весом не более двадцати-тридцати кило, вовсе на вид и не похожая на привычную нам по фильмам сорокапятку или трехдюймовку, та вообще «по чертежам» стрелять не будет. И инженеры многоопытные разводят руками: не стреляет и все. Либо на короткой очереди замолкает. Одна надежда: скоро выйдет из отпуска или легкого запоя по случаю рождения третьего внука Григорьич — простой, да и не такой уж простой слесарь-наладчик, — в десятом поколении оружейников ведет свою родословную от обитателей Носковской слободы.

Прибудет Григорьич, осанистый, башка — что самовар, в плечах широк, но в ногах коротковат и кривоват. Снимет — время зимнее — свое несносимое ватинное пальто «гроб с каракулем», шапку-хрущевку, переоденется в работное, промасленное, а сам начальник цеха опытного производства, расспрашивая о здоровье внуков, ведет его к верстаку со злосчастной пушкой.

Час Григорьич вертит пушчонку в своих пудовых кулачищах, другой и третий. Что-то решив, вынима-

ет из ящика-короба своего слесарного стола трехгранный драчовый напильник и деревянную кувалду. Тут и заинтересованный директор опытного завода подходит, поздравляет слесаря третьим внуком. И никто не удивляется, когда Григорьич напильником в одном ему ведомом месте прорезает малую канавку на затворном сложном механизме. Затем вытягивает пушку в кулачище стволом вверх и трижды бьет кувалдой по жерлу огнестрельного прибора. «Тащи в тир», — сует пушку своему бригадиру. И через час половина города вздрагивает от долгого дробящегося грохота* со стороны лесистой окраины: вместо расчетных пятисот подпиленная и окувалденная Григорьичем пушка выплюнула в подземном тире две с половиной тысячи снарядов! — Без заминок и запинок.

Это такая специфика пушечного скорострельного и стрелкового оружия: чтобы оно стреляло без осечек, да еще в пустыне Сахаре и на Северном полюсе, нужна интуиция доводчика, многодесятилетний опыт — словом, специфическое шестое чувство. Для этого таких григорьичей холят и лелеют, но и они себе цену очень хорошо знают. Директора серийного заводов, начальники и главные конструкторы НИИ и КБ первыми им при встрече руку протягивают и осведомляются о здоровье домочадцев.

...На такого вот Григорьича и нарвался молодой и горячий еще Гусаков, знакомясь с работой цехов опытного производства. Как раз тамошний умелец в пушечном цеху с помощью молотка, зубила и легкого мата в адрес «инженеро́в» что-то правил на зеркаль-

* Поскольку вторая половина Тулуповска в те давние времена вздрагивала от такого же грохота со стороны завода, серийно выпускавшего пушки «Меткости», то среди горожан «органами» распространялась «легенда»: это испытывают рельсоломы для ремонтных нужд железнодорожников.

но отполированном механизме выбрасывания гильз огнестрельных снарядов. С удивлением он узнал от гонористого нового начальника о своей умственной неполноценности и других схожих качеств. Настолько изумился, что соскользнувшим зубилом пробил бороздку на три миллиметра в сторону от нужного.

Отбросив в раздражении инструмент, поднялся во весь свой криволапый рост, выдал в адрес и лицо Гусакова длинную тираду, где из печатных слов присутствовало только: «...Хотя ты кандидат, но...».

Взбешенный Гусаков взлетел по металлической лестнице на боковую антресоль цеха, где в остекленных клетушках помещалось цеховое начальство, ворвался в кабинетик директора опытного производства и потребовал тотчас уволить «этого Кулибина с зубилом». «Никак невозможно,— спокойно ответил тот,— во-первых, кто будет пушки до ума доводить? Во-вторых, перед самым вашим приходом на предприятие Нифонтова наградили орденом Трудового Красного Знамени...» — «Может еще и «в-третьих» есть?» — съязвил Гусаков.— «Есть, я сам начинал трудовую деятельность учеником слесаря у Нифонтова».

На требование хотя бы депримиловать «Кулибина» за квартал, директор также спокойно пояснил: «Вам же дороже обойдется. Вручая Нифонтову орден в Миноборонпроме, начальник нашего главка установил ему полуторную постоянную премию и сказал, что когда будет в Тулуповске, так обязательно зайдет к нему в цех».

Гусаков молча ушел, но с тех пор, бывая в опытном производстве, на участок с верстаком «Кулибина» не заходил.

Прошли годы и годы. Гусаков стал знаменитостью в военно-промышленном комплексе. Главное —

после случая с Нифонтовым смирил врожденную гордыню, понял, что в промышленной среде нет паркетных генералов и административной грации. И вообще — любой человек имеет свою цену и знает ее.

◆ Второй же казус, устойчиво бытовавший в молве тружеников «Меткости», случился вроде как перед самым поступлением Игоря Васильевича на службу в орденосное предприятие. Рассказывали о нем в инженерских курилках матерые конструкторы в таком примерно изложении.

Распределили на работу в «Меткости» молодого специалиста *Н.*, окончившего военно-технический факультет местного политеха. Парень был умный, но с норовом, крайне обиженный тем, что на заслуженное им вполне место в аспирантуре взяли сокурсника с мохнатой облизполкомовской «лапой». С самого начала он заявил начальнику отдела: «Работать я здесь не буду, поеду в Москву поступать в аспирантуру в Баумановку. Прошу уволить». На что начотдела резонно отвечал, что по закону молодого специалиста даже министр уволить не имеет права!

А раз так, то *Н.* начал валять ваньку, оно же — дурака, дожидаясь окончания трехлетней обязательности. Нет, от работы он не отказывался — могут по статье уволить, а это кранты для аспирантуры. Избрал он, как человек умный, тактику японской забастовки. Всем известны обычная и итальянская стачки, но мало кто знает о японской. А она следующая: рабочие и инженеры начинают все делать сугубо, строго исполнять все инструкции, правила и предписания. Во всем же мире они составлены таким образом — береженого бог бережет, — что при строгом их исполнении вся работа прекращается: останавливаются конвейеры, затихают станки, даже домны закозливается остывающим чугуном. Начальников отдают

под суд якобы за нескромное предложение своим секретаршам провести тет-а-тет выходные (уик-энды) на загородной вилле. И так далее.

Вот и наш *N.*, получив от своего непосредственного руководителя задание за пару недель разработать и спаять макет простенькой радиосистемы, берет у отдельской кладовщицы пухлую конторкорректную книгу-журнал для записей и, будучи отменно технически подкованным, все эти две недели полный рабочий день заполняет его формулами, схемами, пространственными пояснениями и комментариями.

По окончании срока руководитель подходит к трудолюбивому подчиненному и протягивает руку ладонью вверх: давай, мол, действующий макетный образец — печатную плату с распаянными на ней конденсаторами, транзисторами, резисторами и прочими цацками. А тот ему на ладонь конторкорректную книгу с восьмьюдесятью листами исписанными. Раскрывает изумленный начсектора гроссбух на последней странице, а там резюме: «Проведенные расчеты, см. также список использованной литературы из 128-и наименований, показывают, что, согласно формулировке ТЗ, то есть технического задания, разработать данный электронный функциональный узел с требуемыми параметрами однозначно невозможно». — И личная подпись *N.* с датой.

Начсектора, взбешенный донельзя, — к начотдела. Тот вызывает *N.*, стыдит, матерится, убеждает. — Без пользы. Когда число исписанных гроссбухов на столе начальника отдела вырастает в стопку, тот ведет его к начальнику отделения... Словом, через полгода отводят для оргвыводов *N.* к самому Гусакову. О происходившем в его кабинете за закрытой тамбурной дверью разнесла глухая молва со ссылкой на матерую усатую секретаршу. Вроде как

из-за двери доносились матерные крики и угрозы обоих голосов: баритона Гусакова и тенора *Н.* Потом раздался грохот и в растворенную пинком дверь вышел *Н.* Еще в наступивший обеденный перерыв секретарша выметала в кабинете пол, усыпанный мраморной крошкой разбитого о стену пресс-папье. Кто в кого его метал, слава богу, не попал, — то осталось тайной.

...Война войной, но обед вовремя! И *Н.* отправился в столовую. По выходе из нее к нему устремились вспотевшие от беготни кадровичка Вера Ильинична и дежурный на этот день по охране объекта старшина — не по званию, но по должности — Кандыбин.

— Ишь, он еще и обедает! — возмутилась Вера Ильинична. — На, держи свою трудовую книжку и расчет; с воинского, профсоюзного и комсомольского учета тебя уже сняли.

— А чего денег так много? — на глаз оценил *Н.*

— Смотри-ка, он еще претензии заявляет, — возмутилась кадровичка, — зарплата за этот месяц, неиспользованные отпускные и двухмесячный оклад!

— Это зачем оклад-то, — искренне удивился *Н.*

— А затем! Уволить тебя по статье, чего ты заслуживаешь, или по собственному нельзя как молодого специалиста. Поэтому запись в приказе и трудовой книжке пришлось сделать «по сокращению штатов», а таким положена двухмесячная компенсация.

Вера Ильинична, не прощаясь, убежала, а старшина Кандыбин довел его до проходных, изъял пропуск, на прощанье подмигнул и даже приложил ладонь к фуражке.

◆ Игорь Васильевич усилием воли прервал сладостные ностальгические воспоминания о прежней, иной жизни — без административных восторгов,

излишней казенщины, суконно-цинковых рож и сопровождающих их хамелеонства, обдумывания самых обычных слов — не дай, бог, не так поймут... и, конечно, без бабьей двуликости: сегодня она «подмахивает», завтра же, если в немилость попал, кривит размалеванную от *авоп* физиономию. В эпоху административной грации и восторга даже естественный половой инстинкт превращается в донельзя искривленное дам — не дам. Бедные женщины! И мужики тож.

...Прошел первый год губернаторства Тетери; местные газеты, теле- и радиоведущие без конца твердили: «Да, повезло нам с губернатором!» Народ развлекали городскими праздниками по поводу и без повода. Кавказские торговые диаспоры без устали возводили гигантские торгово-развлекательные центры. Административный восторг едва ли не бомжей охватил. А «ближний круг» Вадима Владимировича, полковники-администраторы с энтузиазмом ударников первых пятилеток ни одной бесхозной и «хозной» копейки мимо своего кармана не пропускали. Ведь всем известно, что военные новой, демократической формации плоть от плоти своей эпохи: чиновничье-торгово-потребительской. Тем более — времена мирные наступили, чечена замирили по древнему, как сам, принципу: мир в обмен на деньги. Да еще впридачу фактически полная независимость, только в НАТО и Евросоюз вступать нельзя... да кто же их, гордых, туда возьмет себе на шею?!

Так что и фронтовая жизнь нынешним военным только что в страшных снах может привидеться.

Набирая мундирную команду («Команду новую да всю хреновую», — как поется в старой матросской песне «В Кейптаунском порту»), Тетеря, еще не отвыкший от военно-промышленной — со времен

«Меткости» — наивности полагал: конечно, без воровства ныне чиновник состояться не может; это будет нонсенс и вообще подозрительно, но брать надо по совести, по чину, не зарываться и делиться побратковски!

Увы, первым огорчил добрейшего Вадима Владимировича медицинский полковник, стриженный короткошерстным военным «ежиком» и поставленный на здравоохранительный департамент. Да еще как огорчил! — Попался на всероссийски засветившейся многомиллиардной афере с томографами. Даже по центральному телевидению фамилия короткошерстного полковника медслужбы не раз была озвучена.

Здесь-то Вадим Владимирович, лишенный чувства фронтового братства, совершил первую трагическую ошибку: даже для приличия не вступился за проштрафившегося, но тут же, как св. Петр от Христа, трижды отрекся. Живи сейчас Александр Сергеевич, кстати, тоже чиновник, камер-юнкер, предрек бы судьбу Тетери: «Повсюду страсти роковые и от судеб защиты нет» (поэма «Цыганы»).

...Не только отрекся, но и уволил тотчас еще двух зарвавшихся полковников с департаментских сидел. Тем более что один из них, ражий, кровь с коньяком, скандально обрюхатил в порыве административного восторга слабосовершеннолетнюю дочку первогильдейского в городе купца.

Пошло и поехало. Боясь неодобрительного окрика сверху, весь срок первого губернаторства Тетеря увольнял да увольнял заподозренных. Ни единого полковника, исключая его самого и генерала Рысьева, не осталось на должностях. Всех заменил на более осторожных во взяточных делах штафирок. Немного отдохнув от административного рвения, занялся было утолением другой страсти военного: увеши-

вать свой парадно-выходной пиджак знаками наград разных общественных академий и обществ. Благо их много развелось.

Задумал возродить губернский политес, водящих на лужках хороводы пейзаж, соревнование по конкурсу также... Но гражданские суконные лица новой команды тоску наводили. Опять же попались «на благодарностях» двое из штатских департаментских.

В то время первый срок закончился. Без проволочек сверху утвердили на второй. Стало быть, заматерел на должности. Пора и о семье позаботиться. У других губернаторов виноградники во Франции, виллы в Италии и Флориде. А у него — ништяк! Супруга же, уже перешедшая из разряда молодухи в губернскую матрону, начала часто вздыхать. Вот и детишкам на молочишко не всегда хватает. В доме четыре канадских холодильника для шуб, а один из них полупустой стоит; электричество, национальное достояние, напрасно жжется...

Финальная часть губернаторства Тетери — самая запутанная, детективная. Игорь Васильевич так и не пришел к определенному выводу. Впрочем, как и весь народ губернии.

В пользу личного мздоимства Вадима Владимировича, решившего поправить благосостояние своего семейства, говорило очень многое: достаточно алчный и энергичный характер, опять же детишкам на молочишко... главное, все берут, а я что — святой?

Солидные были доводы и в части подставы: слишком многих из «лучших» людей города и области он сдал лично. От других отсекся и не вступился в защиту. Да еще Интернет такое выдает, что и повторять, даже выйдя в чисто поле, страшно!

Главное, в судебные сети Тетеря попал некстати и не вовремя — при большой властной разборке:

очень многие поставленные сверху губернаторы не оправдали доверия и были смещены. Все это выглядело в глазах народа, особенно — за границы, так некрасиво, что в верхах приняли решение: снова вернуться к выборности глав регионов. Правда, с такими оговорками, что чужой духу централизованной демократии не пролезет. Понятно, в лучшую сторону губернский истеблишмент не изменится, зато — сами, мол, выбрали! Неча пенять на Москву!

Самое скверное, что Вадим Владимирович единственный попал под «образцово-показательный». Дело передали в районный городской суд, явно не соответствовавший персоналии обвиняемого. Дело тянули долго, видно ждали конкретных указаний, а срок, действительно, дали образцово-показательный: десять лет строгого режима! И это всего-то за пятьдесят «лимонов деревянных»? — Иному олигархеру, обокравшему полстраны, еле хватит на пару поездок в Куршевель, прихватив вагон столичных проституток ВИП-класса...

Такой же срок отсидел Ходарковский, недавно выпущенный и получивший последнюю лагерную зарплату: тысячу рублей с мелочью, денежный лауреат журнала «Форбс», но ведь Михаил Борисович совершил госпреступление, организовав замену президентской власти парламентской! За такое еще цари остров Сахалин и половину Сибири каторжниками заселили. А Тетерю-то за такие крохи...

И информация с судебного процесса какая-то не солидная. В стороне оставили взяткодателя, якобы «купившего» жилплощадь в центре города под супермегацентр торговли и развлечения. До денег Тетеря и вовсе не дотрагивался; они были сданы в ментовку неким посредником — отставным милиционерским же полковником. Ни он, ни взяткодатель,

охотно «сдавшие» экс-губернатора, даже порицания не получили. Генерал Рысьев, проходивший как соучастник, от всего отрекся, все свалил на бывшего друга Тетерю и был освобожден в зале судебного заседания. И все многомесячное судейство свелось, как следовало в освещении процесса *СМИ*, к доказательству смысловой идентичности слов «диссертация» и «взятка». Привозили из столицы за большие подъемные и прогонные эксперта по психолингвистике. Тот охотно подтвердил аутентичность диссертации и взятки: москвичу ли это не знать!

Народ наш добрый по русской привычке жалел Тетерю, поговаривал: «Опасная это профессия — быть губернатором!»

Картинка с выставки. Опальный чиновник; воспоминания о будущем — как бы не забыть номер своего швейцарского счета?

Картинка с выставки. Гусарская баллада

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ: УЧИЛКИ, ДОНОСЧИКИ И БЛОКЛЯЙТЕРЫ

◆ Наступила вторая половина хмурого в этом году декабря. В Америке все дороги замело снегом, в Европе холода, а у нас чисто осенняя слякоть. Затянувшаяся осень — как в природе, так и в жизни на 1/7-й, уже четверть века как не 1/6-й части земной суши. То есть слякотное безвременье, выстроенная чиновничья вертикаль власти. Последнее — по сравнению с лихими девяностыми — может, и лучше. Здесь эта самая власть, несомненно, права. Однако, скучно. Тем более, несменяемость летнего и зимнего времени и без того короткий световой день свела к минимуму: выходишь из дома на службу затемно, возвращаешься — то же самое.

По закону Архимеда — если где убыло, то в другом месте прибыло. Если Россия и Украина еще по старой памяти суть две трубы, в том числе газовые, то этот древнегреческий закон исполняется стопроцентно. У нас осенне-зимняя вялость, а в Киеве народ веселится на Евромайдане. Никак не успокоятся «заходники» из Львова, Ивано-Франковска и Тернополя.

Но то — высокая политика. Игорь же Васильевич готовился к скорбной в его жизни дате: завтра исполняется ровно год с начала его университетского импичмента. Еще ранним вечером отключил все связи с миром: свой мобильник, домашний телефон и, на всякий случай, домофон. Вдруг, как год назад, кто-то в ночи позвонит и снова скажет изошренную пакость? Посчитав, что опальный профессор еще легко отделался, в общем-то, сохранив свое *status quo* в университете.

Да Бог с ними... или Антихрист скорее. Все одно супротивников Игоря Васильевича кто-то из них накажет. Вернее, уже начал наказывать. Знал еще сызмальства, что кто-то из высших, что на небушке, не позволяет его безнаказанно обижать. Уже взрослым Игорь Васильевич даже опасался этой опеки. Подумаешь, не отдал мелкий долг («На бутылку дай, Васильич, трубы горят; вот ей-ей завтра-послезавтра сам тебе на дом принесу...») шапочный знакомый, а в комсомольско-половой зрелости из-за девичьей приязни двое на одного с кулачками кинутся... — Так зачем же так сурово с ними поступать верховному смотрящему? Зачем неисправного должника трех рублей (время советское) сразу в ЛТП* на два года определять, хотя бы и для его пользы? А про кулачных бойцов и вспоминать неприятно... Жалко их.

Игорь Васильевич, научный атеист, просил Бога быть снисходительным ко всем десяти, голосовавшим супротив него. Жалостлив был Игорь Васильевич. Щёку, конечно, не подставлял правую после битья по левой, сам мог уложить на асфальт обидчика, но полагал по своему староверческому и военно-морскому воспитанию, что обидевший его и сам обижен.

◆ В начало ночи на хмурую годовщину не спалось. Лежал на диване, смотрел, не вникая в суть дела, любимый пятый канал, он же ленинградский, он же бессмысленно-детективный. В ногах миролюбиво дремал личный кот. Кстати или некстати, мысли обратились к прекрасному полу, представленному на их факультете и в целом по университету диковинным паноптикумом, укрупнено поделенном на

* Для нынешних поколений, которые, кстати, печатные книги и в руки не берут: ЛТП — лечебно-трудовой профилакторий с тюремным режимом.

младший административный каганат — не по национальности, конечно, но по повадкам — и училок. Впрочем, сейчас и мужики в доцентских и профессорских липовых званиях — те же самые училки...

Про администраторш — от секретарш до декантских — и говорить нечего: смесь самок хамелеона и базарных баб. Училок при их внешнем разнообразии объединяет, как социальный класс, одно: от окончания аспирантуры, которая сейчас выполняет только роль остепенения будущих училок, и до выхода на заслуженный отдых все они на лекциях тарбанят раз наизусть выученный учебник по конкретной тоже раз навсегда избранной дисциплине. Какой? — А куда их деканат определит.

В принципе ученые степени и звания им, как козе баян, все одно никакой наукой они и в страшном сне не помышляли заниматься. Просто в начале девяностых годов, когда никому никакого дела не было до степеней и званий, число диссертационных советов в России выросло на порядок, а то и выше: каждый новоиспеченный «универ», доселе бывший захудалым провинциальным «педом», а то и вовсе коммунально-строительным техникумом, постарался — в отсутствии всякого ВАК-овского и Минобразовского контроля — обзавестись двумя-тремя советами, а то и десятью. Началась штамповка «ученых» кадров. Во-первых, чтобы училки вовсе не разбежались без доплаты за степень; во-вторых, чиновники Минобразования приняли раз и навсегда историческую доктрину: без степени преподавание запрещалось. Исключение временно допускалось для физкультурных училок. По понятной причине.

...Еще олигархеры и братки не завершили первый передел собственности, как число доцентов и профессоров по стране выросло в 6—8 раз. Поскольку

во столько же раз возросла и численность университетской администрации, то за полным отсутствием какой-либо научной работы, первая активно занялась бумаготворчеством, а бедных училок совсем заморили. Кстати, вспомнил Игорь Васильевич сегодняшнее электронное письмо от хорошо знакомой московской профессорши, часто печатавшейся в его «Феноменах разума: XXI век». Марина Петровна — прежней, советской закалки, не из числа училок, но и ее загнали за Можай бумагосочинительством. Пишет она ему: «Доброе утро, Игорь Васильевич! Мы тоже куем педагогических кандидатов. В следующую среду у нас в совете три защиты. Тут Вы впереди: пять за один день!

Однако большая часть времени уходит на составление бумаг. Теперь вместо УМКД (не к ночи будь помянут) пишем Рабочие программы и Фонды оценочных средств (ФОС), а еще массу бумаг в новом формате типа Программа вступительных экзаменов, Программа ГИА с компетентностным подходом, Программа научно-исследовательской работы магистранта и прочее, что ранее было, но не требовалось, чтобы обязательно на каждый шаг и в четко определенных словах, например, убрали из документации слова «сотрудники», «студенты», вставили «работники», «обучающиеся». Да чтоб форматирование (поля, нумерация страниц) было у всех одинаковым. С другими полями документ не принимается. Словом, чиновникам университета есть работы. Беда в том, что эту работу выполняет рядовой заведующий кафедрой. Потому нет ему времени обдумать, какой новый ход совершить в занятии со студентами. Нет времени на статьи и монографии, на чтение книг. Об отдыхе и семье вообще не говорю. Это явно лишнее».

...Кстати, поскольку даже липовые диссертации

по физике, математике, медицине и биологии, философии и пр. требуют непосильных для училок мозговых напряжений, то в те же «лихие девяностые» — не только в бандитском предпринимательстве — ввели в обиход такие отрасли диссертационных знаний, как политические и социологические науки, то есть пустопорожнюю говорильню. Но — мысли Игоря Васильевича снова вернулись к портретам знакомых ему факультетских училок. Почти все они замужем, но опытные сторонние люди, например, встречные на улице, особенно из мужиков-«ходовков» и офисно-конторских бабенок бальзаковского возраста, не задумываясь, мимолетно оглядев училку, автоматически отмечают: старая дева всего-то в сорок лет! Ибо таковую всегда выдает обувь: часто не совсем по сезону и монашески стоптанные. Не потому что в деньгах нуждается, а не следит за собой. Главное — на низких каблуках, ибо по восемь часов в день они стоят у аспидной доски с мелом в руке или прохаживаются между рядами столов с дремлющими от скуки студюзусами. А такая жизнь на ногах даже при среднем каблуке приводит к учительскому профзаболеванию: артриту в разных его вариантах. И вообще вся их одежда — преждевременная по возрасту. По причине вечной озабоченности некогда, да уже и не хочется, походить по супермаркетам, армянским дворцам-магазинам, а утром с полчасика постоять дома перед зеркалом — макияж навести...

Еще сложнее представить университетскую училку, даже самого женского сексуального возраста — без стольких-то сорок — в постели. Конечно, с законным мужем, в самом крайнем случае — с постоянным сожителем, ибо на любовников у нее нет ни времени, ни особого желания: все мысли об успевае-

мости студентов и всепоглощающей отчетности перед деканатом и учебно-методическим управлением.

Лежит такая, без одежды даже и красивая, женщина в постели молча и недвижимо, со скорбным выражением лица и наморщенным лбом — размышляет об учебном процессе и промежуточной аттестации второкурсников по стобальной, болонской системе. А мужик ее трудится, уже второй пот со лба тыльной стороной ладони смахивает, она же все молчит и молчит.

И вот он — момент истины, сам мужик уже застонал-замычал сладострастно, а тут мобильник супружницы запел-зазвенел, она же змеей шасть из-под разгоряченных шести пудов и опрометью к серванту с телефонным прибором!

— Ты что, дур-ра!

— Ой, Вась, наверное из деканата звонят по расписанию на следующий семестр!

— Посмотри на часы,— орет взбешенный донельзя супруг,— начало двенадцатого ночи! Весь кайф испортила, дурища педагогическая!

Пойдет мужик на кухню, достанет из холодильника бутылку, хлопнет пару стопок, задумается: не пора ли начать похаживать к Верке, цеховой их нормировщице; красивая девка, так и льнет к нему, самому видному начцеха на заводе... Кстати, вспомнил и сегодня слышанный анекдот, как сваты деревенские расхваливали в доме невесты конюха Петьку: смирный он у нас. Не пьет, не курит, по девкам не шляется, а с печи столетняя старуха шамкает: «Не дурачок ли ён у вас?»

Так и здесь, только наоборот — он и она.

◆ Василий-то, вне всякого сомнения, объект кейфования своего быстро найдет: еще пару-тройку раз его училка выскользнет из-под него в полночь

на зазвеневший мобильник, начнет заглядывать после работы к любвеобильной Верке. Совецались, мол, в дирекции допоздна. А порой будет уезжать в командировку на субботу-воскресенье... со смежниками в Орле надо поработать над планов громадьем. Супруга и слушать не будет, своих дел в универе хватает, да и отвлекаться на готовку мужу не надо. Довольны оба, тем более, долг перед обществом исполнен: дочка в школу ходит.

Избавилась училка от супружеской доуки, зато в университете, в главном корпусе, выселив в полуподвал кафедру электрохимии, образовали сразу два новых отдела, а над ними — управление по инновациям в учебные методики с соответствующим менеджментом контроля над сочинением и внедрением этих самых методик. Все училки ахнули в непритворном ужасе: заново переписывать-перекладывать всякие рабочие программы, учебные комплексы, тесты и методички.

Но если раньше, понимая, что все эти талмуды никто и никогда не раскроет, просто перепечатывали титульные листы, подписывали в Главном у всяких служб и сдавали на хранение кафедральной лаборантке Галочке, то теперь во вновь созданных отделах и управлении ввели должности читалок, которые по мере вычитки расписываются в низу каждой страницы!

...Да еще вдобавок негласно объявили месячник взаимных доносов. В целях укрепления дисциплины и во исполнение последних указов Госдумы о ликвидации в госучреждениях случаев пьянства, курения, матерного словоизъяснения. А по филологическому факультету еще и изъятия из любых платных и электронных тестов вполне пристойных аналогов матерных слов. И даже ранее, при царях и генсеках, не

вызывавших подозрений эвфемизмов, например, второй буквы алфавита с многоточием*. Опять-таки в наш век всеобщей толерантности и межнационального уважения не побоялись покуситься на языковое богатство братского татарского народа, в языке которого это самое слово, начинающееся со второй буквы русского алфавита, является вполне литературным, хотя бы и в несколько иной фонетико-грамматической форме. И есть самоназвание первой древнейшей (вторая — газетная журналистика).

...Так и не мог понять Игорь Васильевич: запрещена ли у нас в стране проституция? Вроде как не было такого указа. Тем обиднее для девушек-женщин, которых в просторечье именуют словом на вторую букву алфавита: любвеобильность-то никто не запрещал и никогда не запретит. Ведь мужики — биологически полигамны. Даже крыса имеет право на двух самок. Законы же биологии даже госдума не имеет полномочий изменять!

Бог с ними, с филологами, но доносительство — это усада доброго русского народа. Еще на школьных уроках истории семиклассник Игорек Скородумов с интересом слушал, как Инна Тихоновна, любимая всей школьной братией «историчка», рассказывала о высокой культуре Древней Руси. Особенно она восхищалась новгородскими берестяными грамотами: «Вот и бумаги тогда в обиходе не было, так люди творческие на бересте свои сказания и поэмы записывали!» — Так ей в пединституте говорили.

Уже в приступе второй молодости, вспомнив слова восторженной и добрейшей Инны Тихоновны,

* Это не игривая фантазия автора: соответствующий указ сегодня по кухонному динамичу в интерпретации дикторши Радио России слышал...

книжечей записной Игорь Васильевич прочитал труды раскопщика берестяных грамот академика Рыбакова и книги других историков Новгородской республики. Оказалось, к его огорчению, сказаний и поэм в грамотах не оказалось вовсе. Все они относились к сутяжничеству: в основном, по линии доносительства.

◆ На Святой Руси, затем в Московском великом княжестве, потом в Российской империи и так далее, доносы были, есть и будут неизменным атрибутом общественно-личной жизни. Как только святые братья Кирилл с Мефодием изобрели нашу прекрасную письменность.

Чего хочет доносчик? — Только правды и справедливости ее воцарения «от барина». Вот, мол, прочитает грамоту, листок в клеточку из школьной тетради — приедет и рассудит справедливо. Здесь величайшим бедствием стал советский всеобуч двадцатых годов: все научились писать, а письмоносицы мешками волочили на свои почты доносы. Благо, к началу сталинских пятилеток Главбумпром снабдил всю страну школьными тетрадками в клетку.

Мудрые люди пишут в своих мемуарах, что поначалу и Иосиф Виссарионович почитывал ради интереса «выбранные места из переписки», но потом махнул рукой. Дескать, когда каждый на каждого донос напишет, то интерес к этому делу пропадет. Бывший слесарь, сам грамотный в первом поколении, нарком Николай Иванович Ежов этого не понял, за что и получил свои заслуженные девять грамм в затылок.

Лаврентий Павлович, как не знавший русских обычаев, дело это прекратил, вернул из лагерей и ссылки как доносчиков, так и их «клиентов». Тут и война подоспела, бумаги у народа едва хватало на

махорочные самокрутки. После войны не до доносов: надо страну восстанавливать. В «золотые» 60—80-е годы практика эта было перевелась. В девяностые, лихие и разнузданные, доносы некому было слать, а в братковской среде и того проще: «...Но в Кейптауне все решает браунинг, и англичане начали стрелять».

Но вот сейчас на дворе снова осень: политическая, экономическая и вообще всенародная. Жизнь как бы вернулась в хмуро-склизкую, скучную андроповщину-горбачевщину. А это есть сигнал к доносительству. Пока на местечковом уровне. Для восприятия Игоря Васильевича — университетом. Как он понимал подспудно, доносы в среде служителей педагогики и бывшей науки суть скрашивание унылого периода жизни, отчасти — сведения личных счетов, но главное все-таки стремление к усреднению. Последнее ни в коем случае не следует ассоциировать с пресловутым *egalite*, равенством, провозглашенным на развалинах Бастилии. Усреднение в современном понимании — это нивелирование всех и вся, по принципу «не высывайся!» — под примитивно низкий уровень. То есть уровень рядовой училки: женщины-доцента или скороспелку-профессора девяностых годов из мужиков.

Это, так сказать, система внутренних доносов и доносчиков. Может, даже и полезная в том смысле, что в полном отсутствии научной составляющей деятельности современных университетов «высовываться» — все одно, что плевать коллективу училок в морду лица. Все равно как в хулиганской дворовой компании некто Петька перестанет пить водяру, курить и податливых девок щупать, а начнет учиться в школе на «отлично». Или что-то навроде этого.

Как системолог и научный классификатор, Игорь Васильевич и здесь разложил (не подумайте игриво

дурного!) училок-доносчиц по полочкам: мстительные, случайные и профессиональные. Первые две категории пояснений не требуют; да и профи — слишком привычная на кафедрах и факультетах с женским училкиным преобладанием. Они, скорее, даже не чистые, корыстные доносчицы, но в каком-то смысле современные продолжатели античных вестовщиц. То есть почти люди искусства.

Только такая Манька или Наташка услышат о каком-то происшествии на кафедре, так тотчас в большую обеденную пересменку бежит в главный корпус, обегает все службы с бабским персоналом и в лицах и жестах разыгрывает целые оперные действия. Ей, конечно, мало верят, но и это ведь развлечение для одуревших от переписывания idiotских бумаг по контролю повышения качества усвоения студентами... нижних административных чиновниц.

Поскольку люди с чувством юмора на кафедрах и факультетах даже сейчас не перевелись, то они на Маньках и Наташках отводят душу, провоцируя их на дезинформацию. Тот же Игорь Васильевич в минуты игривости, полюбив свою кафедральную профи, отводит ее в сторону и под страшным сектором сообщает сногшибательную новость: аспирантка Джигельдиева забеременела от доцента Галкина — отца троих детей. И жена его на соседней кафедре трудится. Манька сомневается, но в тот морозный день южанка Джигельдиева пришла в трех надетых одна на другую кофтах толстой шерстяной вязки. В обед Манька мчится в Главный, а на другой день по-восточному девственная до официального брака Джигельдиева ходит с красным от плача лицом, а доцент Галкин с пунцовым правым ухом; супруга его непереученная левша...

Но Маньку-Наташку от любимого дела не оту-

чишь. Как моряка не запугаешь девятым валом и даже кораблекрушением. Или как опытного «ходока» — угрозами очередной пассии развести с женой, родить алиментного ребенка: в советское время еще и пожаловаться в партком и в профком.

◆ Но на фоне почти что дежурных, мелочных доносов раз в год-полтора в университетских буднях случаются и серьезные, с оргвыводами, в результате чего происходят передвижения в самой высокой кассе главного корпуса. И они, небожители, тоже порой оказываются мало отличимыми от смертных: нижних чинов администрации училик.

Внешне считается или кажется, что высший эшелон, если он, конечно, не наглет, не борзет в беспорядке, непотопляемый. Но это только кажется, ибо в университете все и вся проникнуты духом взаимной зависти и ненависти. Это знамение эпохи: все против всех, или по ученой латыни: «*Ното homini lupus est*» — человек человеку волк. Он же — главный закон капитализма и бандитско-воровских сообществ.

Такой фасон доносов и оформляется совершенно по-иному: вестовщицы, бегающие по Главному, те же Маньки-Наташки, доносы, подписанные руководителями кафедр и деканатов, анонимные письма — непременно, как и в тридцать седьмом году, на тетрадном листе «в клеточку» в городской сплетенный орган печати «Толоку» здесь не годятся. В крайнем случае — та же анонимка в губернские властные органы, но и те должны адресоваться по принципу «дорого яичко в пасхальный день». То есть если власть уже по каким-то другим делам взяла на подозрение университетского администратора.

Здесь вступает в свои права Интернет, против информационной массовости и влияния на умы которого — «нет приема против лома». И тот же фор-

мат, как сейчас говорят, доноса должен вписываться в рамки большого чиновничьего скандала на уровне не ниже министерского, или очередного «месячника по борьбе...».

Вот пришедший год, даром что на чертову дюжину заканчивается, ознаменовался грандиозным скандалом по части министерства образовательного, точнее — его важного структурного подразделения, где выдают всякие ученые степени и звания, то есть Высшей аттестационной комиссии, ВАК — сокращенно. Грандиозность весьма редкостного характера: попался на взяточном деле сам ее начальник. Для примера: параллельный скандал в военном ведомстве, также с увольнением «министра в пиджаке», протек в более политкорректной форме: министра-то вашей прогнали, но все торгово-финансовые непорядки списали на «шестерок» из лихих бабенок... А тут аж с самого начальника дело закрутили!

Народ, приближенный к ваковским степенями и званиям, недоумевал, пока в «Инте» много знающие, а главное — мыслящие, люди не объяснили подоплеку столь странного действия.

...Даже последнему божу у нас известно, что в национальных республиках, как советских, так и нынешних, оставшихся за Россией, в части власти с древних времен, сейчас и постоянно дальше правят, порой сменяя друг друга, кланы, то есть рода, племена, жузы и так далее. И вот год тому с небольшим такая смена кланов произошла в одной многонациональной северокавказской республике: ушел «с должности» род-племя, правивший еще с советской поры, заступил другой.

А у них порядки феодальные: власть перемнилась, так всех «бывших», даже ничтожнейших чинов, заменяют своими, новыми. Единственное отличие от

времен халифатов — так это еще цари запретили четвертовать «бывших»...

И тут, как назло, несчастным начальником все-российского ведомства по выдаче степеней и званий оказался «бывшим». Понятно, что во все времена у нас, но особенно за последнюю четверть века, действует принцип: у любого прокурора на любого же чиновника всегда загодя имеется папка бумаг почти что расстрельного характера. Ибо все чиновники любых рангов сначала радеют о себе — в плане денежном, а потом о Родине — в плане утешительно-разговорном с трибун разных рангов. Дадут приказ — и прокурор, если только сам не попался, мигом такую папку представит куда надо.

Еще один важный момент: коль скоро республика, поменявшая титульно-правлящую национальность, есть субъект нашей Федерации, то остракизму подлежат все чиновные «бывшие» страны, в том числе и столичные. Так и решилась участь бывшего, уже без кавычек, ваковского начальника, имевшего печальную участь принадлежать к низвергнутому роду-племени далекой от Москвы горской республики. Нашлась и заветная прокурорская папка — дело с надписью: «Хранить до востребования».

◆ Понятно дело, что интернетовская подоплека столь громкого дела *СМИ* не освещалась — даже полунамеками у телерадиоведущих с присвоенными им должностями «Чуть-чуть официально оппозиционный» и «Слегка поддельвающийся под левизну/правизну». Потому снятие начальника аттестационного ведомства аранжировалось как общее наведение порядка и ликвидация распушенности 90-х годов. Был объявлен расширенный «месячник борьбы», переросший уже за календарный год.

Лихорадящей обстановкой в этом околоученном

деле и воспользовались университетские «по крупному» доносчики по всей стране. И другой случай здесь им благоприятствовал. За последние двадцать лет, во-первых, число вузов в России, особенно в филиальной их части, увеличилось на порядок; во-вторых, на столько же расширился суммарный по стране высший административный персонал «храмов науки». Последний вышел «из народа», слабо остепененного; наконец, прежний, еще советской закалки и остепенения, высший персонал ушел по возрасту на заслуженный отдых.

Поскольку же высшие университетские чины — проректоры и начальники управлений, включая главного завхоза и завгара — люди сугубо занятые, помнящие из своей школьно-вузовской учебы преимущественно таблицу умножения и недавно приобретенные навыки написания приказов, то заниматься им написанием диссертаций недосуг.

Дается команда сверху. Без всякой ажитации находится нужный человек, который все это и делает. Как правило, но обычно стопроцентно, диссеры на заказ стряпаются по откровенно болтологическим дисциплинам: экономика, политология и юриспруденция. Педагогика тож.

Это, конечно, большая честь для исполнителя доверительного заказа, равно как и ответственность. Но халтура в псевдонаучном мире, а равно как и в любом другом в нашем отечестве, давно стала *modus vivendi*^{*}, поэтому даже «высокозаказные» диссертации сочиняются по принципу вырезок и склеек. Тем паче в болтологических дисциплинах: трудно при реальном отсутствии экономики, педагогики, политики тем более, что-то новое сочинить!

* Образ жизни (лат.).

Еще вероятнее, что задумавшие свалить мало-удобного им проректора или начупра, перекупают исполнителя, и тот уже нарочито составляет диссер из кусков уже защищенных, даже не вставляя слов-связок.

А вот дальше, согласно новым правилам ВАК'а, диссертация публикуется на нужном сайте — и тот-час в обновленную аттестационную контору, работающую в режиме «месячника борьбы», следуют грамотно составленные доносы с подробным указанием: откуда взяты без изменения единого слова и цифири целиковые параграфы и главы. И итог закономерный: ректор на месяц уезжает в командировку, проректор по науке, подписавший «добро» на защиту, уходит на больничный. Даже не думая, несостоявшийся обладатель научной степени приносит скорбно поджавшей губы кадровичке заявление по собственному... Никто не отговаривает, все мочат. Только завгар, претендовавший было на доктора политических наук, выпив под уикэнд с подчиненной ему шоферней, обронит: «Нет, робяты, надо завязывать с енттой самой сучьей наукой. Правильно моя говорит: воруй и пей в меру, а в игры всякие бумажные — не сметь! А то я устрою тебе бабий бунт: вместо трех раз за ночь — один в квартал...».

Доносы — дело тонкое, политическое, но оздоравливает атмосферу в коллективе.

◆ Неофициальная должность блокляйтера, а на отечественной фене — смотрящего в камере, явление в вузах достаточно новое и возникло в целях дисциплинирования разболтавшихся в период демократизации девяностых годов студюзусов, преподав и сотрудников. Но почему этот термин на немецком? — А здесь все из того же телевизора. Когда исполняется очередной юбилей выхода на экран «Семнадцати мгновений

весны» — Игорь Васильевич любит вспоминать на людях эту прибаутку, которой причастные коим-то боком к созданию сериала веселят народ: дескать, насмотревшись на стройных и подтянутых актеров в ролях ээсовцев, молодые офицеры на Лубянке — в отсутствии начальства приветствовали друг друга щелканьем каблучков и шутивным «хайль!».

...Так и в вузах в последние десять-пятнадцать лет появились на административных должностях выслужившие пенсион фээсбэшники-кагебешники. Относительно молодежавые, подтянутые, да еще занявшие должности по дисциплинирующей части, они как нельзя больше соответствовали звучнолающей немецкой командной лексике. Так с легкой руки, точнее — языка, Игоря Васильевича и прижилось в университете неофициальное название должности: блокляйтер! Он же вполне допускал, хорошо зная историю отечественных, еще от царей, вузов, что блокляйтеры и по своей основной должности являются официально назначенными смотрящими за благонаравием и благонадежностью в университете. Ведь бывших чекистов не бывает!

Появление категории блокляйтеров в их университете Игорь Васильевич осознал одним из первых в преподавательской среде, когда узнал от кафедральной доцентши-вестовщицы о назначении проректором по общим вопросам своего давешнего знакомца по «Меткости» Василия Васильевича Гаврюсева. В *НПО* Вась-Вась, по тамошнему прозвищу, начальствовал в отделе режима секретности и ни от кого не таил свое офицерское звание с «погонами голубыми». А через пару дней в коридоре главного корпуса и самого полковника в запасе встретил. С неприятворной искренностью поздоровались, тройку минут повспоминали трудовые будни в орденоносной «фир-

ме академика Гусакова». Василий Васильевич, уже успевший начерно ознакомиться с личными делами руководства и наиболее заметных профессоров, пожимая руку Игоря Васильевича на прощание («Извиняюсь, поговорили бы еще, но спешу на ректорский совет!»), сообщил, что с удовольствием будет сотрудничать, коль такие к нему дела появятся, с «гордостью нашего университета».

И, действительно, не отказывал в небольших просьбах: подписать бумагу, разрешающую профессору Скородумову для срочной работы по подготовке к печатанию очередного номера своего журнала «Феномены разума: XXI век» проходить в свой корпус в воскресные и праздничные дни, все обещал давнему коллеге по «Меткости» устроить «восьмерку» междугороднюю его по-университетски экономному телефону... Правда, в последнем случае и он, всесильный, оказался бессилён перед вузовской бюрократией подписей, согласований и разрешений. — Причем, все это обилие собранных бумаг упиралось в резолюцию мелкой начальницы по телефонному подотделу университета: «Свободных междугородных номеров нет; повторить запрос в декабре следующего года».

...Как опытный ловец человеческих душ, Василий Васильевич и после факультетского остракизма профессора Скородумова не перестал здороваться с Игорем Васильевичем, в то время как остальные университетские небожители лишь как-то неопределенно — может, например, в ухе засвербило — и издали кивали бывшей гордости вуза.

Но это все лирика, как понимал Игорь Васильевич. В части же деловой служебной официальной и блокляйтерской, Василий Васильевич использовал в полной мере свой огромный опыт. Все телефоны бы-

ли поставлены на прослушку с записью. То же коснулось и университетских интернетовских сайтов.

Глухо ворчали отставники, окопавшиеся ранее на теплых местах непыльной работенки: составлять графики дежурств пожилых вахтерш. Теперь тыловых ветеранов периода горбачевского уничтожения армии нарекли службой безопасности, обрядили всех вахтерш в полувоенные мундиры. Главное — сейчас они под угрозой увольнения должны были «звонить в штаб», если паче чаяния в корпус попытается войти — в форме или показав удостоверение — кто-то имеющий отношение к ныне расплодившимся службам «услуг правопорядка», как их шутковато именовали в бандитских сериалах девяностых годов.

Даже самые тупые старорежимные доценты мигом сообразили причину этого: не выносить сор из избы!

Кстати, как любит сейчас Игорь Васильевич рассказывать на банкетной части заседаний диссертационных советов, в шесть из которых он входит: «обычно я в начале декабря пишу служебку на имя ректора о допуске на рабместо в свой корпус в выходные и праздничные дни. Такое вот уже несколько лет правило: только ректор может решить этот стратегический вопрос! Он же передает эту бумажку Гаврюшеву, а тот с положительной рекомендацией — командиру службы безопасности. Последний пишет одобряющую резолюцию и передает на вахту нашего корпуса. Служебка действует календарный год. И вот в уходящий год — год моего факультетского импичмента — действую так же. Василь-Васильич подписывает и по курьерской связи передает в службу безопасности. Через неделю интересуюсь у вахтерши Наташи в своем корпусе. Та смеется и дает подшивку со служебками. Моя — сверху, а на ней резолюция начальника службы: «Разрешить. Моему заместителю

Вахтангу Гогоберидзе установить круглосуточный контроль. Обо всех нарушениях режима незамедлительно докладывать мне».

...Жаль, что в самом конце уходящего года именно Гаврюсев засветился по диссертационной части и уволился. Доносчик сейчас сильнее блокляйтера!

◆ Все же сон сморил нашего профессора: даже двойного, но по научному званию, но уже не по должности. О последней Игорь Васильевич несколько не сожалел. Человек со злом в душе не засыпает, только с добродушием, ибо ночью он отдыхает. Так и Скородумов в последние минуты бодрствования отпустил всем и вся их вольные или невольные — по должности — грехи.

Кстати вспомнился и эпитафия к исторической книге давнего русского писателя, что в малолетние годы он перечитывал без конца: «Юрий Милославский, или русские в 1612 году». За давностью лет, точно он это предуведомление к занимательному роману не помнил, но было пропечатано в том смысле, что добрый, мол, наш народ: бояре и крестьяне, шиши (то есть по-нынешнему бандиты) и разбойники, стрельцы и купцы... Вы, наш добрый читатель, извините нас за повторы, но как это верно! Как это за четыре века сохранилось и будет храниться в русском народе даже при полной американизации всего уклада нашей жизни? Мы — не западенские хохлы-бандеровцы, люто ненавидящие — бог знает за что — добродушных москалей: хотя рыло у нас и свиное, но копеечку в воскресный день нищему у церкви подадут. Мы — не опидорасевшая Европа с ее скудоумием на благие дела... да и на все остальное. Только немцы, наши лютые друзья-враги, как и русские — молодая нация, еще эту самую Европу кормит мозгой, трудолюбием и здравомыслием.

...Жаль, конечно, что *наш* Фидель состарился, люди не вечны, жаль и многих других *наших*, что героически пали в борьбе с мироедским империализмом, но — сдюжим. Есть в народе хорошая надежда на нашего нынешнего руководителя.

«...Эх, черт, замечтался, — одернул себя двойной профессор, засыпая, — а ведь думал-то об училках, доносчиках и блокляйтерах!»

Ну, что училки? — Это же профессия. И они люди, особенно женского пола которые. Ведь вечером дома и ночью они — заботливые матери, и мужья их, когда в спальнях гаснет до утра свет, забывают свои попреки: «Ты бы вообще домой не приходила, а все занималась лекциями, зачетами, экзаменами, доработками и всей этой докукой, что именуешь учебным процессом!»

...А супруга-училка, мигом забыв учебный процесс, становится моложавой женщиной, разгоряченными грудями и бедрами прижимается к любимому своему мужчине. В соседней же комнате их дочь, уже провожаемая до — и после школы девятиклассница, трижды за долгую зимнюю ночь слышит из-за картонной стенки «хрущевки» страстный голос матери: «А-а-а, Женчик, еще, еще...» Дочь одобрительно мысленно кивает головой: да-а, пап, мама наша — это тебе не твоя новая секретарша Танька — тощая вобла! И, тоже добродушно засыпая, дает себе честное-пречестное: никаких фитнесов и гимнастик! Хорошая училка растет! Правильная.

Штатная же кафедральная доносчица прямо из своего факультетского корпуса спешит в школу: заучиха по телефону вызвала, дескать, на вашего сына идут и идут жалобы от родителей... Ну, думает Катька-профи в автолайне, я тебе, стерва такая Мариночка Никифоровна, стукну кулачком по столу в

твоей преподавательской: «Что же вы, заслуженная учительница, доносы всякие читаете!»

И блокляйтер Иванов, по-армейски бодро прошагав вниз по проспекту Ильича обычный километр от универа до дома, все же по причине доброго морозца заглянув в кафешку-стекляшку «остограммится» почти что неподдельным «армянским», усмехается: нет, нашу не возьмешь! Работа наша такая... А вот партикулярная меховая шапка, хотя и с козырьком, раздражает. Как не раздражать, если за четверть века *настоящей* службы привык носить головной убор с обязательной кокардой и другими аксессуарами военного мундира!

...Добрые наши люди... такими же и дети, внуки их станут. Лишь бы не было... Но здесь в права вступила супруга. Одним мы все миром мазаны.

Картинка с выставки. Когда в «лихие девяностые» являлись губернаторы из генералов, то женщины восхищались, а чиновники «брали» согласно табеля о рангах

Изгнание из рая. Арест чиновника — казнокрада, не поделившегося с кем надо и прогулявшего «общак»

ЭПИЛОГ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРОФЕССОРА СКОРОДУМОВА НА ЗЛОБУ ДНЯ

Игорь Васильевич, как всякий мыслящий и анализирующий человек науки, не только беседовал с Прокофьевичем о сущности характеров чиновников-начальников, но и завел тетрадку, в которую начал записывать афоризмы, что приходили на ум во время прогулок по парку, а также по пути в свой корпус университета и обратно. Постепенно их набралось на целиковую книжку карманного формата, которую он лелеял издать в качестве назидательного приложения к своему журналу — для неспешного чтения. Даже написал несколько велеречивое предисловие:

Говорят, если в плодородную почву бросить сигаретный окурок и притоптать его каблуком, то на следующую весну взойдет табачный куст, а в землях тропиков и субтропиков — даже целое табачное дерево. Таково же и произрастание Начальника. Возьми во внимание вроде бы и вовсе немудреного человечка, но с обширной внутренней энергией (пассионарностью — по новомодной теории Л. Н. Гумилева), засади его покрепче в плодотворный, исполнительный коллектив и — глядишь, через год-другой взрастет мощный, ответственный, волевой до интимных секретаршинных обмороков Начальник!

Начальник непогрешим, он своим подчиненным свой же Папа Римский. Папа непогрешим для окормляемой им паствы, Я — Владыка Мира — непогрешим для Папы, Далай-Ламы, патриархов, верховных муфтиев, главных раввинов и пр. То есть непогрешимость есть мандат верхней инстанции для низшей, отсюда: святость субordi-

нации. Субординация суть каноническое основание для доверия Начальнику.

Возникает логичный вопрос о соотношении ума и субординации; это наиболее щекотливый момент, а от его осознания зависит нравственный климат как земного, так и небесного коллективов. Ум вторичен от субординации: неразумно — поэтому верую! Ибо логически выверенными категориями Гегеля-Канта невозможно доказать вторичность ума, поэтому считаем это постулатом. То есть не верь этому, но — веруй! Уверуй и будешь спокоен: умный успокоится уверовав, а Начальник успокоится, видя уверовавшего в него подчиненного. Всякая вера свята.

Мятежный ум тяготеет, увлекая послушное тело, к восстанию, то есть разрушению субординации. Но помните, что случилось с мятежным ангелом: лишь только тот помыслил, даже не усомнился, а помыслил (!) о непогрешимости Моей, как тотчас был сверзнут с небес вместе с третью ангельского воинства, примкнувшего к нему: Сатана и иже с ним. Всякое наказание заслуженно; невиновный же не наказуется и напротив, ИБО:

◆ Начальствуй сам и давай начальствовать другим; в этом основа стабильности иерархии, ведь даже одно из множества звеньев, будучи обижено свыше, способно разрушить всю налаженную цепь.

◆ Начальствуй согласно табеля о рангах, не зарывайся, ибо тебе отпущено ровно столько власти, сколько тебе же требуется как руководителю твоей ступеньки на иерархической лестнице.

◆ Самая нижняя и самая верхняя ступеньки лестницы начала наиболее опасны. На нижнюю давят, как атмосферный столб, все остальные верхние. Верхняя же несет, упираясь головой в небеса, всю тяжесть привязанной к парящим в облаках ногам лестницы. При неосторожности или несоответствии Начальника десятки подчиненных может раздавить, покалечить горняя тяжесть, а Начальник миллионов может не удержать висящего на ногах груза и рухнуть вслед за ним на грешную черную землю.

◆ Качества Начальника следующие. Он не умный, но и не глупый; не робкий и не смелый до безрассудства; не наглый явно и не мягкотелый; не рвач и не бессеребренник; не хам, но в особой вежливости не замечен; физически силен более чем умеренно, но от сквозняков не шатается; умеренно почитителен, однако не самодур; не толстый и не тонкий; не лукав и не бесхитростен; вроде как усы не носит, но в профиль на усатого похож; не совсем ловок в политесном обиходе, но и не мешковат и пр. и пр. Словом, возьмите самый полный словарь антонимов (их лучше всего для русской филологии немцы составляют) и все противопоставимые слова войдут в это определение качеств. А вот почему так? — Потому что Начальник *a priori* двулик: одно лицо обращено вверх навстречу грозному взору Вышестоящего, а другим он царственно озирает пониже своих ног толпу нижестоящих. Двуличие, то есть раздвоение личности *a posteriori*, не от душевной болезни, есть каждодневный, каждочасный тяжелый труд; помните об этом и не обижайтесь на своих Начальников.

◆ В ученье, особенно в студенческие годы, Начальник — твердый троечник.

◆ Начальник с единичным подчиненным — молчальник, с коллективом — осторожный говорун.

◆ Начальник — где-то молчальник, а где надо — говорун.

◆ Начальник в трамвае — молчальник, на профсоюзном собрании — говорун (О партсобраниях умалчиваем, их сейчас нет).

◆ Классификация Начальников: прикидывающийся дурачком; притворяющийся умным; изображающий простачка, своего парня, своего в доску; Начальник-самодур; Начальник с интеллигентским подходцем; Начальник-минибог; Начальник-затворник; Начальник-инициативник; Начальник-весельчак, а также не менее двух-трех тысяч категорий, дробных от названных.

◆ Начальник должен по утрам молиться на восток (Начальник-демократ — на запад); молитва его: «Господи, помоги в душу каждого войти, напакостить ему и сухим из воды выйти, огонь и медные трубы пройти, закончить день лучше, чем его начал, лишнего не сказать, ненужного не услышать, никого из Вышестоящих не прогневать, злобы в нижестоящих не возбудить, в кляузную историю не попасть, в женскую власть секретарши не вляпаться, во мнении коллектива не упасть. Аминь!»

◆ Начальник — это Кастальский ключ святого вдохновения, апофеоз благих намерений и речей, если речь идет об обещаниях, не влекущих за собой ответственности: рабочей, гражданской, моральной, уголовной и пр.

◆ Мечта любого Начальника: иметь немых подчиненных.

◆ Высшая степень презрения Начальника к подчиненным: отдельный обеденный зальчик в столовой. Но об этом, как ни странно, мало кто из подчиненных задумывается; должно потому, что здесь минус уравновешивается плюсом: люди рады хоть таким, оскорбительным для них способом, полчаса побыть в отдалении от бдительного ока.

◆ Начальник должен уметь искусно придуриваться; вообще говоря, в идеале жизнь Начальника должна представляться непрерывной чередой придуривания.

◆ Особа Начальника священна и неприкосновенна для подчиненных — до тех пор, пока в этом есть необходимость, то есть желание Вышестоящего Начальника.

◆ Начальник место красит.

◆ Кто в воде не тонет? В огне не горит? В холод не мерзнет? В жаре не потеет? *Etc.* — конечно, Начальник!

◆ Умного Начальника в курортный сезон в учреждении не застанешь.

◆ У умного Начальника секретарша не беременеет.

◆ Начальник должен стремиться быть сосудом восторгов подчиненных.

◆ Начальник! — Не плюй в колодец, из которого сам вылез; плюй в чужой, если приспичит.

◆ Утопи спасшего тебя, он слишком много знает.

◆ Не срывайся с цепи, приобретешь излишнюю самостоятельность.

◆ В основу служебной деятельности клади принцип демократического бюрократизма.

◆ Приказывай, если нет другой возможности руководить.

◆ Начальник подчиненного не понимает: некогда, да и незачем.

◆ Подчиненному подробно суть своих распоряжений не растолковывай, пользуйся методом Понтия Пилата: еже писах, писах!

◆ Лучший способ руководить подчиненным — постоянно внушать ему мысль о том, что и он может стать Начальником; ничто так не обманывает и не успокаивает людей, как несбыточная надежда, причем внушенная извне.

◆ Начальник низшего иерархического звена должен быть исполнителен и туп во всех вопросах, кроме работы: искупительное качество. Начальник среднего ранга должен быть хитер, вынослив и внешнестью походить на лисицу. Ответственный Начальник должен выглядеть свежим, не стареть, представляться умным, солидным, добродушно-хитроватым, а более всего — таинственным и себе на уме. Высочайшего ранга Начальник — протобестия, он бог в сво-

ем департаменте и народу-то является как бог; отсюда и все требования к нему...

◆ Как стать Начальником? — Не сродни ли это старому, как мир, вопросу: как быть любимым? — То есть здесь первоочереден счастливый природный, генетический и воспитательный комплекс, а в новейшее время — и финансовая самостоятельность. Начальниками не становятся, ими рождаются. «Ты рожден руководить!» — сказала несмышленьшу, спустя день после родов, счастливая и проницательная мать.

◆ Чин чина почитай! — логическая основа субординации.

◆ Умный Начальник и соседним отделом руководит.

◆ Ласковый Начальник всю кровь высосет.

◆ У хорошего Начальника всегда есть заместитель по работе Начальника.

◆ Вежливость Начальника — демпинговый прием в отношении подчиненного: слишком мало нужно последнему, посуровевшему на службе, чтобы расчувствоваться.

◆ Начальник должен как можно меньше времени сидеть за своим столом, ибо в общем мнении сидящий на работе не работает, а служит; Начальник же должен именно работать... хотя бы даже ногами.

◆ Совесть Начальника есть понятие релятивистское.

◆ Доверчивого Начальника последний замухрышка-подчиненный обманет; над добродушным — даже студенты-практиканты издеваются; на несолидного и уборщица накричит («Памятка Начальнику»).

◆ Начальник в быту знает только с равными себе по рангу; не дай, бог, своим подчиненным обеспечить козырь «личного знакомства». Смотри и за женой!

◆ Жена Начальника не может быть Начальником, ведь и на службе два руководителя не уместятся на одном стуле... тем более в одной постели.

◆ Доверие Начальника лежит на депоненте.

◆ Начальник рядом может позволить себе иметь собственное Я; жизнь его — сон Я-осознания (по Э. Фрейдю).

◆ Вопрос о том, почему на Руси не любят рыжих и Начальников — спорный: то ли потому, что Начальники со временем стали по преимуществу рыжими, а, может, рыжие стали Начальниками? (Уточнение: под «рыжими» понимаются Начальники, может, и брюнеты, но вредные).

◆ Порой, но и часто, жизнь Начальника есть сон для подчиненного; сон, резко обращающийся в явь.

◆ Нравственный ценз для Начальника: предать друга, обмануть женщину, оклеветать приличного человека.

◆ Одно неудобство быть Начальником — он не имеет права болеть. Болезнь и вообще-то обесцени-

вает человека, Начальник же стократ теряет свою ценность и вес в глазах Вышестоящих, а что самое обидное, главное и неожиданное — он падает в глазах подчиненных. Заболей Цезарь в походе, что бы сказали легионеры? Тотчас нашелся бы здоровяк-патриций на смену сморкающемуся императору. То же самое и теперь: сляжет с геморроем Начальник Петров, а тут — некстати расширение должностного списка — и обойдет его некто Гагенгейм или Сулу-квадзе.

◆ Еще о здоровье Начальника. Если ты действительно большой Начальник и крепко-накрепко уселся на свое место, то болей на здоровье; от этого заботливость и рвение подначальников и уважение коллектива даже возрастут. Но все это до определенной меры: болей раз в год, не чаще, и не более двух декад з́араз.

◆ Основная идея учения полипантеизма: мир есть совокупность мирков, каждый из которых имманентен Начальнику-богу.

◆ Волка кормят ноги, легко ему жить! Начальника же кормят ноги, гибкий позвоночник, бескостный язык и многие другие части организма.

◆ У Начальника душа пиджаком прикрыта.

◆ Любовь Начальника — цветение кактуса, орошенного слезами нильского крокодила.

◆ Повседневный трудовой девиз Начальника: служить бы рад, прислуживать тем более.

◆ Кровь из носу, но служи!

◆ Почему любой, мало-мальски сообразительный Начальник задерживается после работы на час-полтора? А затем, чтобы никто не занял его место в промежутке между «отбойным» звонком и закрытием дверей учреждения на ночь. Вроде бы и смешно, но это атавистический отголосок тех далеких времен, когда еще не было бюрократии и место под солнцем охранялось физической силой, а не циркулярным расписанием министерства и номенклатурными списками.

◆ Укрупненно можно подразделить Начальников на два типа по категории поведения в начальный период руководства и в последующем. Тип первый: круто, диктаторски, безапелляционно начинает, но, задав страху и наведя субординационную дисциплину, успокаивается и пускает дела на самотек. Это Начальник русского, приказно-самодурного образца. Тип второй: начинает как можно мягче, кормит обещанием пряников, но постепенно забирает все и вся в кулак, душит, изживает непокорных, словом, мягко стелет, жестко спать укладывает. Это образец западнического, нерусского Начальника. Первый славянской натуре ближе и роднее, вторых у нас представляют московские инородцы.

◆ Начальник даже семьей руководит из кабинета.

◆ Даже отсутствуя, заочно, Начальник должен внушать почтение и осторожность. Это подметил некогда знаменитый писатель, что-де на Руси исправнику и самому ехать к беспорядку не следует, только шапку свою послать. Не стоит думать, что это анекдот минувшей старины; в наше прагматичное

время деловые люди его по-серьезному воспринимают. Приглядитесь на досуге к задней полке проезжающих автомобилей-частников. Там лежит новенькая милицѣйская фуражка, хотя автовладелец вовсе не имеет отношения к этой суровой службе. Подлинно смех и слезы: фуражка красная охраняет собственно от посягательств. Но это еще не самое интересное. Настоящий Начальник, не сошка, так не поступает, ибо для него и хитрость двойная. Мне знаком один Начальник-автомобилист, который из осторожности в сочетании с хитростью возил в своей «Волге» музейную казачью фуражку Войска Донского; таким образом, он обезопасил себя и от угонщиков, и от полиции не имел нареканий за неуставное использование в личных целях предмета мундира.

Истинно говорю: с хитростью и осторожностью Начальника можно только родиться!

◆ Специфический атрибут начальствования — жест рукой; по нему еще издали, не зная и в лицо, определяется Начальник.

И простой человек иногда использует жест рукой, но жалкое же это зрелище! Рука чуть поднята и обессиленно висит перекрученная, согнутая в запястье, в локте и, кажется, даже в плече. Пальцы растопырены... Повисев так секунды две-три, рука падает, устав от собственной тяжести. Падает, приводя в изумление и негодование людей: зачем он ее поднимал? Вообще говоря, крайне неприлично на что-либо показывать пальцем, рукой.

Иное, качественное отличие имеет жест рукой Начальника. Это — блеск, восторг, целеустремленность! Рука мощно, ровной динамической линией возвышается в директивном направлении. Это энергия, сила! Она взлетела над головой, над сонмом

подчиненных, над всем ползающим миром: туда, туда! Смотри, всяк сущий, и любуйся. Кажется, вся масса тела, весь объем его, вся энергия жизнеутверждения перешли в эту застывшую монументальную длань; рукой ее и называть-то неприлично. Держать ее Начальник может, как Ильич в бронзе, часами, сутками, как символ пояснения, наставления, утверждения собственной правоты и убежденности.

Отсюда, кстати, и наименование основной функции Начальника: РУКоводить!

◆ Начальник и женщина. Ситуация величайшей сложности и ясности, простоты и ухищрения; для кого как: просто — для Начальника, сложно для сторонних наблюдателей, пытающихся понять (простою в основе) суть отношений. Вся сложность из-за нашего, подчиняющегося непонимания.

Начальник покоряет избранницу тем качеством, которое для женщины наиболее желанно в мужчине: власть. Кстати, очень и очень неправы те веселые хохотушки, которые утверждают, что мужчина может иметь множество недостатков, кроме одного...

Женщина чисто подсознательно переносит понятие административной власти Начальника на существо биологической, половой власти над женщиной. В женском преломлении Начальник отождествляется с Начальником-мужчиной, сверхсамцом, быком племенным. В психоанализе это называется фрустрацией. Ярчайший пример массовой фрустрации — нынешние демократические выборы, когда благодаря женским голосам уверенно продвигаются к власти молодцеватые крепыши, предпочтительно из военных в высоком звании.

Впрочем, и здесь, в соответствующем конкретной ситуации масштабе, действуют суровые, биологиче-

ские законы естественного отбора. Красавец-Начальник покоряет и более красивых женщин, а Начальник-мудрец довольствуется, если не простушками, но более скромными бюстами и бедрами. Масштабность же гарантирует уродливому Начальнику фору в женском вопросе перед мало красивыми подчиненными.

◆ Худший из Начальников — женщина; это настолько широко известно и понятно, что рука не поднимается в который раз переписывать сказку о белом бычке... Господи! Как же жили люди при матриархате? Может, поэтому он и был упразднен: да-да, я, господь Бог — Адонай и Саваоф — упразднил эту бесовскую феминистическую власть. И сотворил патриархат как более устроенную человеческую общину. При всех своих недостатках самый скверный Начальник-мужчина лучше и человечнее наилучшей из начальниц при всем ее великолепии. Опять-таки: еже писах — писах.

◆ Величайшая опасность для Начальника — это случайно попавшие в его геном бескорыстие и нестяжательство. С этими качествами его ждут беды повсюду, но более всего — дома. Все дело в том, что, когда муж становится Начальником, в мозгу (или что там его заменяет) его жены срабатывает некий, почти что биологический переключатель, и отныне она полагает, что лавроносный супруг ее должен компенсировать для семьи скучноватые в своем скромном достатке предыдущие годы совместного житья-бытья. Но как? — Единообразно, то есть — «нести в дом».

Кстати, и массовая психология это признает как факт, не подлежащий сомнению. Вот не столь давний пример; телерадио для России сообщило, что

известный оппозиционер, знаменитый генерал Р. убит своей женой. По признакам — выполненное на высочайшем уровне политическое убийство? Но народ в трамвае только усмехается: конечно, баба его кончила, какая тут политика... Возражаешь: так почему именно Р. жена застрелила? Вон сколько вокруг и внутри Кремля расселось знаменитых людей? Ч. и Н., другой Ч. и Б... словом, вспомни от школьных времен алфавит и читай его от «А» до «Я» непрерывно «от рассвета до заката» — столько знаменитостей, и никого из них жены не расстреливают? — Ты, мужик, право, с чудинкой. Ведь эти самые Ч., Н., Я., и пр. без продыху страну грабят, доллары и марки мешками домой волокут, так почему же их жены должны стрелять? А Р. даже от золотой звезды отказался, где уж ему для дома, для семьи доллары-то делать?! Вот супружница и разобиделась... Так народ говорит, а глас народа — глас Божий.

◆ Начальник — существо нежное; это нежность осьминога, ласково охватывающего щупальцами, увлекающего в свое переваривающее нутро бедную жертву.

◆ Младший Начальник должен быть готов за старшего умереть, старший за младшего — «погореть» (*из морального кодекса Начальника*).

◆ Младший старшего — почитай, старший младшего — уважай (*этика поведения на людях*).

◆ Отличительная примета того, что человек стал Начальником: он прекратил здороваться первым, а по прошествии самого малого времени — и вовсе

перестал узнавать. Когда же бывший друг демонстративно напоминает ему о принятой в коллективе манере здороваться по утрам, то тот широко раскроет глаза, как бы приятно удивляясь, ласково и снисходительно пожмет его руку своими обеими, роко-чущим (а до того говорил дискантом-фальцетом) и радостно поющим голосом поздравит с добрым утром. Однако тотчас же поспешит отойти в сторону. В другой раз бывший друг не рискнет учить Начальника вежливости.

◆ Начальник видит подчиненного насквозь, подчиненный Начальника — либо издали, либо сбоку или вообще никогда не видит.

◆ Начальник и лежа на женщине продолжает руководить; более того, эта поза есть биологическое продолжение *status quo* Начальника: быть всегда наверху.

◆ Старая дева узнается по немодной обуви; Начальник опознается по ношению галстука. Все в полном соответствии: дева носит обувь позапрошлогоднего сезона, чтобы дисциплинировать, призывать к порядку взгляды мужчин, которые, между нами говоря, на нее и не смотрят. Начальник же постоянно носит галстук, даже в жару, чтобы дисциплинировать себя; так и собака ведет себя правильно в ошейнике.

◆ Другое объяснение: галстук есть символ ошейника, то есть доказательство собачей преданности вышестоящему («Иудина удавка»).

◆ Нигде так не расцветают скотские наклонно-

сти людей, как в начальничестве; у обычных людей они, как правило, остаются в неразвитом, атавистическом зародыше.

◆ Злоба в Начальнике пропорциональна его телесному и духовному убожеству.

◆ Иисус Навин есть недостижимый идеал для всякого Начальника. Действительно, разве это не вершина могущества: остановить движение солнца?

◆ Ох, как трудно переучиваться из подчиненного в Начальника! Требуется оставить работу, естественные привязанности, увлечения, безыскусность, доброту, порядочность, здоровье, любовь... Взамен всего этого натурально-человеческого следует носить маску лицемерия, хитрости, ханжества, показного пуританства, демагогии и пр. Но самое печальное, что через ничтожно малое время стажировки маска прирастает к коже и становится отныне истинным лицом. И никогда эту маску больше снять нельзя, а если все же и сдерет кто в беспамятстве, то с кровью, оставшись обезображенным на всю жизнь.

◆ Кстати, если переучивание из подчиненного в Начальника есть обычный, естественный жизненный акт, то обратное невозможно без трагедийной ситуации; обратный ход вообще неестественен для эволюции.

◆ Еще раз о пиджаках. Если вы увидите в день сорокоградусной жары, полного безветрия и духоты среди изнемогающих, трудно дышащих, потеющих даже в сетчатых майках людей человека в полной пиджачной паре, в синтетической воздухо непрони-

цаемой белой рубашке, затянутого в жесткий галстучный узел, одетого в глухие ботинки на толстой водолазной подошве, к тому же еще, возможно, и в фетровой шляпе — и человек тот свеж, без признаков пота на лице, теле, под мышками, знайте: это Начальник. Только он облечен такой вот физической способностью к сродству с пиджаком и галстуком.

Невольно думается, помести его в ад, в море, в болото, — всюду будет он прекрасно и безукоризненно выглядеть в своей неизменной пиджачной паре, а то и в тройке.

Поэтому про Начальника следует говорить: в пиджаке родился!

◆ Вот ведь говорят: он работает Начальником, — и не задумываются нимало над смыслом фразы. А ведь не скажут, не возмущившись в душе: тот-то работает оценщиком человеческой морали, ума, здоровья и пр. А ведь это точная расшифровка столь привычной фразы.

Привыкаешь к словам, а это маскирует их нелепое содержание.

◆ В *pendant*: не зря же понимавший сокровение слов Лев Толстой в своем «Евангелии» исправил новозаветное «Начальник синагоги» на «церковный староста». Уж хоть в церкви-то без начальника...

◆ В Начальнике воплощен высший идеал иезуита, ибо любимый метод подчинения себе нижестоящих есть искусственное нагнетание волчьей конкурентной грызни среди них. Ничто так не укрепляет власть Начальника, как внутренние раздоры в среде подчиненных, хотя бы они и были надуманны по поводу выеденного яйца, к тому же искусственного,

подкладного, вроде того, что кладут для провоцирования курицы.

◆ Нечто о законе сохранения энергии. У обычного человека калории от съеданной пищи переходят в стимуляцию физической и умственной работы, половую энергию, а неусвоенные и отработанные остатки выводятся из организма. Иное распределение у Начальника; здесь потребляемая пища энергетически преобразуется в демагогию и испражнения — продукты примерно одного сорта с точки зрения человеческих ценностей.

◆ Не думайте, читая эти записи: дескать, он жестоко отзывается о Начальниках. Нет, я всего лишь непозволительно мягок.

◆ Человека оскорбляют проявления наглости, тирании, лизоблюдства, хамства, подхалимства, необразованности, невежливости *etc.* Начальника обижает отсутствие этих качеств.

◆ Из всей животной природы — я уже не говорю о человеческой — Начальник есть самая взаимозаменяемая единица: абсолютно ничто не меняется при перемене Начальников, ибо это есть люди, калиброванные во всех отношениях — от тела и одежды до характера и поведения.

◆ Опять об одежде. Начальник без пиджака, скорее всего, чувствует себя так же, как обычный человек без брюк, да еще зимой.

◆ Выдающийся Начальник — всадник без головы; не видно вообще никаких эмоций.

◆ Из малого по росту человека никак не может вырасти баскетболист, но из маленького Начальника того и гляди вытянется огромная начальствующая свинья.

◆ Любимый отзыв Начальника о своих подчиненных, так, вообще: простые... люди! Отгадка не хитра — сам себя не похвалишь, так другому и в голову хвалить не придет; понятно, кто молча подразумевается под антиподом «простого человека».

◆ Каждый Начальник должен уметь расписывать пульку и играть в шахматы на уровне 2-го спортивного разряда, ибо кто же будет играть с большим Начальником, приехавшим из столицы для инспекционного отдыха?

◆ Человек начинает чувствовать себя Начальником, получив власть хотя бы над ребенком или собакой.

◆ Лесть — десерт для души Начальника, но она же — его рабочий инструмент; все дело в том, к нему или от него лесть направлена.

◆ Начальник осторожен даже в мыслях о самом себе, и что ему противопоказано — так это разглаживать во сне (как Штирлицу).

◆ Начальник есть плод естественного отбора в гораздо большей степени, нежели белая мышь, художник-маринист, корова костромской породы, мичуринские яблоки, цирковой борец *etc.* В его случае природа выделила и закрепила в доминантности гены не одного, но нескольких, тщательно подобранных

признаков. Но что подвигало этот отбор? — Слепая воля из поздней немецкой идеалистической философии не могла бы додуматься до этого. Есть, наверное, некий более целеустремленный побудитель.

◆ Раньше говорили: «Прав как граф!» Сейчас в обиходе другое: «Прав тот, у кого больше прав», — внутрислужебная этика Начальников; со временем и каста Начальников совершенствуется.

◆ Под сидячего Начальника номенклатурная должность не побежит.

◆ Всякий новый Начальник для подчиненных есть кот в мешке, а тот вылез из мешка, усы расправил, облизал для знакомства с местом свою шерстку, осмотрелся: все мышки серые, неразличимые. Но все это на первых порах.

◆ В идеале разговорный лексикон Начальника должен стремиться к нескольким десяткам служебных слов, но это не относится к запасу слов мышления; мыслительный тезаурус Начальника намного богаче, ибо с его помощью рассчитываются невероятно сложные комбинации. Что у обычного человека на языке, то у начальника на уме (*основа бдительности*).

◆ Спонтанная словоохотливость — опасное достоинство мелкого Начальника, но есть рядовой прием высокого Начальника; он-то с простым народом не общается, кабинетный житель, свой среди своих, в кабинете чужаков не терпят...

◆ Не раз вы замечали, знаете по своему опыту, что подчиненный сразу начинает либо нравиться На-

чальнику, либо внушает антипатию. Не надо забывать, что Начальник есть психолог, точнее говоря, «пороговый» психолог, биологический аналог релейного механизма; по одному выражению глаз, по интонации первых произнесенных слов, по еле заметным жестам человека он определяет: раб перед ним или бунтарь, или просто независимый характер.

В этом Начальник очень похож на женщину, которая, пользуясь родовым инстинктом, по тем же признакам плюс телосложение и размер носа, определяет безошибочно: годен или негоден стоящий перед ней самец для улучшенного продолжения рода. И сразу решает: если годен, то тотчас готова возлечь с ним, презрев все установления искусственной морали, негоден — так хоть лоб расшиби, но она останется к нему равнодушной, если, конечно, не возненавидит.

Самые странные аналогии вызывает изучение характера Начальника.

◆ Начальник — альфа и омега всего сущего в бюрократии, а бюрократичен весь наш мир.

◆ На каждую домовую мышь найдется свой кот, так и для любого человека создан свой Начальник.

◆ Начальствуй усердно!

◆ Если хочешь стать Начальником, не жди милостей от природы, бери их сам.

◆ Символ веры Начальника: кого надо — слушаюсь, кем можно — повелеваю.

◆ На дородного телом Начальника и собака не

взгавкает, тщедушный и невзрачный видом человек определенно до чинов не выслужится.

◆ Начальник, волею случая оставляемый без подчиненных, чувствует себя равно со школьником, оставленным на лето в городской квартире (в советские времена — в городском пионерлагере).

◆ Жестоко побитый Начальник, как ни странно, вызывает в людях, еще недавно терпевших от него, такую же жалость, как и бездомный, замызганный грязью отощавший кот, изгнанный из дома, что бредет без цели по размытой дождями дороге в осеннюю непогоду. Особенность человеческой психики: слона жалеют больше, чем собаку, на могиле палача громче плачут, нежели на похоронах святого.

◆ Три городские птицы — грач, галка и голубь. Это три основных типа Начальников малой руки: Грачев — здоровый мужик, себе на уме и осторожен во всем; Галкин — полноват, но ростом невелик, пуглив; Голубинский — с гнилыми зубами, тощий, какой-то весь переломанный, ходит зигзагами, бесцеремонен, гнет свою линию, чуть не под ноги пихается, метит в вороны.

◆ Разум Начальника сродни детскому. Порой он что-то прекрасно понимает, но одновременно самое простое не в состоянии осознать, например, слово «шабашка» (это из старозаветных времен). Вот он нанимает хозяйственным методом левых работяг на строительную штурмовщину; слово «шабашка» не сходит с его языка: «превосходная, отличная шабашка!»

Но спроси его зарвавшийся нижний чин на прополке в подшефном колхозе: «А шабашку будем де-

лать?» — ответит: «Шабашка? Я и слова-то такого отродясь не слышал...» Истинно простодушное дитя, и укорять неловко.

◆ Усредненный Начальник чем-то напоминает рысь. Он широк в кости, плечист и приземист, излюбленный цвет обуви — темно-вишневый, костюм с коричневым оттенком или, по крайней мере, протернут коричневой ниткой. Глаза во время охоты... тьфу-тьфу, то есть во время работы налиты кровью. Так же он хищен, коварен, остерегается выставлять себя в ярком свете.

◆ С величайшим достоинством Начальник носит лысину.

◆ Жизнь Начальника — сон власти.

◆ Бороды так же неуместны на лицах Начальников, как усы у девушек (Начальники имеются в виду наши, кондовые, старозаветные, а девушки — не восточного происхождения).

◆ Начальника так же трудно склонить к риску, как красивую девушку (не проститутку, конечно) к греху; то есть в любом случае риск должен быть компенсирован своим интересом.

◆ Собака — друг человека, Начальник — сродни собаке, а по законам формальной логики следует, что и человек есть друг Начальника? Увы, здесь бездействует не только логика, но и все законы диалектического материализма. Разве что субъективного идеализма? — Вряд ли и это, так как Начальник — жесткий прагматик, то есть стихийный материалист.

◆ Начальник, как и собака, не виноват в своем поведении и характере; таким его создала природа и закрепила табель о рангах.

◆ У Начальника чутье на холопов.

◆ Начальник и фамилию-то имеет нейтральную: Бубликов, Березкин, Петушков...

◆ Душа Начальника хранится в несгораемом сейфе.

◆ Голова Начальника, как правило, приобретает со временем форму груши в ее естественном, растущем положении, то есть минимальная площадь сечения приходится на лоб, наибольшая же — в жевательной плоскости.

◆ Жена Начальника должна быть толстой, жена очень крупного начальника, наоборот, очень тонкой. В этом есть какой-то смысл, впрочем, легко улавливаемый по размышлению.

◆ Потому некоторые люди и рождаются Начальниками, что в момент зачатия их папаши более всего думали о повышении по службе.

◆ Зачат с помощью номенклатурной спермы (*графа в анкете Начальника*).

◆ Почему-то во все времена Начальники были дороднее и выше ростом всех остальных людей; невольно появляется мысль, что их породу так же искусственно улучшают, как и поросят, индюков, курнесушек и орловских рысаков.

◆ Начальники одинаковых вроде рангов, но служащие в разных ведомствах, далеко не равны; как раньше майор КГБ стоил армейского полковника, а еще раньше гвардейский подпоручик — пехотного капитана. Это один из стимулов отбора начальствующей элиты, улучшения породы — дух соревнования на высокую подлость в сердцах Начальников.

◆ Самоуверенность — котурны Начальника.

◆ Демократизм Начальника есть качество, очень похожее на пресловутую стыдливость женщины в одежде; она так же поминутно одергивает и защищает подоломи, рюшками, рукавчиками и пр. якобы неприлично обнаженное тело, хотя весь продуманный стиль ее одежды, вся эволюция покроя сознательно направлены на одно: создать максимум эротического впечатления. Это очень верно подметил португальский поэт Камознс, сказавший, что женская одежда скорее обнажает, чем скрывает.

Чистая ерунда, что женщина якобы стремится выбором одежды к эстетическому впечатлению; может, из миллиардов людей лишь евнухи и три-четыре художника предавались *чистому* любованию красотой женщины, но и те давно померли. Чистого любования нет, как нет и чистого искусства (*из терминологии импотентов*).

Все сказанное легко переводится с женского на начальническое.

◆ Из животных более всех аллегоричны Начальникам: кот, индюк, шакал, лиса и стервятник; соответственно, с каждым из этих представителей фауны гармонирует свой тип Начальника. Воспетые Лафонтеном и Крыловым — с легкой руки Эзо-

па — басенные аналогии: лев, тигр, слон, медведь, собака и волк,— не типичные Начальники, скорее, это исключения.

◆ Серьезный и солидный Начальник любит лишь раз в жизни, как кактус цветет единожды за свой век. Любить многожды чаще всего некогда, да и не добродетельно; никто так не стиснут рамками внешней, показной морали, как Начальник.

◆ Шутки Начальника удивительно изобретательны; он шутит только в адрес своих, реже — чужих подчиненных. Шутка, обращенная к вышестоящему Начальнику,— вещь неслыханная и свидетельствует о наступающем сумасшествии.

◆ Начальник не потому приходит на работу на час позже, что ленив и соня. Нет вовсе, ему глубоко неприятна мысль о том, что его могут принять за рядового члена коллектива в толпе спешащих подчиненных.

◆ Начальник должен стремиться обедать отдельно от подчиненных, желательно же в равночинной среде, что и выполняется ныне во всех приличных учреждениях; я уже не говорю о заведениях времен наступившего в России *бизнес-капитализма*. Причина та, что Начальник, то есть осененный божественной благодатью избранник, глубоко стыдится показывать подчиненным, что он... тоже человек, ибо ничто так не кричит о единой природе и назначении людей в биоценозе, как грубый, животный акт набивания желудка. Это биологическое равенство, физиологический демократизм бьет начальнику не в бровь, а в глаз.

◆ Начальник при ходьбе всегда выворачивает носки ботинок наружу и раскидывает ноги; наверное, это делается для большей устойчивости при внезапных земных поклонах встречному, более высокому Начальнику.

◆ Жена Начальника должна выглядеть (не быть!) непогрешимой.

◆ Автомобиль украшает Начальника, но блеск ему придает персональная машина высокого класса, а лучше — кортеж.

◆ Девиз Начальника на каждый день: не пересердствуй где не надо и лоб расшиби где надо! По армейской версии (армейцы люди грубые): лучше перебдеть, чем (и так далее).

◆ Сомнение губит Начальника (*догмат католицизма*).

◆ Как всякий талант, Начальник ученьем не делается, ученье лишь шлифует природные задатки.

◆ Талант Начальника — препако́стнейший.

◆ Как и Сатана, Он многолик, одно из имен его — пиджачник.

◆ Имя Начальника не поминай всуе.

◆ Муха узнается по жужжанию, Начальник — по вьедливым замечаниям и поучениям.

◆ Мир Начальника, если бы удалось в него проникнуть, поразил бы непосвященного своей организованной фантазмагорией.

◆ Непременный галстук на шее Начальника («Иудина удавка») выполняет, по-видимому, ту же остерегающую и напоминающую роль, что и ликтор с пучком розог за спиной римского триумфатора.

◆ Пиджак — кольчуга цивилизованных времен.

◆ Начальник есть носитель прагматического мировосприятия.

◆ Не дай, Бог, позавидовать тому, кому по пути на работу с Начальником; намного лучше бы было, если бы каждое утро моросил противный, въедливый, сводящий с ума своей колючестью и мелкостью дождь.

◆ Маленький рост так же не портит впечатление от вида Начальника, как и кривые ноги у кавалериста, ибо и того, и другого видят преимущественно на рабочем месте: за канцелярским столом и на коне соответственно.

◆ Есть много общего между двумя направлениями в современной моде: Начальник, играющий в спортивно-бесшабашный демократизм, моложавость, то есть носящий легкую «деловую» куртку вместо ватного пиджака и играющий с народом в волейбол, и женщина не старше 30 лет, в форме одежды которой не предусмотрен бюстгальтер. То и другое заманивает, интригует, но содержание-то остается прежним, известным, неизменяемым.

◆ Начальник заканчивается там, где начинается неконтролируемый либерализм.

◆ Основной метод воспитания Начальником своих детей: делай как я, делай со мной, стремись делать лучше меня!

◆ Только очень крупный и очень мелкий Начальники принадлежат сами себе.

◆ Начальник — продукт раннефеодальной бюрократии.

◆ Без Начальника никак не обойтись; даже Робинзон был Начальником над островом, природой и Пятницей. Не будь у него под началом последнего, книга потеряла бы интерес; без иерархии — анархия!

◆ «Начинающий Начальник» и «молодой Начальник» — грандиозные эпитеты: в них символ вечного обновления.

◆ Люди! Будьте спокойны, без Начальника никто и никогда не останется.

◆ Начальник и в постели спит по стойке «мирно».

◆ Трудно представить Начальника пьяным (о наших временах, понятно, речь); затруднительно вообразить его лежащим на диване, софе; почти невозможно помыслить о Начальнике, лежащем на женщине, и невероятно даже подумать о нем, пребывающем в пикантных позах типа «французской любви».

- ◆ На наш век Начальников хватит!
- ◆ Начальник души моей.
- ◆ Неисчислимы тайны Начальника... впрочем, об этом хорошо и подробно рассказали Маккиавелли в «Государе» и Гвиччардини в «*Ricordi*».
- ◆ Самый жалостливый Начальник — нильский крокодил.
- ◆ В бюрократическом мире авторитеты не создаются, авторитеты назначаются.
- ◆ Сеятель туманной бюрократической истины.
- ◆ Начальник-бюрократ ничему не должен удивляться, даже приказанию сформулировать статью Уголовного кодекса, оценивающую бюрократию как уголовное преступление особой тяжести.
- ◆ Начальник — сторож души моей.
- ◆ Все люди произошли от обезьян, Начальники — от племенных производителей обезьяньих табунов.
- ◆ Дом Начальника моего Домом молитвы наречется, ведь мы так привыкли к неограниченной власти Начальника, непререкаемости его мнений, что подсознательно признаем за ним божественное происхождение, а дом его — Храмом, ибо только в Храме на него нисходит благодать.

◆ Самый сильный довод в доказательстве божественного (биологического) происхождения власти Начальника — поклонение ему женщин. Женщины есть существа, живущие исключительно инстинктом, а последний никого не обманывает, как и нюх у собаки, слух у гуся, зрение у кота и т.п. Женщина сразу подпадает под гипнотическую власть Начальника, часто не делая различия между административным и половым подчинением, она чувствует его власть над собой, власть, данную откуда как не свыше?

◆ Для эволюционирующего человека: состояние быть Начальником — как зад упитанной женщины; издали, в одежде, привлекает и возбуждает, однако при ближайшем, первом обнаженном знакомстве он производит не совсем приятное впечатление, но при ставших привычными отношениях становится необходимой, приятной и незаменимой потребностью для глаз и рук.

◆ На входе в душу Начальника висит табличка: «Осторожно, посторонним вход воспрещен!»

◆ В среде животных Начальник властвует силой, у естественно организованных людей — умом, в современных государствах, то есть в бюрократически-искусственных системах, — устойчивым, сплюснутым, чугунным задом.

◆ Признак породы определяется чаще всего по растительности на теле; породистый мужчина имеет волосы в носу и ушах, женщину с родословной украшают завитки на шее, а у призового Начальника — непременно волосатые руки.

◆ Начальнику необходима широкая, подбитая ватой грудь, чтобы носить ордена в табельные дни, пропорционально смотреться в окошке персонального автомобиля, на экране телевизора, над учрежденческим столом, в гробу, наконец. Редко кому приходится лицезреть ноги Начальника, поэтому в сущности ничего не изменится, если оставить одну лишь верхнюю часть до пояса.

◆ Даже экскременты Начальника священны; на подобную мысль наводит наличие у крупных Начальников сугубо индивидуальных сортиров (позади кабинета).

◆ Начальник тебе в печенку!

◆ Начальник не видит, не слышит, но все знает.

◆ В естественном отборе и формировании фенотипа *homo sapiens* подвида «Начальствующих» очень помогают: копченая лососина, осетровый балык, икра черная, икра красная, а также сорта — конторская, паюсная, пробойная, еще, само-собой, — салями, жареные гуси, утки, пулярки, цесарки, выдержанные коньяки, легкие марочные вина, непередержанные в годах красивые женщины, покладистые девушки, езда в персональном автомобиле, проживание в пятикомнатной квартире дома «сталинской» постройки, номерах «люкс» престижных гостиниц, летний отдых на море, зимний — в горах, высокий должностной оклад с нефиксированной в размерах премией, регулярные награды и поощрения, снисходительный и понимающий Сверхначальник *etc.*

◆ Одно предложение, которое Начальники дол-

жны воспринять с охотой, ибо оно избавит их от хлопот, связанных с лакировкой и нивелировкой под «средний стиль» своей внешности. Суть в следующем. Поскольку все Начальники в любую погоду от -40°C до $+40^{\circ}\text{C}$ обязательно носят пиджаки, галстуки, ботинки, а выходцы с Востока — еще и жилетки, то не продумать ли для них некую функциональную одежду типа водолазного трико, сразу закрывающую все тело от пяток до шеи, а на нее снаружи наклеены фальшпиджаки, галстуки, манишки, ботинки на микропоре, штучные брючки, носки... Это же удобно!

◆ Но можно пойти в фантазиях и дальше. Поскольку рост, полнота, выражение лица, растительность на оном у всех Начальников одинаковые *in middle*, то не проще ли надевать маску — типа фантомасовой *a la* де Фюнес — на голову, тем самым опустив и заботы о стрижке, мытье волос, бритве, тренировке выражения лица перед зеркалом(?!).

◆ Начальника за нос не проведешь, даже если он Шнобель.

◆ Начальники имеются во всех отраслях человеческой деятельности, даже в балетном искусстве. «Начальник... (имярек)... искусства», — устремление прошедшей да и нынешней эпохи.

◆ Начальнику достаточно посеять, пожнут и уберут другие.

◆ Осторожный Начальник и любовнице в постели, да еще во время оргазма, намекает, что он-де примерный семьянин.

◆ Начальник — как девка: может и засидеться, а может и на панель пойти.

◆ Начальник, пришедший на службу в джинсах, производит такое же впечатление, как подчиненный, появившийся в отделе в одном исподнем.

◆ «Мой Начальник стоит двух ваших!» — из женского разговора.

◆ Уехал в Москву учиться на Начальника.

◆ Кибернетика в служебной жизни: Начальник следит за мной, я слежу за Начальником (*принцип обратной связи*).

◆ Турнюристый Начальник.

◆ Начальник обязан до такой степени воспитать у подчиненных чувство почтения и любви к себе, чтобы не только женщины, но и мужчины были готовы в любой момент отдаться ему в плотской любви — высшее проявление почитания.

◆ Подчиненных ищут по объявлениям о найме, Начальники сами находятся и всегда в избытке. Аналогично у пчел с трутнями обстоит.

◆ Хорошо бы для экономии народнохозяйственных средств предусмотреть комплектную упаковку для транспортировки Начальников по номенклатуре. Допустим, Начальник готов к повышению, но вакансии пока нет. Начальника переводят в газообразное состояние и уплотняют под давлением в тару, вроде как джина в бутылку, и сдают на хранение в спецсклад.

Там на полках будут храниться в полумраке и при оптимальной низкой температуре различные посудыны: фарфоровые бочонки с газированными душами министров и полных генералов, старинные четверти с директорами департаментов, шампанского стекла бутылки, где сохраняются начальники промышленного звена: директора заводов, фабрик, их первые замы, главные специалисты. Внизу рядками стоят поллитровки-чебурашки с начальниками цехов и стройуправлений, четвертинки и мерзавчики с руководителями лабораторий и отделов, а на самом низу, а то и на полу — аптечные пенициллиновые пузырьки с мелкой сошкой: руководители секторов и групп, прорабы, завхозы и старшины ведомственной охраны.

По милицейской части души упакованы в стреляные гильзы, по чиновничьей — в чернильницы-непроливайки, а газообразные эквиваленты душ огромной массы всяких там бизнесменов и сопричастных к ним бандитов, воров и пр.— закатаны в жестяные банки из-под кока-колы...

◆ Никаким пунктом должностной инструкции Начальнику не вменяется быть человеком.

◆ Универсальное устремление любого человека: каждый есть в душе своей Начальник, пусть даже над табельным столом и стулом в канцелярии.

◆ Начальник есть плоть от плоти человека и даже иногда похож на него.

◆ Труднее обычному человеку притвориться Начальником, чем последнему человеком, ибо мы можем представить, что нас ждет впереди, назад же никто оглядываться не хочет.

◆ *Alter ego*, мое второе «Я» — иногда в порыве демократизма говорит Начальник, кивая на проходящего мимо рядового подчиненного.

◆ Начальствующее мнение.

◆ Мундир Начальника есть составная, равнозначная часть его достоинства, потому и прикосновение к нему рассматривается как покушение на официальное достоинство. Особенно это явно у военных; дореволюционный поручик имел полное право зарубить саблей мастера или опившегося бродягу, если те имели наглость схватить его за лацкан мундира, даже если пропившийся поручик и попытался украсть в лавке Шмулевича штоф водки для опохмелки. Более того, еще совсем в недавние времена у всех посетителей ресторанов одежду принимал швейцар, а военных он допускал в гардероб, чтобы те сами вешали свои шинели и фуражки.

◆ Маленький Начальник делает мелкие пакости, средний — подкладывает упитанных свиней, большой же Начальник разменивается только на грандиозные подлости; как говорится, положение обязывает.

◆ Власть Начальников, как и сам их институт, держится на глупых, бесполезных или же самими выдуманных узаконениях и ловком использовании врожденных чувств робких людей.

◆ Право на начальствование дается от Бога, а документ на это право — от мира сего.

◆ Император и прораб-десятник на строительстве общественного (ныне — платного) сортира —

оба Начальники; это — самое неожиданное средство, почти братство душ.

◆ Осмотрительность — это религия Начальника, осторожность — образ жизни.

◆ Индоевропейцы — арии — вышли из Индии, тюрки — с Алтая, семиты — из Африки... Откуда же вышли Начальники? Хотелось бы по этому поводу рассказать старый анекдот о происхождении живых существ на Земле, да боюсь: в нашем «открытом» обществе и стране без границ так много стало разного народа...

◆ Театральное амплуа «первого Начальника».

◆ Заместитель Начальника — административное травести.

◆ Начальник Мадагаскара, Начальник Эвереста, Начальник Чукотки...— роскошные титулы.

◆ Договоры с дьяволом о продаже души подписывают чернилами из крови бюрократа.

◆ Титульный бюрократ.

◆ Сигареты «Начальнические», водка «Особая бюрократическая».

◆ Начальники исповедуют философию субъективного идеализма: весь подчиненный мир есть их воля и представление.

◆ Великое от смешного отделяет...— одежда; посмотрите на Начальника в бане?

◆ Глава разбойничьей шайки тоже Начальник со всеми его правами и привилегиями, но, что самое странное, и обязанностями.

◆ Где божественный мастер Рафаэль? — Его вызвали с отчетом к Начальнику ватиканских художников и скульпторов.

◆ Простой подчиненный, сходя с ума, заболевает манией преследования, Начальник — исключительно манией величия.

◆ Демагогия — первый и последний аргумент бюрократа.

◆ И в сумасшедшем доме есть свой Начальник; даже в каждой палате их предостаточно.

◆ Бракосочетание Начальника с властью (как дожа в Венеции).

◆ Начальник для идеалиста, попавшего под руководящее начало, как муха на носу котенка: он чихает, тоскует, злится, нервничает. Ему невоготу и не поймет он — от чего такие муки? Неужели от этого черно-зеленого насекомого?

◆ Всю нашу жизнь сопровождает Он; с Начальником человек рождается, с ним же живет. Умирает он тоже под его внимательным взглядом.

◆ Человек, только что ставший Начальником, чувствует себя так же, как и молоденькая девушка, только-только обнаружившая, что ее грудки упруго кольшутся при ходьбе; ей и стыдно, и сладко, и хо-

чется спрятать их, и волнует то неведомое, тянущее к себе будущее, символ которого — вот эти самые маленькие, упругие девичьи груди...

◆ Если хочешь видеть, как старый, опытный начальник натаскивает молодого себе на смену, то не заглядывай в замочные скважины кабинетов, лучше выгляни из окна своей квартиры и посмотри, как дворовая Жучка приучивает к делу своего щенка, единственного из шести новорожденных, не утопленного дворником и оставленного на замену его составившей матери.

◆ Народ более всех благ и радостей любит выпить. Поэтому любой Начальник начинает подчинение толпы с банкета; кроме всего прочего, это показывает диковинную способность Начальника творить вино; первый зафиксированный историей пример — брак в Кане Галилейской.

◆ Успехи современной генетики поразительны, открытия следуют одно за другим. Буквально на днях открыли ген обжорства, а также ген, противостоящий воздействию курения на организм человека. Есть надежда, что вот-вот откроют и гипотетически предполагаемый ген начальничества (Лысенко это знал, потому и «закрыл» генетику).

◆ Рожденный подчиняться — властвовать не может. И причина этого не социальная, не сословная, а генетическая и фенотипическая, то есть воспитательная, а значит и глубоко индивидуальная.

◆ Возлюби Начальника яко ближнего врага своего.

◆ Начальник помахровистой.

◆ О здоровье простых людей — терминология Начальников — заботится государство, не желающее терять граждан, а поэтому создающее сеть общих больниц, поликлиник, пунктов медицинской помощи, психбольниц и пастеровских пунктов. Здоровье же Начальников есть дело рук самих Начальников, поэтому они, бедняги, и создали свою сеть спецбольниц, спецполиклиник, спецсанаториев, даже специальных алкогольных диспансеров, где они проходят курс спецлечения со спецобслуживанием, спецвниманием и спецзаботой. Бедные, бедные... В новейшие времена Начальников из этих спецмест успешно теснят бандиты, воры, спекулянты, ростовщики и прочие «новые русские».

◆ Ответственный инфаркт миокарда.

◆ Лучшим Начальником в мире был ныне покойный папа-маршал Ким Ир Сен, родом из местечка Мангэндэ, что рядом со священной горой трех революций Пыктусан.

◆ Начальный курс по обучению Начальников.

◆ Начальники любят себя называть «простыми слугами народа». Это не пустые слова. Начальники сами, по своей воле, пуритански держат себя на положении слуг господина-народа: они не осмеливаются ездить в восемь утра на работу в трамваях для народа, они к десяти часам подкатывают в черных лаковых лимузинах. Они ни за что не позволят себе обедать в столовых для народа, они питаются в специально отгороженных помещениях или буфетах рес-

торанного типа, а если таковых нет, то им только и остается, что закусывать в самых пошлых кабинетах ресторанов.

Начальники-слуги и жить-то не живут в здоровых и уютно скомпонованных блочных домах, а стараются по мере сил и скромности уединиться, как трудовые мышки, в загородных домах, пригородных особнячках, а ныне — в виллах, коттеджах, замках...

Тяжко служить целому народу!

◆ Изю всех Начальников наихудшие — это выслужившиеся.

◆ Даже не оттого Начальники так мерзопакостны, что подозрительны, вероломны, хамоваты и пр. Просто стоит ему слово сказать, так и ваша душа вспылит. Начальник есть нравственная, моральная нейтронная бомба, то есть вы в полной сохранности, вас не били, не пытали, но сожгли душу единым словесным прикосновением.

◆ Если выбирать из Начальников наследственного — аристократа, дворянина, то есть Начальника по рождению, — и самовыслужившегося из грязи в князи своим трудом, потом, руками, языком, кровью, то я без всякого раздумья и сомнения выбираю первого. Как минимум, у аристократа по рождению есть чувство человечности, распространяемое природой по числу людей. У вторых же это чувство вытравлено; они потому и стали Начальниками, что сумели уничтожить в себе все человеческое.

◆ Начальники — как собаки в своре: вожак залает, остальные подхватят.

◆ Начальник и к жене в родильный дом посылает секретаршу.

◆ Как сказал некогда доктор Джонсон, патриотизм есть прибежище негодяев. Вообще говоря, пакостные слова... Но какое же скопище негодяев среди Начальников?!

◆ Раньше цари получали власть наследованием, потому народ хвалил в них только способность к благодеянию. В наше время власть получают не наследованием, но хищением, борьбой, лихоимством, звериной предприимчивостью, вырезанием соперников, даже ценой развала государства и гибели целых народов. Поэтому в их лицах и чтят, восхваляют лишь личные черты; отсюда и наличие на нынешних престолах и подиумах совершенных идиотов.

Кто чем славен, того за то и хвалят.

◆ Если вы видите цветущую, отменно здоровую, породистую женщину с высокими бедрами, пропорциональной фигурой, крепкими и развитыми грудями, густыми и вьющимися волосами, приятным лицом, то есть со всеми признаками отборной самки, и тут же рядом с ней хилого, крючконогого, лысого в 30 лет, со впалой грудью и гнилыми зубами мужичонку, то знайте, последний есть ее Начальник. Но и в этом случае он вовсе не обязательно владеет ее телом, не говоря о душе; власть женского тела часто сильнее власти Начальника.

◆ Из всех рабств Начальнику рабство красивой женщины наименее стойко, ибо природа сильнее в своих законах, чем бюрократия, и от самосознания

людей зависит, как долго терпеть издевательство над природой человеческих отношений.

◆ Когда смотришь на ребенка в колыбели, мирно спящего, сопящего, любишь его добрым детским личиком, видишь эти крохотные ножки, ручки, нежное и незащитное тельце... и тут же подумает: боже! Неужели вот из него вырастит хам, торговец своей и чужой совестью, палач и убийца миллионов людей!

◆ Наиполнейшее выражение характера Начальника я встретил в одном знакомом, полуидиоте. Тот прошел на улице мимо, не замечая меня. Остановленный и опрошенный относительно причины такой гордости, тот спесиво ответил: «Видишь, какие у меня очки? Теперь я поплеываю на вас всех» (вообще говоря, подлинный вариант ответа малоцензурен).

◆ Начальник на отдыхе смотрится, как расшатавшаяся от женской сбруи по случаю моды и теплой погоды женщина.

◆ Когда знаешь накоротке Начальника в качестве соседа, партнера в карточной игре, попутчика в поезде и пр., то есть не в отношении к тебе как подчиненному, то сразу и не поймешь, а скажут — не поверишь, какими качествами он наделен.

Опять аналогия с женщиной. Когда видишь ее, незнакомую, на улице, наблюдаешь единый миг, изящную, со вкусом одетую, с приятной улыбкой, милой мимикой, вежливой речью, ласковую, — никогда не подумаешь, что это есть знаменитая на весь город потаскуха, которую ежедневно пользуют по несколько половых удовлетворителей.

◆ Есть Начальники и Сверхначальники; они разделяются по отношению к ним, в основном людям почтенного возраста, молоденьких девушек. Поскольку, в конце концов, власть молодой плоти сильнее власти начальствования, то с возрастом наступает для Начальников тот предел, когда он уже не может склонять молоденьких девушек к половому общению; последние предпочитают отдаваться не чиновным, но молодым и физически крепким подчиненным своего Начальника.

Для Сверхначальника, как и для сверхмужчины, этого барьера не существует. В конце концов, есть изощренные способы любви...

◆ Абсолютные идиоты в среде Начальников встречаются чаще, чем полагает неискушенный человек.

◆ Начальствующий бред — это патетика.

◆ Преклонных лет, овеянный бюрократической славой Начальник, одевшийся в пиджак модного покроя и фасонно расклешенные брюки — это иногда с ним случается, — выглядит точно так же, как седая старуха в платье-распашонке с левым обнаженным плечом.

◆ Видов и характеров Начальников едва ли не больше, чем пород и нравов собак, при всем том, что любая из них может неожиданно и преобильно укусить (в случае Начальников и прививка не поможет).

◆ Начинаящего подчиненного власть Начальника, наблюдаемая им, так же точно притягивает и пугает, как тело красивой здоровой женщины волнует и страшит неопытного юнца.

◆ «Напряженный труд приносит ощущение неиссякаемой радости», — образец рядовой фразеологии Начальника.

◆ Пчелам и собакам нужно обоняние, стервятникам и котам — зрение, ослам — упрямство, картежникам — везение. Ошибочно считать, что Начальникам всех рангов нужен ум; если только самая малость. Только два качества требуются им в изобилии: сильная воля и мимикрия — хамелеонство. Здесь можно выделить два подвида: Начальники и Сверхначальники. У последних повышен элемент сильной воли, у просто же Начальников — выраженнее мимикрия. Поэтому Сверхначальниками становятся избранные люди сильной, непреодолимой воли, что есть у всех наций. Начальниками же по преимуществу делаются полукровки и восточные люди, склонные к артистизму.

◆ Начальник, наверное, со стыдом вспоминает, как он, запеленатый, заходил в криком в колыбельке. И вообще он старается забыть свое детство; ему кажется неприличным, что даже помимо своей воли он находился в таком несолидном положении.

◆ Начальники любят своих родственников, хотя слишком часто родственная приязнь переходит у них в семейственность; кому же не хочется окружить себя подчиненными-родственниками? Ведь он понимает, что если кто из всего семейства стал Начальником, то, значит, он есть самый административно-волевой из них, значит, уже никто из подчиненных-родственников не спихнет его. Этого нельзя сказать о подчиненных-неродственниках; чужая — душа потемки, чего в ней только не таится?

◆ Самый естественный классовый враг трудящегося — его Начальник.

◆ Всякого незнакомого Начальника на всякий случай обходи стороной, как и незнакомого порова собаку: а вдруг укусит?

◆ Даже дурная слава осторожно обегает Начальника стороной.

◆ Всех Начальников можно разделить на три категории по соотношению ума и воли: абсолютный идиот, полудиот и уравновешенный. Самый распространенный тип — второй; из первых получают диктаторы.

◆ Ограниченность и нулевой интеллект — несомненное достоинство Начальника с замашками диктатора.

◆ Воздействие Начальника, стесненного во власти, на подчиненного подобно действию осеннего дождя: и скучно, и нудно, и противно, но... ничего не поделаешь.

◆ Избранность Начальника в том и проявляется, что он сам подчиняется лишь одному, а власть имеет над многими; это значит, что через него снисходит благодать управления организованными людьми.

◆ Начальник всегда есть и подчиненный, причем подчиненный идеальный. Он добровольно и охотно отдает себя во власть одного, чтобы выместить это унижение деспотической властью над десятками, сотнями, тысячами и миллионами. За все воздается плата.

◆ Самые честные лица у спекулянтов и торговцев краденым, а кто же отрицает, что самые правильные слова выходят из уст Начальника?

◆ Йоги воспитывают волю сном на гвоздях, Начальники — течением жизни, преисполненной личной подлостью и лицемерием, бездушием и жестокостью.

◆ Фамилия? — Начальник. — Должность? — Начальник. — Вероисповедание? — Начальник.
Поразительная терминологическая объемность.

◆ Если верно, что души людей по их смерти воплощаются в разные материальные субстанции, то душа Начальника — прямой кандидат на воплощение в лом: такой же прямолинейный и тупой. Тупая, всепробивающая энергия воли.

◆ Воплощенная воля без края и предела: посмотрите на марширующего гусиным шагом на параде полковника? Двухметровый рост, идеальная профильность тела, ремни, хаки, сапоги, зверское, напряженное и властное выражение лица. Гипноз воли особенно действует на женщин. При виде Начальственного носителя воли у женщины начинает покалывать соски груди, истома и слабость перекачиваются в низ живота, слабеют ноги, ей душно и жарко, хочется скинуть, сорвать с себя все одежды и кинуться прямо под ноги в лаковых сапогах, закрыть глаза и отдаться слепой, прущей напролом воле Начальника.

◆ Самые свирепые Начальники, как и знатные воры, выходят из круглых сирот.

◆ Больная женщина мало кому нужна как женщина; Начальник — тоже, если только он уже не обожествлен.

◆ Дом-учреждение для престарелых Начальников, где рядом с кроватками немощных стоят дубовые столы с полным канцелярским набором; каждый экс-начальник назначается директором своей постели, санитарки числятся курьерами, врачи — инспекторами *etc.*

◆ Вырождение духа нации, прежде всего, сказывается на Начальниках.

◆ Совесть Начальника — чумной корабль в гавани; он стоит в отдалении от причала, матросы на берег не выпускаются.

◆ Любовь — глубоко антибюрократическое чувство хотя бы потому, что физически трудно любить, сидя за столом в деловом кабинете.

◆ Удивительно беззащитен Начальник, лишенный славы, мундира, эполет, словом, оставшийся перед некогда подчиненным ему миром в одном нижнем белье. Даже самым, некогда кровным, врагам хочется его пожалеть. Отчего же рядовой, неначальственный человек, получив пощечину, потерпев неудачу и перенеся нестерпимый позор, не вызывает такого чувства жалости и сострадания, как то мы имеем в случае обнаженного Начальника? Наверное, оттого, что обычный человек переносит тычки и неудачи регулярно, подготовлен к ним, у него уже выработан иммунитет, потому он быстро оправляется и стойко переносит невзгоды, а Начальник, ослеплен-

ный своей властью, начинает представлять себя личностью безгрешной, более того, никогда не предполагает коснуться этой серой земли. Поэтому его падение есть величайшая жизненная катастрофа, конец всех его устремлений.

Во-вторых, обычный человек не сокрыт от окружающих маской. Если он, на свою беду, умен, то это все видят в нем как до, так и после случившегося несчастья. Начальник же носит, как омоновец бронезилет, непроницаемую маску самомнения и дутото авторитета, а когда он падает, то всем ясно: это просто недалекий, неумный, скучный человек; вот и жалеют его, бедолагу.

Истинный характер Начальника познается в его падении; он далеко не соответствует прежнему впечатлению. Не так ли и в наших отношениях с женщиной? Когда она знакомится с мужчиной, то предстает перед ним во всем великолепии женской маски: достаточный ум, красота, достоинство, презрение к «низменным» просьбам плоти, если, конечно, этот мужчина не суперсексапильный, ибо перед таким любая женщина даже ни минуту не рискнет придуриваться и потому обнажит свою натуру в переносном и буквальном смыслах.

Такое внушенное впечатление стойко сохраняется у мужчин на весь период завлечения: мужчины женщиной, конечно же. Но вот она впервые отдалась ему и... все. Уже не маска, а истинное лицо видит одураченный; лежит рядом с ним в постели обнаженная, слегка красивая, пока что покорная, недалекая, но чаще откровенно глупая, сладострастная до изнеможения, почти что откровенно похотливая, часто неряшливая, словом, кроме любви, во всем остальном скучная особа, самка.

◆ Начальников следует регулярно менять; верность одному и тому же Начальнику соответствует верности жене: спокойно и сытно, в отдельные моменты даже приятно, но все же скучновато и дремотно. Всякий новый Начальник, как и любовница, встряхивает, омолаживает, вырывает из спящего болота. То посердится, обольет холодной водой, тут же неожиданно сменит гнев на милость, обласкает, прельстит надеждой.

◆ Еще раз (который?) о сходстве Начальника с женщиной. Мужчины за тем и за другой стараются идти позади, не обгоняя, хотя бы у них и были ноги-ходули. Причина того — они смотрят на их зады, такие похожие, вертлявые, толстоватые, обтянутые одеждой. Но если на зад Начальника смотрят с желанием дать пинка, то на приятный для взгляда мужчины, привлекательный турнир пышноватой, в соку женщины смотрят с вожделением, любуясь. Что ни говори, но ни классовое чувство ненависти, ни половое тяготение ничем не убьешь.

◆ Городская помойка может гордиться претензией на спецкладбище для ответственных покойников.

◆ Мы так часто обращаемся к аналогии «Начальник — женщина», что можно подумать: их сходство не только переносное, метафорическое, но и физиологическое. Что же, слово «бюрократия» женского рода. Говоря языком этой самой бюрократии, вопрос остается открытым.

◆ Неподражаемо умение Начальника исполнять свою основную функцию, то есть руководить. При чем руководят они не только своими подчиненными,

но и чужими, пеленанием и кормлением детей, уборкой урожая цитрусовых в Марокко и Сенегале, воспитанием трудных дворовых подростков, дворовых же собак и котов, приучением котят своей уже кошки к «хождению» в ящик с песком, истреблением мышей в подвале, шитьем в ателье своей парадной тройки, мировой политикой и пр.

Нет такой отрасли деятельности человека и животных (трудновато с растениями), куда бы ни совал свой нос Начальник. Причина ясна — воспитанное выдающееся самомнение, но занятно то, что, ослепленные властью, некоторые идиоты, особенно женского пола, пытаются действовать по указке Начальников; в любом исходе он от этого во власти и авторитете не теряет. Если случайно совпало естественное событие с рекомендациями Начальника, то последний обожествляется в качестве удачливого. Если результат получился прямо противоположный, то сама же жертва и извиняет его: он-де не специалист в такой-то узкой области, в конечном счете, каждый отвечает лишь по месту службы и пр. Такие идиоты — питательная почва для все большего роста в своих и чужих глазах авторитета Начальника-советчика.

В кибернетике это называется положительной обратной связью.

◆ Закончилось ответственное совещание. Полдень, жарко и сонно. Из кабинета Сверхначальника веселой гурьбой высыпала, вместо хвостов поджимая к задкам кожаные папки, свора мундирных кобелей.

◆ Во все времена любимым стилем Начальников являлся ампир; даже свои пиджаки они работают под него.

◆ Вершиной бюрократии будет издание родо-вспомогательного закона о том, что посредством кесарева сечения должны рождаться только крупные административные чины (*кесарю кесарево!*).

◆ В тупость Начальника при первом с ним знакомстве так же трудно поверить, как и впоследствии при его узнавании разубедиться в этом.

◆ Самый закоренелый материалист, хорошо изучив натуру Начальника, не сможет отрицать основной постулат философии Шопенгауэра о мире как воле. Действительно, только волей и ею одной Начальник подчиняет себе мир и ведет его за собой.

◆ Простые дети рождаются в рубашках, дети Начальников являются на свет в мундирчиках.

◆ Орденосная бюрократия.

◆ Когда аристократы свергали аристократов же, то опальных отсылали в имения. Когда аристократов свергал народ, то их выслали, подвергали ostracism. Когда Начальники занимали места аристократов, последних упрятывали в тюрьмы, но со временем выпускали. Но когда Начальники принялись свергать Начальников же, законы стали жестокими: обязательное и при том садистски зверское уничтожение предшественников. Их стреляют, вешают, топят, сжигают заживо. Да это и понятно: волки не бары, ходят стаями, а в своей стае драки наиболее ожесточенны. Насмерть бьются.

◆ Крик маленьких детей особенно ненавистен Начальникам; видно, он напоминает им, что и они

были некогда отнюдь не начальствующими, но беспомощными мальцами.

◆ Одной из специфических патологий Начальников является чрезмерная говорливость, патологическая словоохотливость, предпочтение словотворчества перед всеми законами логики и обличительных приспособлений. Иной три часа кряду говорит и говорит тысячи слов, дополняя их жестами, которые, как известно, еще более затуманивают смысл, и не приходит ему даже в голову взять ручку, лист бумаги и нарисовать квадрат с линиями диагоналей; это он и пытался объяснить словесно. Поэтому и бытует присказка, что бюрократ все через известное место делает.

◆ Признак новой эпохи: всюду Начальники приходят на смену аристократам. Что ж, и волки когда-то пришли на степные пространства, которые раньше топтали мамонты, и щука с карасем удачно теснит осетра.

◆ Раньше аристократ соизволял быть Начальником, теперь же Начальник тшится стать аристократом (*в Москве ныне все графья*).

◆ Очень мало родов Начальников, кому дозволено носить неуставную растительность, то есть бороду: старшие дворники и швейцары, академики, ваххабиты и телеведущие.

◆ То, что Начальник есть баран, совсем не означает, что за ним идет овечье стадо.

◆ Есть натуры, очень остро чувствующие неприязнь к Начальникам, даже если они и не состоят с

ними в подчиненных отношениях; у них просто обостренное чутье на комплекс человеческих подлостей и воинственная нетерпимость к их носителям. Это все сплошь революционеры, бунтари духа.

◆ Религиозно-идеологические начальники есть самый древний и темный по происхождению подвид. От жрецов-шаманов до нынешних функционеров государственной религии — церкви и партии — они так великолепно усовершенствовались, что кроме контроля над разумом и духом всего мира забрали под свою опеку и административную бюрократию. Следовательно, религиозно-идеологический Начальник есть высший тип Начальника. Сейчас и Цезари без церкви ничто, а Македонские без партийной принадлежности — лишь маршалы в отставке.

◆ Три шапки сразу не наденешь на одну голову, но и три, и гораздо более должностей под силу Начальнику.

◆ Подчиняться и вообще-то нелегко; это противоестественно человеческой натуре. Несладко подчиняться образованному, умному Начальнику из аристократии, но как же нестерпимо чувствовать над своей жизнью и мыслями власть какого-то бывшего ефрейтора или троечника с задней парты?

◆ Слова «демагогия» и «крокодил» похожи уже по звучанию, по богатству внутренних аллитераций. Это неспроста.

◆ Истинная, неприкрытая личина Начальника есть иголка, что внутри яйца, яйцо — в желудке кролика, кролик — в пищеводе удава, удав — в

бронированном сейфе. Если желающий познать эту истинную личину взломает сейф, выпотрошит поочередно животных и пресмыкающихся, расколется яйцо и найдет иголку — сломай гадину!

◆ Есть несчастные, обладающие огромным стремлением к власти, но полным неумением ее взять.

◆ Все Начальники укрупненно делятся на две категории: Начальники над вещественными объектами и над неведественными. К первым относятся военные, административные, учрежденческие, то есть имеющие дело с руководством физиологической жизнью людей. Вторые же — Начальники религии и идеологии; они управляют нематериальными идеями, руководят духовной жизнью подчиненных людей. То есть каждый Начальник имеет свою специализацию, чего не скажешь о подчиненных; любой из них несет ответственность, как минимум, перед двумя Начальниками: физиологическим и духовным. Наиболее явно такая двойственность проявлялась в бывшей нашей партии — КПСС; по уставу член партии нес двойную ответственность: перед администрацией и перед парткомом. Соответственно и наказание за проступок он получал двойное.

◆ Сегодняшним утром я шел на службу другой дорогой; мысль моя, испугавшись такого изменения, отказалась мыслить афористически. Но и этот отказ сам вызвал в памяти пугливость Начальников, какой-то звоночек, сигнал осторожности. Они же пугаются всего на свете: быстрой езды и кошек, знакомств со слишком явно красивыми женщинами и очень умными людьми, солнечных затмений и ремон-

та своих квартир. Но как замечательна их способность скрывать испуг!

◆ Даже для подчиненных-рабов, лизоблюдов Начальник сохраняет опасное свойство лифта, то есть легко поднимает, возит, словом, облегчает жизнь. И так изо дня в день. Но если застрянешь в лифте, то проклянешь все на свете: темнота, страх, неизвестность брошенного на произвол судьбы, состояние паническое, близкое к сумасшествию.

◆ Самое удивительное, что в сознании даже критически настроенного человека упорно держится мысль о том, что, например, обычная пуля Начальника не пробьет, а граната не взорвет. Это подсознательные корни уверенности в божественном происхождении власти.

Своего рода авторитарный атавизм.

◆ Начальнику по продаже ковров обычных вполне можно обойтись без ковра-самолета, обычный-то ковер всегда можно на него обменять, да еще ска-терть-самобранку впридачу дадут.

◆ Чем ниже в чине Начальник, тем быстрее он бежит на службе. Экстраполируя процесс, скажем, что самые большие Начальники вполне имеют право не двигаться, возлежа в своих кабинетах полупарализованными.

◆ Самым порядочным в истории Начальником был Магомет; в то время как самый ничтожный руководитель над пятком-десятком человек тщится доказать свою божественность, этот основатель миро-

вой религии прямо заявлял, что он не бог, но лишь пророк уст его.

◆ Кого что украшает: попугая — расцветка, женщину — скромность (показная), мужчину — смелость, но только Начальника — подлость.

◆ Ради достижения своей цели Начальник готов лечь в постель не только с вышестоящей Начальницей, что может оказаться и удовольствием, но и с вышестоящим Начальником, что является удовольствием далеко не для всех, исключая мир кино, театра, эстрады, современной Европы.

◆ Нельзя не удивляться несоответствию в средствах, коими Начальник добивается поставленной цели, и полученных результатах. Как правило, результат ничтожно мал, а средства чрезмерно велики и унижают человеческое достоинство. Должно быть, здесь наблюдается своеобразный психоз административного раба, в который входит человек, ступивший на тропу подлости и сознательного самоуничижения.

◆ Самостоятелен тот Начальник, кто сам прибавляет себе жалованье, а не просит его у Вышестоящего.

◆ Вся Вселенная построена по принципу Начальствования и подчинения. Звезды не врут, занимая свою иерархию в галактиках.

◆ Начальник как неизбежное общественное и социальное зло.

◆ Высшая мера социального возмездия — унич-

тожение Начальника, что и наблюдается при всех революциях.

◆ Начальник со стажем намного легче смиряется с наступлением импотенции, чем с потерей власти. Власть одурманивает.

◆ Вся эволюция природы есть стремление к упорядочению иерархии подчинения.

◆ Как сапожник, встретив на улице совершенно незнакомого человека, прежде всего смотрит на его ноги, размышляя: моей, дескать, работы или чужой, — так и Начальник чисто инстинктивно осматривает каждого встречного, подсознательно фиксируя: мой — не мой подчиненный.

◆ Власть над людьми опьяняет. Это всякий знает по собственному детству; как пьянила власть над собственной матерью, кошкой или собакой? Именно потому, что достижение одной и той же цели двумя одновременными и параллельными путями невозможно, то люди, достигающие состояния опьянения с помощью наркотиков, разврата физического или духовного, обычной, но обильной любви, творчества, лени и пр., никогда не смогут стать Начальниками.

◆ Самое удивительное дело: грубость, невоспитанность и хамство Начальников воспринимаются людьми качественно на порядок-другой ниже, нежели те же пороки у его подчиненных. В древнеримском быту с этой целью была найдена формула соответствующего оправдания: что можно Юпитеру, то не положено быку.

◆ Застарелый Начальник так же занудлив, как и застарелый ревматизм.

◆ По часам авторитетного Начальника все подчиненные свои часы сверяют и выставляют, хотя бы его «командирские» или «сейко» шли по Гринвичу или средневерхненемецкому времени. Подхалимы, как мать родную, уважают авторитеты.

◆ Природа заранее определяет тот высший ранг, которого достигнет тот или иной Начальник; это ясно хотя бы из удивительного соответствия комплекции и поста Начальника. Кто видел министра или генерала худым, долговязым нескладным, карликом (марионетки не в счет)? Нет, это — как на подбор огромные, толстые, басистые люди. Соответственно, и мелкие чины, руководящие десятком-полтора подчиненных, как правило, люди мелковатого калибра.

◆ Могут возразить: а как же Начальники, руководящие десятками и сотнями миллионов? Ведь они равновероятно могут быть солидными и карликами, горбатыми и одноглазыми, хромыми и плешивыми... Но не забывайте, что это Сверхначальники, их слишком мало числом, чтобы статистику под них подводить. К тому же масса тела есть физиологическое выражение воли, а как мы уже говорили, для Сверхначальника характерно добавление к сильной воле и части ума; это уже другой ранжир, исключительный класс руководящих персон.

◆ Дебелый Начальник обычно добр и мягкотел, высоких чинов не достигнет.

◆ Быть Начальником — значит испытывать то

же острое ощущение, как и участие в групповом сексуальном действии: сам имеешь и тебя имеют.

◆ Чем выше взлет, тем мучительнее переносят падение. Лучше быть на этой земле последним из Начальников при власти, чем самым большим чином в отставке (это еще Цезарь сказал).

◆ В эволюции каждого Начальника четко выделяются два этапа. На первом из них он может обратиться в человека, если его по каким-либо причинам лишают всех постов. Но после некоторой черты это уже невозможно. И снова аналогия с женщиной; она долго может быть распутной, предаваться всем порокам и видам разврата, но, выйдя замуж и став матерью, она начисто все отринет, становясь любящей, искренне добропорядочной женой, матерью. Более того, она уже не помнит о своем непривлекательном прошлом.

Однако, преступив в блуде определенную границу, она уже не сможет сойти с пути греха, очиститься от грязи и стать женщиной с естественной привязанностью к дому, детям и единственному мужчине.

◆ Мораль и Начальник ходят по разные стороны стены, ничуть не ниже и не короче Великой Китайской. И никакой Дэвид Копперфилд из Одессы-мамы не сможет их соединить, проведя через толщу стены.

◆ Сапожник ходит без сапог. Точно по этому принципу Начальник, проповедующий по долгу службы мораль и самоотрешение от благ, сам не наделен склонностью к этим качествам.

◆ Руководящее заднее место Начальника всегда при нем.

◆ Строптивый подчиненный как бельмо на глазу Начальника.

◆ Напрасно и неверно полагать, что разухабистое беспардонное внедрение Начальника в жизнь и душу подчиненного есть некое неслыханное хамство. Вовсе нет, просто великолепно наивный, он полагает это стоящим в том же ряду его обязанностей, как субординация, наказания, поощрения и все такое в этом роде. Поэтому-то Начальник и обижается кровно, и негодует, лишь кто позволит себе вольность назвать это хамством. И он в душе искренен.

◆ Начальник вполне искренне уверен, что в пределах своего руководства он является высшей инстанцией мудрости, причем любой: служебной, бытовой, политической, экологической и пр. Кроме того, он и тонкий знаток человеческих душ.

◆ Многие, наблюдая по жизни, что Начальники, как правило, есть люди крупной фигуры, значительно крупнее средних стандартов человеческого типа конкретной национальности, склонны ошибочно полагать: это от легкой руководящей жизни, литерного высококалорийного питания, возбуждающего и укрепляющего аппетит марочного коньяка. Но нет, это следствие, а не причина; просто в крупной телесности выражается и сильная, всепробивающая воля, носитель которой обречен быть Начальником. Кому что на роду написано.

◆ Везде и во все времена враждующие народы, нации, государства и армии уничтожали друг друга в

войнах. Были различных размахов битвы и бойни, но в наше время идут самые жестокие. Первая мировая война заканчивалась братаниями, а вторая — битвой до последнего патрона, до мобилизации десятилетних подростков, до тотального хакари целых наций — лишь бы не оказаться в плену врага. Это войны идеологий, самые жестокие, беспощадные к врагу и к себе, самые центрированные, организованные и железно-дисциплинированные. Убей врага («Убей немца!» — К. Симонов), пока он сам не убил тебя!

Еще страшнее итоги проигранной нами третьей мировой, «холодной» войны; они означают смертный приговор для величайшей нации Земли. Эта война была не просто идеологической, но национально-идеологической.

Листая тысячелетние хроники основных войн в истории человечества, нельзя не удивляться одному: подчиненные, средние и высокие Начальники умерщвляли себе подобных рангом во вражеских странах, но самые высокие Начальники противоборствующих сторон щадили друг друга, а подчиненным своим строго-настроено приказывали не только щадить побежденных Сверхначальников, но и оказывать им почести, как самим себе.

Пример из жизни. Дядька моего друга, Лазарь Федорович, будучи в конце войны капитаном НКВД, главноуполномоченным по заготовке фуража для конницы этого наркомата, получил от Лаврентия Павловича должность коменданта лагеря для высших немецких чинов. Наиболее высоким из них был начальник гарнизона Кёнигсберга. Так вот, Лазарю Федоровичу было предписано звать к обеду за комендантский стол этого самого генерала и наливать ему водки; тот очень ее хвалил, измученный отечественным шнапсом.

Пародоксальный, но исторически подтвержденный факт либерализма в отношениях враждующих Сверхначальников может быть объяснен только эгоистическим мировоззрением последних. Каждый из них полагал, что если он прикажет перерезать глотку плененному Сверхначальнику, то ведь и обратный вариант возможен? Вот и выработалось такое негласное джентльменское соглашение (*Великий Сталин не в счет*).

Рядовой исполнитель думает в принципе так же, но он не имеет власти щадить рядового исполнителя противоположной стороны, а Сверхначальники это право имеют и всю пользуются им.

Рассуждая далее, уверенность в божественном происхождении власти столь сильна, что преодолевает воинскую, идеологическую, патриотическую, наконец, взаимолютость. История... плачь и смейся!

◆ Начальники энергично спешат жить, очень спешат, как будто по ту сторону Стикса их ждет еще более высокая номенклатурная должность.

◆ Великолепные подбородки Начальников выдают, живописуют основное качество, фундамент их несокрушимых характеров — их гигантскую волю. Но особенно это заметно по женским подбородкам Начальниц или детей потомственных Начальников; у женщин гораздо меньше несовпадение в величине воли и подбородка, поэтому последние так заметны; эти тяжелые, массивные, квадратные бульдожьи подбородки есть телесное, вещественное выражение всепокрушающей воли. Как они нелепо и пугающе смотрятся на нежном женском лице? Встретив такую особу, обычно и роста огромного, и массой солидную, хочется — иного желанья не возника-

ет! — облаять эту бульдожью челюсть, прости их, Господи!

◆ На все есть Начальники, даже нумизматические и филателистические, на собачьих выставках, на съездах коллекционеров спичечных коробков. Начальники над чужими мыслями, над городскими ватерклозетами — на все и вся они имеются. Разве что на Солнце, на Млечный Путь их нет? Но это не беда, потому на них нет Начальников, что потенциальные вакансии создают в командной среде обстановку здорового соревнования, естественного отбора то бишь. Как же иногда иначе в данной ситуации применить принципы учения Чарльза Дарвина и его деда Эразма?

◆ Парадоксы обыденного человеческого мышления; никто не удивляется, услышав фразу: «Начальник имярек обкакал своего подчиненного N », — но, услышав, что подчиненный N обкакал своего Начальника, всякий в изумлении вскинет брови, затем многозначительно помашет указательным пальчиком и произнесет: «Ловок, мужик, быть ему самому Начальником!»

Странно рассуждают люди; как это они знают, чему удивляться, а чему нет? Наверное, машина такая в каждом с рождения встроена; ведь ни умом, ни сердцем до основания принципов такого отбора не дойти, правда?

◆ Если бы существовала должность Начальника над моющимися в бане, то это была бы единственная в мире субординационная коллегия, в которой нет знаков различия, мундиров. Но в бюрократически развитой системе *все равно* нашли бы выход;

либо Начальника за дополнительную ему плату парили в мундире, либо мундир был бы вытутаирован на его коже со всеми погонами, аксельбантами, орденами с крестами-звездами, шпорами и двубортным сюртуком. Наконец, что всего вероятнее, Начальник бы мылся голый, как и положено в мыльном заведении, а все подчиненные шли в парилку и нежились там на полках в мундирах нижних чинов или уж, по крайней мере, повязывали бы на левую руку или лодыжку правой ноги отличительную бирку (как в роддоме и морге).

◆ Начальники в сфере творчества пользуются, пожалуй, наибольшим авторитетом среди других руководителей. Причина ясна. Подспудно сюда примешивается истинно человеческое уважение к Мастеру. Но это наблюдается, в основном, только в позиции, когда творческий подчиненный общается с творческим Начальником с глазу на глаз.

Зато нет меры тому презрению, с которым относятся к верховному, невидимому для глаз Высшему Начальству в части творчества, когда последний имеет нульвалентный творческий потенциал. То есть чисто административный Начальник в творчестве способен породить только ярость подчиненных и сборники анекдотов.

◆ Начальник есть, по-существу, окаменевшая идея, чаще всего вздорная.

◆ Начальник и подчиненный, встретившись случайно во внеслужебной обстановке, испытывают мучительное чувство взаимной неловкости: о чем им говорить? И вот подчиненный слушает монотонный рассказ своего визави об увлекательных перспективах

работы их отдела в части упорядочения статотчетности. Это никого не удивляет; сам подчиненный уже давно начал догадываться, что на другие темы Господь Бог не наделил Начальника умением мыслить и разговаривать. Но еще более он удивится, понаблюдав ход встречи двух Начальников вне службы; они также говорят только о служебном, если, конечно, они не друзья детства.

Монотематичность мышления — исконное качество Начальников.

...В этот момент подошел некто резонерствующий и изрек: «Зато он жалованье большое получает!»

◆ Шахматы — самая подхалимская игра ввиду сложности ее композиции; в ней всегда есть возможность проиграть партию Начальнику. А поскольку игра эта индивидуальная, то и нареканий со стороны коллег не будет.

◆ Начальник, попавший в ад, расталкивая своих грешных подчиненных, первым вспрыгивает на раскаленную сковороду, только что освобожденную для партии новоприбывших, становится в ее геометрическом центре и принимается лизать днище сковородки языком. Он знает, что центр сковороды есть самое горячее место этой посуды, по краям жар слабее, но он же — везде Начальник, и положение обязывает его находиться в центре, не на окраине, иначе его авторитет упадет.

Время от времени он отрывается языком от раскаленного чугуна, распрямляется и зорко осматривает периферию сковороды: все ли подчиненные исправно работают?

◆ Почему в завоеванные города Начальники въезжают верхом на коне, а подчиненные ему солда-

ты, как правило, едут верхом на телегах (в наши времена — на танках)? Все очень просто. Начальник настолько привык быть везде и всегда первым, что даже лошадь вперед себя не допустит; поэтому он никак не может въезжать в покоренный город на колеснице, то есть позади. За лошадью могут следовать только подчиненные.

Сложнее в век самоходной техники, но и здесь эта тенденция прослеживается, вспомните, как хоронят большого воинского Начальника, например маршала, министра обороны? — Правильно, на пушечном лафете самоходного орудия, причем ствол орудия находится в противоположном движении направлению, то есть Начальник опять-таки впереди...

◆ Рассказывают, что однажды Начальник впал в летаргический сон. Дело было в темную пору медицинской науки. Выждав, как положено, трое суток, тело его понесли хоронить. В самом конце скорбного пути Начальник вдруг проснулся, чихнул от ладанного дымка, огляделся и совершенно произвольно разбранил хоронивших его подчиненных. Как оказалось, он не удовольствовался тем, что домовину с его прахом несли подчиненные второго ранга, в то время как первостатейные отлынивали и со скорбными песнями шли поодаль.

Вот как бывает?!

◆ Наверное, потому так велико стремление начальствовать даже у ничтожнейшего из надзирателей в тюремном замке, что надзор есть всенепременнейшая функция всякого Начальника. Опять же — кибернетический принцип обратной связи.

◆ Даже у пенсионеров есть свои Начальники, это ветераны пенсий.

◆ Единственному из Начальников нельзя позавидовать — евнуху, Начальнику гарема. Впрочем, младшие евнухи завидуют старшему. В Древнем Китае вообще вся политика делалась в гареме евнухами...

◆ Поставленные директивно Начальники всегда милосрднее самодеятельных, и ведь верно. Первые не прошли всю школу подлости, не заслужили своей шкурой и бросанием под жернова совести, чести, человечности права быть Начальником; им это даром досталось, по рескрипту, благу, мановению родственной руководящей руки.

Это хорошо знали в древности, когда лучшими надсмотрщиками над рабами, занятыми на постройках фараоновых пирамид, были ставленниками из рабов же. То же самое — и капо в немецких концлагерях.

◆ В истории не так много осталось имен Начальников над душами людей, гражданственностью, совестью. Зато все учебники полны военными Начальниками — в современных соросовских учебниках их роль исполняют Начальники из «специфического круга», то есть абсолютные Начальники над основным для любого человека — его жизнью.

Сказанное лишний раз подтверждает истину: такое явление, как скопище народа, толпа, она же пресловутая «масса в истории», более уважает абсолютное утверждение своей зависимости. Это один из феноменов толпы, хотя стремление каждого члена этого конгломерата, как это ни парадоксально звучит, есть личная, желательно никем и ничем не ограниченная свобода тела, души, совести.

◆ Начальники есть искусственно заторможенные и законсервированные в детском разуме люди, играющие в опасную для всех окружающих игру.

◆ Большое число Начальников из инородцев свидетельствует, прежде всего, о лени нации. Национализм имеет тот же корень. Исключения составляют космополитические нации типа североамериканской.

◆ Каждый человек одновременно есть и подчиненный, находящийся на одной из ступеней иерархической лестницы подчинения — начальствования. Поэтому-то каждый носит в душе своей устную книгу, озаглавленную по методу Секста Эмпирика «Против Начальников».

◆ Начальник при полном народовластии должен мыслиться как некая жертва собственных добродетелей (Sic!).

◆ Большая и сильная собака гавкает когда ей вздумается; маленькая шавка — когда того пожелает хозяин. Поскольку же лаять чужой глоткой и легче, и безопаснее, и вообще удобнее, то и гавканье шавок слышится намного чаще.

◆ Восточные деспотии древности, а также новообразовавшиеся ханства Средней Азии являют пример настолько сложившейся и исторически стабилизировавшейся иерархии богоподобных Начальников, что даже самые крутые повороты исповедуемой идеологии никак не затрагивают существо этих иерархий. Совсем наоборот, только к вящей славе их!

◆ Хатха-йога совершенствует тело, его физические и физиологические возможности, раджа-йога

ведет к овладению духом; игемон-йога, то есть йога Начальников, подчиняет совесть голому практическому расчету.

◆ Символ влюбленного Начальника — сердечко с надписанной красным карандашом резолюцией: «Не возражаю!»

◆ Всевидящее око Начальника, всеслышащее ухо Начальника, всезнающее заднее место Начальника.

◆ Вот мы жалуемся — все, мол, инородцы-Начальники, азиаты-Начальники, опять же... А как подумаешь, что где-то есть и китайцы, негры, папуасы всякие в Начальниках, так и на душе теплеет. Всегда и во всем человек находит утешение.

◆ Начальники в чем-то схожи с дымовыми трубами заводов и котельных в городе. Стоят они, видные со всех точек, со всех улиц, изо всех окон. Стоят, дымят и портят воздух. Все морщатся, но без труб, как то мы и сами понимаем, совсем не обойтись.

◆ Вот вам феномен перевоплощения. Начальник в глазах подчиненных всегда красив, статен, силен и дальнорук, хотя бы в сущей натуре был он безобразен, скрючен, бессилен и близорук.

◆ «Для такого Начальника и девственности не жалко!» — восторг юной секретарши-неофитки.

◆ «Начальник — всегда самый красивый!» — административный восторг служащих-мидинеток.

◆ «Ну и Начальники пошли — хуже баб! А хуже баб никого нет», — горькое разочарование пожилых женщин-служащих.

◆ Раньше Сверхначальники триумфаторствовали на белом коне и без бронежилетов; нынче же въезжают на черных бронированных машинах. Пройдет время, и они смогут показываться вне своих бункеров-вервольфов только в тяжелых танках зеленой окраски. Разные эпохи окрашены в разные цвета.

◆ Если вы видите Начальника, имеющего привычку носить свою папку за спиной, зажав ее в кулаке неестественно сведенной руки, то знайте, он начинал свою карьеру разнорабочим, то есть достаточно долгое время бродил по цехам завода; рука за спину, а в ладони ручка от тележки.

◆ Один из критериев, по которому люди подходят для роли Начальника — это умение пить так, чтобы рухнуть последним, то есть умение и пьяным руководить до тех пор, пока не упадет под стол последний, до того еще державшийся на ногах подчиненный.

◆ Начальник — это мост, ведущий от человека к идее верховного божества. Но мост этот очень своеобразный, он рухнет под всяким, кто говорит правду-матку, говорит то, что думает, не умеет кланяться, подличать, доносить *etc.* Но кто построил мост с такими дефектами? Какой колдун и из какой сказки вдохнул в несовершенную конструкцию такую злую идею?

Государство — вот волшебный строитель моста. Такие сооружения нужны ему, чтобы объединить в

единое целое мелкие островки, то есть рассеянных по бескрайним просторам людей.

◆ Всякий наблюдательный человек замечает, что Начальники по способу ношения деловых бумаг и папок делятся на две категории. Первые носят их на вытянутых вперед руках или нежно прижатыми к груди; в обоих случаях бумаги или папка держатся, как младенец, обеими руками.

Вторые же носят их за спиной, зажав ладонями рук и прикладывая к задку. Это не случайность, ибо здесь сказывается память о начале карьеры каждой из групп Начальников; первые начинали с секретарско-референтских, бумажных должностей, отсюда и привычка подавать бумаги на подпись Начальнику обеими руками и с полупоклоном. Вторые же, как уже выше указывалось, начинали трудовой путь, волоча за собой тележку со стружкой.

◆ Церковь и государство за тысячелетия цивилизации так часто и подолгу учились друг у друга методам управления, подчинения и самосохранения, что создали очень схожие иерархии, в которых обязательно присутствует лестница соподчинений. Выбор Сверхначальников в церкви и в государстве одинаково производится в тайном, ограниченном и избранном круге кандидатов в оные; в церкви это выборы Папы Римского, патриархов. Рукоположение епископов производится, согласно установлениям Вселенских соборов, не менее чем семью действующими архиереями; наверное, это число связано с тем фактом, что апостолы первоначально основали семь церквей Азии с семью епископами во главе: Эфесская, Никейская, Пергамская и др. Так же и избрание Начальников производится конклавом уже зама-

теревших во власти руководителей, число которых также определено — в основном, числом стульев за совещательным столом Сверхначальника.

Наконец, рукоположение священников и дьяконов производится епархиальным архиереем; аналогично посвящение начинающего Начальника есть акт благословения Начальником учреждения.

Очень схожи внешние стороны иерархий, то есть знаки отличия, ордена, ношение лент, мундиров и пр. Я уже не говорю о партийно-политических иерархиях, ибо это собственно и есть церковь; она ближе именно к религии, чем к государству.

Казалось бы, Начальники, по роду своего характера центростремления и стремления подчинять себе всех и вся, должны ненавидеть лютой злобой всех остальных Начальников, как своих антогонистов и конкурентов. Действительно, в душе-то они все готовы друг друга сожрать, не прожевавши, но когда чернь пытается бунтовать против власти одного, то все дружно спешат ему на помощь, оставляя на время взаимоненависть.

Такая коллективная защита сродни поведению тех шопенгауэровских дикобразов, что в холод, несмотря на взаимные ядовитые уколы иглами, сбиваются в кучу, грея друг друга теплом тел. Аналогично и смертным боем дерущиеся коты в осеннюю и зимнюю непогоду сутками спят, обнявшись и свернувшись в единый теплый клубок.

Тот же железный закон самосохранения диктует необходимость временного коллективизма.

◆ Начальник души моей! Сердечный мой руководитель! *Direttore mio!* Начальник и властитель (далее неприлично для печати)... моих! — Восторг обласканной грошовой прибавкой жалования сорока-

летней подчиненной, но при условии, что остальным сослуживцам и особенно сослуживицам никакой прибавки не дали.

Начальник средней руки руководит с оглядкой, поведение его осторожное, он все время вертит головой, жестикулируя руками по привычке всех Начальников. Наверное, затем оглядывается, чтобы случайно не задеть жестикулирующей рукой более высокого Начальника; отсюда и выражение: РУКОВОДИ с оглядкой!

◆ Женщина уже потому не может быть Начальником, что, привыкши путать подчиненных со своими детьми, относится в служебных делах к первым как к взрослым детям, а матери относятся к взрослым отпрыскам всегда одинаково: наставляют без особой на то нужды и бранят. Дети это выносят, сложнее с подчиненными.

◆ Как легко жить гражданским Начальникам и как трудно — военным! Гражданские должны приветствовать и почитать только своих, более высоких Начальников, которых, к тому же, они всегда знают в лицо.

Другое дело у военных; например, в тумане, в темноте или просто будучи малого роста, некий Начальник, встретив двухметрового, солидного военного и, не видя снизу знаков различия на его погонах, первым отдает честь, полагая, что это более высокий чин. А тот оказывается сверхсрочником. Каков конфуз?! Наиболее часто он встречается в среде моряков-североморцев с тех пор, как в 1965 году было введено воинское звание мичмана — младшего офицера — не путать с ранее существовавшими унтерами, мичманами-«сундуками»; одновременно в повсе-

дневной форме было убрано золотое шитье со всех погон — от того же мичмана и до адмирала флота СССР. Сюда же добавьте густой туман, что полгода кряду висит над кольской землей на побережье, где и гнездятся военно-морские базы, а также многомесячную полярную ночь. В такой климатическо-метеорологической обстановке принять матерого мичмана за двухзвездного вице-адмирала вероятность большая...

Учитывая сказанное, уже давно на этот счет приняты разграничительные меры. Начиная с чина полковника, выдаются папахи (ныне упраздненные вместе с петлицами и сапогами новой демократической властью, как «символ тоталитаризма», — читай: воинской славы русской армии); генералы носят заметные издали лампасы на штанах. Но как быть в среде воинских Начальников до полковника? Очевидно, следует ждать реформ. Например, каждому воинскому званию будет установлен ранжирный рост, брюшко, а может быть, и особое клеймо-татуировка на лбу. Но, может, и так: лейтенант носит на правой ноге валенок, а на левой ботинок; старший лейтенант — все наоборот; капитан ходит босиком; майор в простых сапогах; подполковник — в хромовых полусапожках от синьора Рико.

Масса выходов из трудностей сложившейся ситуации — бредовые сны военных кутюрье.

◆ Начальник может быть и не таким уж плохим человеком, добрым даже в душе, но вся его беда в том-то и состоит, что, входя в учреждение, он вместе с пальто сдает в гардероб и свою человечность.

◆ «Молодой, очень способный и подающий надежды хам...», — начал писать рекомендацию канди-

дату в Начальники старый, опытный кадровик. Затем отложил перо, задумался, в конце концов, поставил точку и подписался.

Достоинство любой рекомендации — их краткость и содержательность.

◆ Холодом оцепенения и недоумения охватывает всякий раз, как случайно узнаешь, что такой-то хорошо известный своей служебной — к людям — беспощадностью и коварством Начальник разводит в свободное время на своей даче цветы (?).

Цветы, эти нежные, пестрые символы любви, бескорыстия и человеческого тепла. Поистине начинаешь сомневаться в каком-то логическом, разумном устройстве мира.

◆ Исключительность, даже если это следствие нелепости, дает нам ощущение, сходное с начальствованием. Пример из личного опыта. На днях получил диплом академика Академии инженерных наук Российской Федерации; до этого же был ее членом-корреспондентом. Каково же было удивление, когда раскрыл полагающееся к диплому удостоверение и прочитал, что являюсь... иностранным членом Академии (?!). Конечно, сообразил, что каллиграф, а это самая пьяная профессия на свете, так уж повелось с писарских времен, заполняя документ, просто перепутал бланки удостоверения. Понятно, что не вчитывался в них, подписывая, президент Академии, нобелевский лауреат, изобретатель лазера. Но мне стало приятно, ведь это исключительность, я — единственный подданный РФ, имеющий удостоверение иностранного члена Академии!..

◆ Особенно свойства мундира проявляются на женщинах. Дама, надевшая мундирную кофту и юбку, уже считает себя не просто женщиной, но мундироносцем; чисто автоматически, подсознательно регистрирует: такая-то есть *просто женщина*, а она *женщина в погонах*. Так порождается третий пол; даже без операции по изменению пола.

◆ У всех Начальников имеется патологическое желание продлить сверху и снизу рабочий день подчиненных. По всей видимости, они никогда не спешат домой; может, их там не ждут или не выносят их присутствия, или они отлучили от себя родственников, а те их возненавидели и боятся. Друзей же и приятелей детства-отрочества-юности Начальники из осторожности утратили, еще когда вступили на первую карьерную ступеньку — в институтский комсомольский комитет.

Им некуда и не к кому спешить из конторы, одним сидеть в ней скучно, страшно и неудобно, а главное, опасно: Вышестоящий может подумать, что подчиненный ему Начальник в тиши одиночества строчит на него доносы...

Поэтому всеми каверзами и неправдами Начальники стремятся сделать так, чтобы в учреждениях с раннего утра и до поздней ночи толпился подчиненный народ, чтобы было кого шпынять, погонять, помякать... словом, кем активно руководить. В этом, пожалуй, и состоит особая их, Начальников, радость общения с народом.

◆ Начало всех начал есть подлость души. О ком это сказано? — Очевидно, о том, кто полагает себя таким началом. О Начальниках, наверное.

◆ Вы думаете, что Начальник столь непроницаемо глуп или убежден, что искренне не понимает вещаемой им социально-нравственной демагогии? Напрасно, он-то как раз прекрасно разбирается в ее сути и подоплеке хотя бы потому, что лично сам является одним из функционеров демагогической машины.

Просто не следует забывать, что какую-то часть повышенного жалования ему платят исключительно за поддержание и распространение этой ереси.

◆ Женщина не может не любить Начальника, ибо более других сил на свете женщина любит подчиняться силе безудержной, концентрированной воли, в том числе и воли власти, что есть кредо всякого Начальника.

◆ «Повелитель души моей, властитель сердца моего, овладеватель тела моего!» — женская молитва о Начальнике.

◆ Есть понятие музыки власти; *собственно, в музыке* воля и власть наиболее запечатлены в мелодиях опер Вагнера и Бородина. Ею постоянно упиваются Начальники. Правда, как в восприятии обычной музыки, так и здесь, важна степень музыкальной подготовленности к ее пониманию.

Обман музыки сродни наркотику, например, алкоголю. Высокая классика есть аналог выдержанным винам с тонким букетом: Бетховен — грозная, тонкая и обволакивающая мадера; Чайковский — все увеличивающиеся, наслаивающиеся друг на друга факелы выдержанного хереса; Вагнер — раскованный, наливающий тело приятной тяжестью мускат коктельской и краснокаменной лозы; Григ — то

же самое, что и Чайковский, но здесь херес пьется маленькими порциями по 20—30 граммов и одним глотком; вся добетховенская венская школа — реки шампанских вин; Бах-старший — тягучий портер; Стравинский — глотки очень изысканного и крепкого коньяку — в постсоветское время исчез полностью у нас, а «за границами» искусство его деланья утрачено еще в прошлом веке; Шуберт — золотистые вина Рейна.

Народная музыка веселит душу, а тело просит, прямо-таки умоляет хлопнуть пару стопок водки. Но ведь есть музыкальный ширпотреб, например, официальные гимны и кантаты (величественнейший Гимн Советского Союза — редкое исключение) — дешевая подделка, суррогат, словом, ординарный вермут. Есть еще хуже: всякие гитарно-барабанные, электроорганнные пуншики, портвейны молдавские розовые, гнусные аперитивы выработки подмосковных агрохозяйств. На самом низу — рок, «тяжелый металл», попса и пр. Это — гнусное баночное пиво с консервантами, водянистый джин с тоником, ячменный самопал, то есть виски, разбавленный на 3/4 содовой водой, словом, мура и вред организму.

Хороший оркестр полковой музыки сродни музыке народной, а запьянцовский похоронный духовой сброд оставляет впечатление влитой в глотку кружки неочищенного самогона.

Такую же полезную аналогию можно провести и с музыкой власти. Грубый молодой чиновник, в силу своего ущербного вкуса, наслаждается во власти вкусом пресловутого «степного аперитива». Но высокий Начальник обращается с властью тонко, выжимая из нее высокую, упоительную музыку пенящегося «Клико», изящный вкус коллекционного венгерского, а Сверхначальники достигают во власти даже насла-

ждения давно утраченных человечеством вин эпохи прафиллоксеры: есть мнение, что эпидемия филлоксеры в прошлом столетии качественно переродила вкусовые свойства винограда, то есть мы пьем нечто *совсем иное*, нежели наши недавние предки.

Вообще-то говоря, профессиональному алкоголику любой напиток в радость, а вкус их он уже давно забыл. Оттого-то говорят: власть пьянит!

◆ Начальник, который неожиданно получил к своему юбилею Почетную грамоту вместо обещанной медали или ордена, испытывает ощущение, сходное с тем, что чувствует женщина нестарых еще лет, обнаружив, как стоящий на соседнем балконе парень занимается рукоблудием всякий раз, как она выходит на свой балкон. Ей в определенном смысле приятно, что она является объектом сексуального возбуждения, но и чисто житейски огорчительно, что эта приятность облечена в столь виртуальную форму. В итоге ей становится очень неудобно, стыдно и противно.

◆ Если ваш друг стал Начальником, то немедленно порвите с ним отношения и навсегда, если хотите сохранить добрую память о былой взаимоприязни. Это так и только так, поскольку власть изменяет любого человека *непрерывно*; избежать этого изменения так же бесполезно, как избежать старости, человеческой глупости, гриппа в эпидемию.

А изменение властью всегда идет в одну сторону, где присутствует затухание и полное искоренение позитивных человеческих качеств.

Вопрос второй: почему оставить непременно? — Потому что указанные изменения происходят в получившем власть тотчас, ибо он всю жизнь репетировал роль Начальника. Кстати говоря, иначе он никогда бы им не стал.

◆ Всегда кажется, что нынешние времена хуже прежде бывших. Спорный вопрос, но в отношении Начальников, похоже, так оно и есть. Во всяком случае, в отношении последнего полувека для нашей страны это сущая правда, о чем незадолго до своей кончины сказал проницательнейший из политических гениев Иосиф Виссарионович Сталин: «Кончилась эпоха гениев, начинается эпоха дураков».

◆ В государствах, где самые большие Начальники любят называться «вождями», «отцами», «рулевыми», «кормчими» и пр. и пр., то есть в странах с абсолютным моноидеологическим устройством всего жизненного уклада, фантазерам скептического уклона представляется широчайшее поле для ассоциаций.

Например, самая расхожая из них. По безбрежному мировому океану плывет к неведомой цели обычно выдуманная досужими мечтателями без серьезного философского образования многовесельная галера. Гребцы, прикованные к сидениям и веслам кандалами, на каждом звене которых вытатуированы высокие слова, возникшие в общем употреблении в эпоху Великой французской революции, гребут и гребут всю жизнь.

Нельзя сказать, чтобы им не обеспечивали прожиточный минимум, но это сомнительное удовольствие — быть прикованными к одному месту на всю жизнь и грести к неведомой цели.

На корме, на высоком помосте, держит в дряхлых руках правило Великий кормчий, или Великий рулевой *etc.*, — хорошо откормленный, толстый и важный Сверхначальник. Он поет сладкие песни о счастье плыть на такой прекрасной галере к такой заветной цели. Время от времени он замечает наиболее рьяного гребца, который сам, может быть, и вовсе не гребет,

скользит веслом по поверхности воды, но усердно понукает грести изо всех сил других, более робких и неловких. Одновременно он льстиво и верноподданно смотрит на Сверхначальника-рулевого.

Тот щелкает пальцами, и личные его служители расковывают активиста, сажают его рулевым на маленькую галерку, привязанную сзади к большой. Осчастливленный, надувшись щеками и животом, начинает подпевать Великому кормчему, стегая словесным бичом своих уже гребцов.

В свою очередь и он может выделить в своей галерке активиста, посадив его в совсем маленькую лодочку рулевым. А когда все до единого активисты выявлены, отобраны и проверены, то чудесная картина предстает стороннему наблюдателю. По бескрайнему океану плывет к неведомой цели нелепая и громоздкая, неповоротливая, но страшная своей субординированной организованностью вязанка из миллионов галер, галерок и лодчонок всех калибров, руководимая единым Сверхначальником, грозя заполнить весь бескрайний океан.

Но еще страшнее, когда столкнутся два таких каравана, хотя бы и ведомые братьями-Сверхначальниками, произносящими одни и те же высокие слова; они и друг друга потопят, и загадят весь бескрайний океан.

◆ У всех женщин наблюдается врожденный, а потому и совершенно бескорыстный подхалимаж ко всякому Начальнику.

◆ Скажите Начальнику средней руки, что он получит титул самого главного Сверхначальника, если в буквальном смысле заберется выше всех людей в мире, и он, нимало не задумываясь, всеми правда-

ми и неправдами выхлопочет визу в Непал, продаст дачу и автомашину, влезет в долги, а по прибытии в горную страну в невероятных усилиях вскарабкается на Эверест, встанет на самую высокую точку Земли и будет стоять по горло в снегу, на арктическом морозе, продуваемый насквозь заоблачными ураганами, будет стоять, засунув заледеневшую руку с отмороженными пальцами за борт серого наполеоновского сюртука...

Когда очередная партия альпинистов обнаружит неведомо как очутившиеся смерзшиеся останки человека в немыслимом здесь, вдали от конторской цивилизации, кремовом пиджачном костюме, галстуке и добротных коричневых ботинках, то с еще большим удивлением отметят они выражение его лица: верховное торжество властителя мира.

◆ Я не утверждаю, что Начальник обязательно есть идиот, но разве это не состояние патологии, когда все жизненные усилия направлены на утверждение и сохранение своего дутого величия, достигнутого чиновничеством, низкопоклонством и отменной долей подлости?

◆ У хорошего Начальника подчиненный, конечно, не подхалим, но если у патрона насморк, то у подчиненного обязательно появляется хронический синусит или даже гнойный гайморит. Если первый чихнул, то второй весь нос измочалит в безудержном чихе. А стоит Начальнику кашлянуть, как подчиненный зайдет на полчаса рвотным туберкулезным харканьем. Отчего это так?

◆ Путь формирования Начальника всего более напоминает путь оскотинивания.

◆ Есть только два противостоящих, изначально антогонистических класса, характерных для всех общественно-экономических формаций — от эпохи людоедов и до развитого коммунизма, — это люди и Начальники. Именно на рубеже их соприкосновения и установился от сотворения мира фронт неутраченной борьбы.

Все иные версии о классовой борьбе были изобретены сумрачными германскими философами XIX века по заказу Начальников и для заблуждения масс подчиненных.

Нет и не было никаких других классов: вечно соединяющихся пролетариев, индивидуалистов-интеллигентов, разгосударственных феодалов и пр., и пр. Были и есть люди и Начальники, да еще, пожалуй, масоны, которые все более и более подчиняют и тех, и других. Просто внешняя окраска Начальников меняется во времени.

◆ Древняя Спарта явила миру доселе непревзойденный образец крепкой, суровой и здоровой нации. В большей части потому, что действовало правило Тарпейской скалы.

Жестокость минувших веков, но по примеру Спарты мы могли бы искусственным образом сделать нацию величайшей и реальной демократией. Для этого следует в продолжение двух-трех поколений искоренять семя начальствующей микрорасы. Жестокость Тарпейской скалы ныне неприемлема; это выглядело бы фашизмом, возмутительной дикостью. Но успехи генетики, геной инженерии, опыты клонирования, развитие биотехнологий, биохимии и микробиологии могли бы, правда, при определенных финансовых затратах, создать противозачаточное средство, отфильтровывающее и уничтожающее при акте оплодо-

творения хромосомы, начиненные генами потенциальных Начальников.

При всей фантастичности такого проекта (а ведь еще пять-шесть лет тому назад о клонировании говорили с усмешкой!), он вполне реален; самое главное, затраты на создание такого средства вряд ли превысит годовую оплату прихотей и последствий вреда, приходящуюся на долю Начальников государства средней численности народонаселения.

◆ Начальник чем-то сродни жуку-короеду; характер его тоже короедский. Действительно, кто поверит, глядя на невзрачного жучка, что тот способен пробуровать от корня до вершины столетнее дерево? Или протрухлявить за пару-тройку лет неустанной работы дом со срубом из бревен в пол-обхвата? Но это ведь на самом деле так и есть.

Не меньшее изумление вызывает у стороннего наблюдателя и Начальник, рассматриваемый в его эволюции. Думается поначалу, неужели этот болтливый недоумок, обладатель воробьиного интеллекта и куриных мозгов, единственная неординарная черта которого есть развитая челюсть и шнобель породистого гусака — символ феноменальной и несокрушимой воли без разума и чувствований... Так неужели он, ничем кроме хамства, отсутствия души и совести не обладающий, сумеет исподволь, постоянно и монотонно взбираться все выше и выше по ступеням лестницы иерархического устройства общины? Неужели он сумеет подчинить себе сотни, тысячи и миллионы людей, рядовой из которых выше его умом, интеллектом, душевными качествами?

Да, он будет распоряжаться жизнью и мыслями гения. Великому художнику он будет давать заказ-приказ на изготовление нужных ему этикеток. Он,

ничтожество с гусиным носом, своей акульей челюстью перетрет, перекорежит и пережует весь разумный мир.

Глупо, обидно устроен мир, где раз человек Начальник, так он и сволочь.

◆ Всякое социальное, общественное потрясение, как из рога изобилия, высыпает в мир новый пласт Начальников, все более и более жестоких, крепких, изворотливых, жизнестойких, с огромной проникающей силой — более проникающей, чем радиация атомного взрыва.

◆ В каждом потрясении в эволюции человечества и государств все новые формации Начальников встают на ступени власти. Откуда они берутся, где исподволь вызревают? Что оплодотворяет их семя? А может, они сродни курицам, что и без видимого наличия петуха во дворе несут и несут «жировые» яйца?

Более того, появляется мысль, что всякое общественное потрясение есть не следствие действия неких (см. Карла Маркса и Фр. Энгельса) политэкономических законов, а момент, когда созрел новый пласт Начальников, но все ступени иерархии заняты руководящим народом; вот они, созревшие, и производят насильственную смену власти под разными надуманными, насквозь демагогическими лозунгами. А непременное условие успеха — чтобы для подчиненного народа временно не стало хватать мяса, хлеба и зрелищ. Вот так и делаются в истории революции, да и сама история.

◆ Лучше уж демократы, чем Начальники! — Вывод, преисполненный отчаяния. Дальше уже и некуда.

◆ Легко было Льву Толстому, намного труднее художнику в эпоху администрирования «рабоче-крестьянских» Начальников, ибо последние суть воплощение идеала Начальника в чистейшем виде, безо всяких смягчающих элементов естественно-гуманистического воспитания и образования. Последнее когда-то если не облегчало, то хоть делало возможным существование Львов Толстых.

Однако период таких Начальников был исторически неизбежным после того, как Лев Давидович Троцкий злонамеренно подсек под корень всю русскую образованную прослойку, а Иосиф Виссарионович Сталин еще не получил полную власть и не начал восстанавливать её.

◆ Совсем не обязательно, чтобы каждый Начальник был подлецом, лицемером и жестокосердным; просто сам институт начальства, руководства, администрирования людьми основан на этих качествах, как на китах.

Всякий, соглашающийся на определенную работу, должен принимать ее условия.

◆ Всем людям, тем более исповедующим материалистическую религию в наиболее ортодоксальной ее форме, ясно, что существует такое понятие, как коллективное мнение. То есть каждый индивидуум по-своему осмысливает свое отношение к тому или иному явлению жизни, но вместе с тем он является членом какого-то клана, коллектива — по работе, по убеждению, по склонности и т.п. Но ведь точно так же весь мир можно рассматривать как сосуществование двух групп: Начальников и подчиненных, — каждая из которых имеет свое *коллективное мнение*.

В силу этого Начальники приняли за догму считать подчиненных ленивыми, хитрыми, обманщиками и паскудниками мысли.

Наоборот, последние полагают Начальников авантюристами, хамами, недалекими, но нахрапистыми, напролом все берущими мерзавцами.

Конечно, те и другие горячатся, не во всем правы. Например, вы, читающие эти строки, то есть большей частью подчиненные, сами себя не узнаете в этом мнении Начальников. Точно так же и последние имеют определенные отклонения от портрета коллективного мнения.

Например, многие — я не говорю: большинство — Начальники малой и средней руки попали в этот престижный клан только потому, что кто-то ведь должен работать, нужны же трудолюбивые, послушные люди для исполнения замыслов высоких бюрократов и военачальников?

Вот последние-то на сто процентов есть прожженные бестии; именно по их портретам и формируется коллективное мнение класса подчиненных о своих Начальниках.

◆ Друг Начальника всегда есть Начальник меньшего ранга.

◆ Были короли, жрецы, фараоны, герои — все ушло, остался неромантический и неприглядный голый тип Начальника.

◆ Может, потому Начальники так любят шахматную игру, что она учит, тренирует до автоматизма предвидеть самую мельчайшую ситуацию за много ходов вперед. Это их умение поразительно, изумительно. Ум Начальника в этом отношении есть

сверхпроизводительная вычислительная машина (суперЭВМ, как принято говорить), которая каждый миг, перед принятием даже четвертьстепенной важности решения, просчитывает все возможные последствия на весь допенсионный остаток деятельности Начальника и с учетом поправки на возможное продвижение по службе.

◆ При необычности и беспрецедентности такого предложения, вполне разумно создание Международного Фонда Начальников. В него, наподобие отечественной номенклатуры, вносятся имена всех Начальников, существующих на Земле. Они распределяются в специальных каталогах по чинам, соответствующим ступеням унифицированной иерархической лестницы. Например, в едином чине будут заместитель начальника треста (ныне АОЗТ или ОАО) домостроения у нас, казначей маленькой африканской империи, секретарь викарного епископа в Испании и т.п.

Пока в мире нет серьезных катаклизмов, порядок убывания, возрастания и распределения по должностям Начальников в каждой стране идет естественным порядком и согласно общественному строю, традициям, культуре и пр. данной страны.

Но как только где-либо обнаруживается нехватка Начальников в результате землетрясений, революций, измены, чумы, дворцовых переворотов... тут же сразу зарезервированные Начальники направляются Фондом на затыкание бреши.

Сам же резервный Фонд набирается в рамках Международного Фонда Начальников из излишков руководителей тех государств, где бюрократический аппарат так раздулся, что дальнейшее производство Начальников грозит ликвидацией, то есть переходом

в Начальники, последних подчиненных. А то, что Начальники перебрасываются из одного государства в другое, никак не скажется на качестве их работы, ибо природа Начальников и начальствования есть самый интернациональный фактор в мире.

Но самое интересное, что сказанное выше уже и давно осуществляется. Только полным идиотам, то есть обывателям Запада, нужно доказывать, что уже сформировано и правит миром пока еще тайное, но реальное Мировое правительство; его называют по-разному — Римский клуб, Трехсторонняя комиссия, Бильденбергское соглашение... — но сути это не меняет. Известна его основная идеологическая доктрина — масонство; официальный орган мирового исполнения — ООН; государство, на которое возложена функция международного жандарма — США; министерство финансов и резервный банк — МВФ; министерство координации пропаганды — фонд Сороса и т.п.

Международный же Фонд Начальников возник одним из самых первых. Массовая засылка Начальников на вакансии была прорепетирована еще во Франции после революции 1789-го года. Но наиболее масштабная операция — это заполнение всех вакансий Начальников и на всех ступенях иерархической лестницы в России после революции 17-го года.

◆ Главная забота Начальника — скрывать свои привычки, мысли, дела, самое свое телесное существование от подчиненных.

Для чего? Во-первых, дабы избежать накопления компромата. Во-вторых, избежать ненужной и вредной в его профессии фамильярности. Наконец и в основном, создать вокруг себя атмосферу таинственности, высоких помыслов, недоступных смертным

мыслей. Всякое незримое присутствие чего-либо и кого-либо пугает людей, создает эффект божественности. Этого и добивается каждый Начальник в рамках данных ему полномочий.

◆ Юность Начальника совсем не похожа на годы его активной деятельности. Бюрократ, как и бабочка, проводит ее в форме, абсолютно отличной от формы сознательной жизни. В коконе человеческого по виду организма зреет и хранится до поры его основное содержательное качество — комплекс Начальника. А пока же, до поры возмужания, он весел, общителен, может казаться подающим надежды пьяницей-гулякой, лихим бабником. Но потом — как отрезало — с получением первой, стартовой должности.

Разумеется, прежние качества отчасти сохраняются в форме атавизма, но пьет он теперь в кабинете, в кругу своих соначальников, не на виду во всяком случае. С женщинами отношения устраивает по-солидному, а если приспичит, то под рукой — дежурная подруга-секретарша; опять же кабинет отдельный.

Со стороны же кажется, что человек, став руководителем, изменился полностью. Это одно из многих искусств Начальника.

◆ Обычное название акта кульминации телесной любви «отдалась» неприменимо по отношению к женщине-Начальнице. Она лишь допускает к телу.

◆ Самомнение Начальника столь велико, что он полагает подвластными себе силы и законы природы. И очень негодует, удивляется, когда рушится построенный по его рукоуказаниям дом, проваливается дорога, крошится недообожженный кирпич. Кстати

(и вовремя всегда!) возникают и легенды о диверсиях, вредительствах. Так случается везде, где Са... Тьфу! Начальник правит бал.

◆ Пропорции носа Начальника столь же важны, как и у Клеопатры, ибо нос, равно подбородок, есть внешний признак воли к власти. Поэтому нос Начальника не может и на миллиметр быть короче оговоренного (между строк) в табеле о рангах.

◆ Замечательна тяга Начальников к ведению всяких исследований.

◆ Множество путей ведет к власти. Но множественность эта иллюзорна, она уподобляется некоему одному-единственному пути, достаточно узкому, по которому идут, ползут, бегут и летят, не чуя ног под собою, великие множества стремящихся к власти, престижу, двухтумбовому столу.

Все они в черных очках, таких черных и глухих, что сквозь стекла видят только светящееся в конце пути солнце — место отправления власти: престол, гора, двухтумбовый стол...

Ничто другое не различают эти люди сквозь глухо-темные стекла очков, только солнце-власть; мечутся, рвутся, давятся и давят всех попадающих им под ноги, режут, звереют, бьют по головам. А иные, хитрые и осторожные, бочком-бочком проползают между поверженными, бездыханными, замирая при приближении неистовых конкурентов.

Все видят только солнце-власть, текут к нему и доходят, если только их не раздавит масса в черных очках. Вот откуда проистекает иллюзия множественности путей при полной их единичности.

◆ В сердце каждого человека кричит зародыш Начальника при виде рабски согнувшейся спины ближнего своего, хотя бы того и схватил радикулит.

◆ Нищета рождает Начальника-деспота, роскошь и пресыщенность сеют самодуров. Кто из них лучше? — Для кого? — Следует уточнение.

◆ Идея богов есть хитроумнейшая апология института Начальников, а миф о монотеистичности Вершителя Мироздания — вершина этой апологии. Поскольку их власть вечна, и нет ей реальной альтернативы, то вечна и идея Бога — морального оправдания власти человека над человеком. Когда же терпение людей иссякает, то Начальник решается на рискованный, но единственно верный и спасительный для него шаг. Он разрушает — вкуче со всеми другими Начальниками — старого, приевшегося бога и исподволь, незаметно выдвигает нового: нового по названию, мифологии, но прежнего по сути: демагогическое оправдание своего существования и своих функций. И это все называют прогрессом истории, эволюцией общества.

◆ В душе каждого подчиненного трепетно живет мысль о настоящем Начальнике; это сродни мечтам загипнотизированного удавом кролика.

◆ Кто не хочет быть подчиненным, но не рожден стать Начальником, тот повисает в воздухе. Так являются в мир юродивые, поэты, художники, бесплодные авантюристы, отщепенцы общества, то есть люди не от мира сего. Это, впрочем, не относится к их Начальникам, то есть Начальникам над юродивыми, поэтами и пр.

Иерархия, хотя бы в наличии руководящего класса, существует и в отрицающих иерархию массах.

◆ Душа каждого, имеющего власть, тяготеет к монументальности. Всякий из них мыслит свое существование после физической смерти в форме монумента, стремится всю жизнь к этому и в той или иной степени достигает желаемого в соответствии с мерой совершаемых поступков, проявленной воли к власти, участия в игре исторических и общественных катаклизмов и пр.

И вот стоит на площади районного городишки монумент — бронзовое факсимиле Великого Начальника уезда. Он-то своего достиг, но как живые люди думают о нем, проходя мимо по своим мелким делишкам?

Глупый подчиненный: какой великий гений, полководец, деятель! Бывают же люди на Земле! Как он величественно и мужественно держит саблю (кепку, папку etc.), как он вдохновенно простирает длань в сторону сияющих перспектив благоденствия города, нации, государства, мира всего!

Умный подчиненный: вот монумент, чудесным образом трансформированный в облик Начальника; как молодецки он поднял саблю — всех порешу! Хотя в жизни ее и не касался, разве что в детстве — деревянной. А так — тем и занимался, что подсиживал всех и вся и зад плоский утюжил в штабах, за тысячу верст от позиций.

Как сияюще он протянул руку к горизонту всеобщего благоденствия, как прост и демократичен, а в жизни только и зыркал заплывшими глазенками, как бы кого в яму спихнуть, а от народа отделил себя китайской стеной телохранителей и армией полиции.

Младший Начальник: большого был ума человек, хитер, бестия, ловок!

Средний Начальник: эх бы его спихнуть и самому усесться!

Великий Начальник: надо бы на досуге заняться этим делом, подвести базу идеологическую и убрать монумент отсель. Площадь и так мала, двум не разместиться; это вам не долина Нила, где каждому по пять га отводили...

◆ *417-е размышление профессора Скородумова — и последнее.*

— Ну, всем у тебя Начальники нехороши! Получается, раз Начальник — так и сволочь несусветная. А вот Петрова взять...

— Знаю, знаю, друг Федор. И Петров, наш с тобой общий знакомец, человек в высшей степени превосходный. И Иванов, твой сосед по даче, душа-человек. А уж о Сидорове, куме моем, так и песни слагать хочется. Я, между прочим, тоже два десятка лет начальником был. Но ты ведь, друг Федор, филологическое образование имеешь и до того, как стал районным Начальником над школами, пятнадцать лет мучил детишек, заставлял правила грамматики зубрить. Поэтому кому, как не тебе знать, что исключения только подтверждают правила!

— Это все понятно, но как мне в глаза Вышестоящим смотреть, попадись им в руки эта книжка с твоей дарственной надписью, а?

— А ты, друг Федор, книжку-то припрядь в своем наробразовском кабинетном сейфе, ну, там, где у тебя початая бутылка коньяку стоит да утаенная от жены заначка сохраняется; кстати, секретарша твоя новая, Нелечка, явно не по сред-

ствам живет: вчера встретил на улице, опять серьги новые! Но это не к делу. Так вот книжку-то спрячь, а насчет мнения Начальников об инвективах в их адрес, то помни, что англичане — премудрейший, скажу тебе, народец, даром что бабы у них в главнейших Начальниках — давно нашли выход из щекотливых ситуаций такого рода. У них принято считать: что бы они ни обсуждали и ни осуждали, но при этом присутствующие джентльмены в виду не имеются. Ловко? Кстати говоря, женщины этого понять не могут, ибо привыкли, воспитаны так, что все примеряют на себя самую. Им же хуже... На том и аминь!

Университетская идиллия. Влюбленные аспиранты юридического факультета обсуждают: у кого больше «навар» — у адвокатов или приставов?

Сцена на губернском балу. «У меня, Пантелеич, в департаменте предпоследний куряка уволился!» — «А у меня, Фомич, в комитете пьющий, тоже предпоследний, подал заявление!» Про последнего — молчок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вместо предисловия: А. П. Чехов «Хамелеон».....</i>	<i>3</i>
<i>Новелле первая: Лицензия на отлов мышей.....</i>	<i>9</i>
<i>Новелла вторая: Уж тем ты виноват... или в змеином гнезде.....</i>	<i>51</i>
<i>Новелла третья: Папка с защелкой на торце.....</i>	<i>79</i>
<i>Новелла четвертая: Кувалдометр, или зимняя сказка.....</i>	<i>94</i>
<i>Новелла пятая: Новые мытари.....</i>	<i>111</i>
<i>Новелла шестая: Философствования о совершенствовании идеи.....</i>	<i>136</i>
<i>Новелла седьмая: Чиновники от вредных привычек.....</i>	<i>154</i>
<i>Новелла восьмая: Административный восторг, или опасная профессия.....</i>	<i>171</i>
<i>Новелла девятая: Училки, доносчики и блокляйтеры.....</i>	<i>207</i>
<i>Эпilog: Размещения профессора Скородумова на злобу дня.....</i>	<i>230</i>

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРА
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
Алексей Афанасьевич

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ,
ИЛИ КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ**

Роман-новеллино

18+

Компьютерный набор: Л. П. Хохлова
Редактирование и корректура: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин
Художественное оформление: А. А. Яшин

Издатель: Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
123995, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24,
тел.: 8-495-691-63-41

Подписано в печать 21.07.2014 г.
Формат 84×108 1/16. Печ. л. 18,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Akademy»
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Папирус»,
300041, г. Тула, ул. Ленина, 12
Тел.: 8-4872-38-40-09